ПЕВЕЦ ВОЛГИ
Д.Н. САДОВНИКОВ

Д. Н. САДОВНИКОВ
(1847—1883)

ПЕВЕЦ ВОЛГИ
Д.Н. САДОВНИКОВ

СМС

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЗАПИСИ

Составила и комментировала
В. Ю. КРУПЯНСКАЯ

Под общей редакцией
академика Ю. М. СОКОЛОВА

КУЙБЫШЕВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. 1940

К.
П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009
М/С

Переплет, форзац, титул, заставки, концовки и иллюстрации в тексте художника А. И. ВОЛКОВА.

БИБЛ. ИМЭЛ при Ц.К.В.К.П.(б)
311845 У

От составителя

Литературное наследство Дмитрия Николаевича Садовникова разбросано по многочисленным журналам и газетам. Поэт умер, не успев издать книги своих стихов. После его смерти вышло два издания его стихотворений: «На старой Волге», Симбирск, 1906 г., и «Песни Волги», СПб, 1913 г., изд. Терновского. Первая книга заключает в себе цикл стихов, посвященных Волге и Степану Разину, во второй собрано почти все стихотворное творчество Садовникова, как самостоятельное, так и его переводы из иностранных поэтов; однако и это издание не является исчерпывающим. При сличении текстов изданий 1906 и 1913 гг. друг с другом и с прижизненными публикациями мы обнаружили большое количество разночтений, весьма существенных (опущение целых строф, наличие новых, замена слов и отдельных выражений, произвольная пунктуация), допущенных в издании 1906 г. и никак в нем не оговоренных. Остается неизвестным, какими материалами располагали составители данной книги. Тексты издания 1913 г., наоборот, совпадают с первыми публикациями, вышедшими при жизни поэта.

Не располагая возможностью проверить издание 1906 г. по автографам Д. Н. Садовникова (нам, к сожалению, не удалось ознакомиться с его архивом), мы считаем прижизненные публикации более надежным источником и кладем их в основу текстов в выпускаемом нами сборнике. В тех случаях, когда нам не удалось разыскать первых публикаций, мы печатаем текст по изданию Терновского, в котором выдержан тот же принцип. По своей тематике раздел стихов в нашем сборнике совпадает с изданием 1906 г. Мы помещаем в нем тот же цикл стихов, — Степан Разин и Волга, — изменив лишь несколько их последовательность.

Цель нашего сборника — познакомить широкий круг читателей с самобытным творчеством незаслуженно преданного забвению поэта.

«Не зная хотя бы одной из песен Садовникова о Стеньке Разине, нельзя составить и сколько-нибудь близкого к действительности понятия о силе и самобытности его поэтического таланта», — писал поэт Ап. Коринфский.[1]

---

[1] Ап. Коринфский, Д. Н. Садовников и его поэзия, 1900 г., стр. 24.

Садовников обнаруживает в своем творчестве глубочайшую связь с народом и не только теоретическое и книжное, но живое и непосредственное знакомство с народной жизнью и народным творчеством, наблюдая это последнее в обстановке его бытования.

Помещая в одном сборнике литературное творчество поэта и записанные им произведения устной народной поэзии, свидетельствующие об его научных и поэтических интересах, мы раскрываем этим одну из ярких и своеобразных страниц тесного взаимоотношения литературы и фольклора.

На примере Садовникова мы видим, как много может получить поэт, прильнувший к живому, неиссякаемому источнику народной поэзии, как мужает и крепнет его талант, как освежает он этим соприкосновением с народным творчеством свой поэтический язык и творчески его обогащает.

Образцы устного народного творчества в записях поэта в свою очередь показывают, как много может получить и наука о фольклоре, когда собирателями его являются не только ученые-фольклористы и этнографы, но и поэты, сильно и глубоко воспринимающие жизнь, тонко чувствующие и понимающие художественную форму.

Считаю необходимым принести благодарность акад. Ю. М. Соколову и и.о. доцента В. И. Чичерову за ценные советы и указания, данные мне в процессе моей работы над сборником, а также внучке поэта М. М. Вологиной за предоставленный ею портрет Д. Н. Садовникова, публикуемый впервые.

Дмитрий Николаевич Садовников

(1847—1883)

«Первая моя встреча с ней (Волгой.— В. К.) вызвала с моей стороны немое обожание к чему-то великому и живому. Полное сближение не замедлило последовать. Каждый временный разрыв болезненно отзывался на моем сердце и — помню — я ждал свидания с каким-то приятным трепетом. Одним словом, Волга была, если хотите, моей первой любовью; первое представление о прекрасном неразрывно связано с ней».[1]

Так писал Д. Н. Садовников после одной из своих поездок в Поволжье, где он родился и вырос. Это признание чрезвычайно характерно для автора одной из популярнейших в народе песен «Из-за острова на стрежень».

Поволжье, его прошлое и природа, жизнь народа, его чаяния и в особенности те стороны народного духа и истории, которые отразились в народном творчестве, — вот что всю жизнь глубоко волновало поэта, вот что определило направление его научных интересов и дало мощный импульс к развитию его поэтического таланта. «Сердце поэта всегда ищет таких мыслей, с которыми бы могло нераздельно слиться, и все его тревоги, вся неудовлетворенность — часто от невозможности такого слития...»[2] «Только «живая любовь» дает содержание и жизнь поэзии, а не холодная филантропия пера»,[3] — так писал Садовников о поэзии Некрасова. Эти слова характеризуют также и его собственное творчество. Содержание его поэзии бережно выношено поэтом. Сила и действенность поэтического таланта Садовникова заключаются именно в том, что поэт не механически черпает из сокровищницы народного творчества, а вживается в самый дух воспринятых образов. Воскрешенные из мрака прошлого образы «вольных людей» Поволжья облечены им в плоть и кровь, согреты подлинной, горячей любовью, и это делает его произведения сильными и яркими.

Кто песню вольную заслышит,
Кто от души ее споет,—
Любое сердце расколышет,
Любые цепи разобьет...

---

[1] Журн. «Кругозор», 1877 г., № 25.
[2] Журн. «Искусство», 1883 г., № 20.
[3] Там же, № 19.

* * *

Дмитрий Николаевич Садовников родился 25 апреля (ст. стиля) 1847 г. в Симбирске (ныне Ульяновск) в небогатой дворянской семье. Отец его, Николай Александрович, получил образование в Педагогическом институте при Петербургском университете и был человеком хорошо образованным. Мать Д. Н. — Татьяна Ивановна (урожд. Полянская), умерла, когда мальчику исполнилось 3 года. По словам людей, знавших ее, это была очень развитая женщина, много читавшая и даже писавшая недурные стихи.

Первые годы детства Д. Н. Садовников провел у своей тетки Юлии Ивановны Полянской. Семилетним ребенком отец взял его с собой в деревню, где жил в то время домашним учителем в семье помещика Дроздовского. Д. Н. рос болезненным, впечатлительным ребенком, обнаруживавшим раннее развитие, — пяти лет он уже читал, восьми сочинял стихи. Излюбленным чтением его в детстве была естественно-научная литература и описание путешествий. Литературные способности в нем пробудились рано. Девяти лет он преподнес отцу объемистую рукопись «Жаркие страны», а года через четыре — целую тетрадь о «Космосе для детей». Своему отцу Д. Н. обязан страстной любовью к литературе и основательным знанием нескольких иностранных языков (впоследствии он свободно читал по-французски, итальянски и английски, менее свободно — по-немецки).

В 1860 г. отец Садовникова умер, и тринадцатилетний мальчик остался всецело на попечении беззаветно его любившей тетки Ю. И. Полянской. Вскоре он поступил в 4-й класс симбирской классической гимназии. Учился Д. Н. прекрасно по всем предметам «кроме математики, которая ему не давалась и которую он не любил за ее сухость и, как он сам выражался, «за бессердечность».[1] В 1867 г. Д. Н., принужденный уйти из 7-го класса гимназии, уехал в Москву. Не попав в университет, способный и трудолюбивый юноша чтением книг и самостоятельным прохождением университетского курса наверстывает пробелы в своем образовании. Он основательно знакомится с отечественной литературой и с произведениями лучших представителей английской и французской поэзии и литературы. После долгих поисков работы Д. Н. устроился учителем английского языка к богатому купцу и вместе с ним предпринял путешествие в Персию. По непредвиденным обстоятельствам поездка эта осталась незавершенной. Побывав в Константинополе и прожив несколько месяцев в Крыму, Д. Н. возвратился в родной Симбирск; здесь, подобно своему отцу, он стал давать частные уроки, а затем поступил домашним учителем в семью помещика Лазарева, родственника своей будущей жены Варвары Ивановны Лазаревой.

---

[1] Пав. Симони, «Садовников Д. Н.», Русский биографический словарь, СПб, 1904 г.

В 1871 г. Садовников женился и вскоре уехал с женой сначала в Москву, а потом в Петербург, пытаясь, повидимому, там обосноваться. Однако прожил он в столице недолго и снова возвратился в Симбирск. Вплоть до смерти жены (1877 г.) Садовников жил здесь почти безвыездно.

Симбирский период жизни Д. Н. Садовникова — время его наиболее интенсивной и плодотворной работы как собирателя произведений народного творчества и исследователя местной истории и быта. В 1872 г. в журнале «Беседа» (№ 11 и 12) был напечатан его первый научный труд — обстоятельная историко-этнографическая статья «Жегули и Усолье на Волге», явившаяся результатом его путевых наблюдений. Жигулевское побережье — эта колыбель волжских преданий — влекло к себе Садовникова прежде всего как поэта, и он, повидимому, совершил туда не одну поездку.

В Жигулях и на Самарской Луке Садовников записал небольшой материал, однако личные, непосредственные впечатления показали ему, как жива еще в этих местах память о Степане Разине и знаменитой волжской вольнице, какой народной молвой окружены их подвиги.

В плане тех же исторических интересов и влечений поэта к сильным, самобытным натурам написана им книга «Подвиги простых русских людей» (рассказы о заселении Сибири, 1581—1712 гг.), печатавшаяся в журнале «Грамотей» в 1873 г. и вышедшая отдельным изданием в 1874 г. Живо и образно характеризует поэт первых завоевателей и засельников Сибири — людей сильного характера, твердо направленной воли: Ермака, Дежнева, Пояркова, Хабарова и др.

Трудно установить точные даты собирательских работ Садовникова, так как нигде в его трудах не отмечено время записи, но почти с достоверностью можно сказать, что все они падают на первую половину 70-х годов. Много записей произведено им в самом Симбирске. Другим постоянным местом его собирательских работ явилось село Новиковка (Ставропольский уезд, Самарской губернии — нынешний Малокандалинский район, Куйбышевской области), где находилась усадьба помещика Лазарева. Большую работу по собиранию загадок и заговоров Садовников провел также в селениях Новое Урайкино, Пальцыно, Рузаново, Озерки, Камышевка (нынешние Новобуянский и другие районы, Куйбышевской области).

Записанные Садовниковым материалы и сводка ранее опубликованных материалов (Сахарова, Худякова, Даля) составили специальный сборник «Загадки русского народа». Выпущенный в 1875 г. сборник этот составил его автору имя в фольклористической литературе и до сих пор является лучшим по полноте и систематичности сборником русских загадок. Большое собрание заговоров так и осталось ненапечатанным, лишь незначительная

их часть была опубликована в «Симбирских губернских ведомостях» (1874 г., № 34, 36 и 40).

В усадьбе Лазаревых произошла примечательная встреча, а затем протекла и вся дальнейшая работа Садовникова с Абрамом Новопольцевым, уроженцем с. Яксашное-Помряськино, расположенного в 2 километрах от Новиковки. В лице Абрама Новопольцева Садовникову посчастливилось встретить сказочника огромного художественного мастерства. По количеству же и разнообразию записанных от него текстов, по богатству репертуара Новопольцеву принадлежит первое место среди русских сказочников. [1]

Работа по подготовке сказок и преданий к печати была проведена Садовниковым значительно позже. Смерть застала его над корректурой последних листов, а замечательный сборник «Сказки и предания Самарского края» вышел уже после смерти поэта—в 1884 г.

Д. Н. Садовников не получил специального филологического образования, тем не менее в своей собирательской работе он стоял на уровне современной ему науки о фольклоре.

К сожалению, собиратель умер, не успев снабдить собранный им материал необходимыми сведениями об исполнителях и о той обстановке, при которой ему пришлось вести свои записи. Однако ряд его этнографических статей и очерков содержит в себе большое количество исторических, бытовых и психологических подробностей, ярко рисующих ту социальную среду, в которой бытовали записанные им произведения народного творчества. В этом отношении особенный интерес представляют его статьи «Жегули и Усолье на Волге», «Из летних поездок по Волге» и художественные очерки «Языческие сны русского народа».

Помимо собирания произведений народного творчества Садовников работает в Симбирске над переводами из иностранных поэтов (Лонгфелло и Байрона). К этому же времени относятся и его первые самостоятельные художественные произведения, в которых им использованы сюжеты народных преданий: «Усолка», «Попутный ветер».

Переезд Д. Н. в 1877 г. в Петербург был вызван не только личным моментом — смертью жены, но и прочно установившимися литературными связями с Москвой и Петербургом. Поручив своих трех малолетних детей попечению все той же Ю. И. Полянской, Д. Н. уехал в Петербург, где он прежде живал лишь наездами, временно, и вступил здесь на литературное поприще уже в качестве профессионала-литератора. В этот петербургский период своей жизни Садовников особенно много работает как поэт-переводчик. Из иностранных авторов он более всех любил Байрона и Шекспира (поэт всю жизнь мечтал посетить Англию — родину Шекспира).

---

[1] М. К. Азадовский, Русская сказка, ч. II, изд. «Академия», 1932 г.

Он много переводит также из Бушера, Сюлли, Терье, из Теннисона, Лонгфелло, Эдгара По, Петефи, Рувенберга. Садовников по оценке современников являлся одним из лучших переводчиков своего времени. Его стихотворные переводы удовлетворяют двум главным требованиям — близости к букве подлинника и верности красоте духа последнего.[1]

Вопросы литературы вообще живо и глубоко интересуют поэта. Будучи страстным поклонником Пушкина, он хлопочет об основании в Петербурге пушкинского кружка, набрасывает проект его устава. Ко дню открытия в Москве памятника Пушкину Садовников, будучи в то время в Симбирске, присылает свои стихи, публично прочитанные на торжественном заседании, посвященном памяти поэта. Интерес к Пушкину углубляется в Садовникове в связи с поступившим в его руки в 1882 г. архивом поэта Н. М. Языкова, дотоле находившимся в имении племянника покойного поэта, П. А. Языкова, в с. Анненкове, б. Симбирской губернии. Архив этот имеет совершенно исключительное историко-литературное значение. Семейная переписка Языкова и письма к нему П. В. Киреевского дают богатейший материал для характеристики быта и идейных настроений Киреевских и их круга. Вместе с этим выясняется и роль самого Языкова, как неутомимого собирателя и активного участника (наряду с Киреевским) в грандиозном фольклористическом предприятии — издании «Песен».[2]

Д. Н. Садовников усиленно занимался разработкой этого литературного архива. Он опубликовал и комментировал письма А. С. Пушкина к Н. М. Языкову. Частично им были опубликованы (журн. «Исторический вестник», № 12, 1883 г.) также письма П. В. Киреевского в выдержках, касающихся Пушкина. Выдержки эти, по мнению М. К. Азадовского, «имели первоклассное значение, так как они давали возможность судить о подлинных интересах Пушкина в области народной словесности». Садовников предпринял также работу по составлению биографии Н. М. Языкова, но смерть помешала ему закончить этот труд.

В последние годы своей жизни Д. Н. Садовников выступал как литературный критик. Под псевдонимом Д. Волжанова он опубликовал в журнале «Искусство» (где с 1882 г. он вел литературно-критический отдел) ряд талантливых критических этюдов о современных ему русских поэтах. Вопрос о народности в поэзии Некрасова, А. К. Толстого, Мея — предмет его вдумчивой, критической мысли. Проблема народности представляет для Садовникова не только теоретический интерес: поэт упорно и внимательно изучает особенности художественной формы, языка и содержания произведений народного творчества. Любопытны его собственные опыты (1881—1883 гг.) использования народной поэтики в стихо-

---

[1] Ап. Коринфский. Д. Н. Садовников и его поэзия, стр. 104.

[2] См. об этом у М. К. Азадовского, «Киреевский и Языков» («Литература и Фольклор», Л., 1938 г., стр. 136—141).

творениях, построенных на мотивах народной поэзии. В этом отношении особенно интересен цикл стихов о Разине, задуманный поэтом незадолго до смерти и лишь частично им осуществленный.

Литературная деятельность Садовникова разносторонняя и свидетельствует об его незаурядной одаренности. По словам литературного критика В. В. Чуйко, «в небольшой промежуток времени он успел себе составить если не обширную, то почетную известность в литературных журналах Москвы и Петербурга, где его привыкли уже ценить и уважать».[1] Садовников принимал участие более чем в сорока журналах и газетах.

По единодушному отзыву всех лично его знавших, Садовников был сдержанный, деликатный человек, готовый помочь каждому в его нужде. Он был скромен, но общителен и очень живой в вопросах, его интересовавших.

Скудость биографических сведений не дает возможности обрисовать сколько-нибудь полно литературные и общественные связи Садовникова. Любопытное указание сохранилось в воспоминаниях поэта С. Д. Дрожжина. Он вспоминает, как в зиму 1879 г. ему неоднократно приходилось бывать в Петербурге, где обычно он останавливался у Н. А. Соловьева-Несмелова, молодого, начинающего в то время беллетриста. «Он (Соловьев-Несмелов. — В. К.) снимал тогда, — пишет Дрожжин, — небольшую квартиру на Малой Подъяческой улице, и тут-то мы с ним давали полную волю нашей душевной беседе. У него часто собирались молодые начинающие писатели, между которыми были: талантливый поэт (ныне покойный) Д. Н. Садовников и здравствующие М. Н. Альбов, К. С. Баранцевич, А. В. Круглов, Н. И. Позняков и многие другие, в первый раз заговорившие об образовании «Литературного кружка», в котором могли бы сходиться молодые писатели для обмена мыслей, чтения литературных произведений и их критической оценки. Кружок этот предполагалось назвать именем народного поэта — «Пушкинским».[2]

Общение Д. Н. Садовникова с Н. А. Соловьевым-Несмеловым, другом и биографом И. З. Сурикова, его встреча с Дрожжиным (также, как и Суриков — поэт-самоучка из крестьян), в творчестве которого фольклорные мотивы являются преобладающими, раскрывают перед ними круг общественных и литературных интересов этой писательской среды. Интерес к народной жизни, вопросы взаимосвязи литературы и фольклора, народное творчество, как таковое, не могли не иметь здесь первостепенного значения. Характерно и отношение этого кружка к Пушкину, как к народному, по выражению Дрожжина, поэту. Упомянутые Дрожжиным Альбов, Баранцевич, Круглов, Позняков, впоследствии довольно

[1] В. В. Чуйко. Современная русская поэзия и ее представители, СПб., 1885 г., стр. 149—162.

[2] С. Д. Дрожжин. Записки о жизни и поэзии (Стихотворения С. Д. Дрожжина, 1856—1888), М., 1907 г.

видные беллетристы, в то время только начинали свою писательскую деятельность. Все они были связаны с тем же кругом литературных редакций, что и Садовников.

Большая личная дружба связывала Садовникова с поэтом И. Я. Полонским, вокруг которого группировались многие литературные силы Петербурга. Общительный и гостеприимный Полонский имел обширный круг знакомых, и его «пятницы» отличались непринужденностью и многолюдством. Здесь присутствовали и представители высшей бюрократии, и писатели (Тургенев, Достоевский), и артисты (А. Рубинштейн, Савина), и художники (Айвазовский, Верещагин, Репин). Непременным посетителем этих собраний был и Д. Н. Садовников. Он оставил живо и талантливо написанный дневник воспоминаний о «пятницах» Полонского и памятных ему встречах с И. С. Тургеневым в зиму 1879—1880 гг.[1] В своем дневнике Садовников описывает и литературный вечер в Благородном собрании с участием Достоевского, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Полонского и др. Метко и образно характеризует он манеру чтения каждого. В центре этих воспоминаний стоит Тургенев. Садовников передает рассказы Тургенева о Франции, его суждения об искусстве, музыке, его отзывы о современных ему композиторах, актерах, художниках. Особенно интересен разговор Тургенева с Садовниковым по поводу молодой французской поэзии, в частности о поэтах реалистического направления — Ришпене и Бушоре (над переводами последнего Садовников в то время работал). В одну из своих встреч с Тургеневым Садовников дарит ему свой сборник загадок и получает одобрительный отзыв. «Просматривал ваш сборник и нахожу его интересным, — говорит ему Тургенев, — мне особенно нравится толковая и ловкая группировка загадок». Тургенев зовет Садовникова в Париж, обещает познакомить его с французскими милыми поэтами. Таково общее содержание дневника, явившегося началом предпринятой Садовниковым и предназначавшейся им для журнала «Искусство» работы (этюды и воспоминания о Тургеневе).

Смерть помешала осуществлению этого труда, как и ряду других литературных замыслов поэта. 13 декабря (ст. стиля) 1883 г. Д. Н. Садовников скончался в Боткинской больнице в Петербурге (неожиданно, после одной из своих поездок к детям в Симбирск) на тридцать седьмом году жизни, в расцвете сил и таланта. Еще за несколько дней до этого он был в кругу друзей, вел оживленные беседы, строил грандиозные литературные планы.

При всем внешнем разнообразии интересов деятельность и творчество Садовникова отличаются большой целеустремленностью, единством мысли и чувства. В центре его научных и поэтических интересов стояло родное Поволжье. По свидетельству близко его знавшего В. В. Чудко, «Поволжье интересовало его чрезвычайно,

---

[1] Сб. «Русское прошлое», 1923 г., кн. 1 и 3.

и он любил говорить о нем, о тех сторонах народного духа и истории, которые отразились в народном творчестве». Любовь к народной песне явилась тем звеном, которое органически связало научную деятельность поэта с его литературным творчеством.

Садовников — не специалист-ученый академического типа, он прежде всего — поэт, литератор. Народное творчество интересует его главным образом в двух направлениях. Прежде всего через произведения народного творчества поэт стремится глубже познать реальную жизнь народа.

«Желание ближе познакомиться с культурным и умственным развитием нашего народа заставило меня прежде всего взяться за словесные памятники его творчества», — пишет Садовников в своем предисловии к сборнику загадок. С этой целью он и предпринял свой обстоятельный труд по сбору и изданию загадок, задачей которого, по его словам, явилось — «выяснить группировкой загадок бытовую обстановку и мировоззрение русского народа».[1]

В своем литературном очерке «Языческие сны русского народа» Садовников, привлекая материал народных поверий, в художественно обобщенном им образе сказочника-пастуха также пытается раскрыть, по его представлению, мировоззрение народа с его отношением к природе, как к живому организму.

«Слушая этого простого человека, — пишет он, — дыша запахом зеленого леса и цветущих лугов, вы невольно переноситесь мыслью в тот цельный, совсем особенный мир, про который он повествует».

В уста своего сказочника Садовников вкладывает большое количество поверий о лешем и водяных, слышанных во время его поездок. Пастух повествует о фантастических образах народной мифологии с необычайной живостью и наглядностью, «как будто,— по выражению автора очерков, — о своих знакомых». Для многих записанных Садовниковым поверий характерно то, что сквозь форму мифологических представлений ярко проступают реальные социально-бытовые черты.

Интерес к народному творчеству, как выразителю социальной жизни народа, вообще характерен для Садовникова-собирателя.

Фольклор интересует Садовникова и как исторический источник. Через живое свидетельство самих народных масс стремится поэт глубже проникнуть в подлинную историю родного ему края.

В исторических судьбах Поволжья его особенно захватывают моменты социального протеста, народных революционных движений. Отсюда его глубочайшее влечение к историческому прошлому Поволжья, к таким личностям, как Степан Разин, Пугачев. Опубликованные в его сборнике волжские легенды и предания записаны Садовниковым именно под этим, историческим углом зрения, они ярко отражают те этапы, через которые прошла многовековая социальная история Поволжья.

---

[1] Д. Н. Садовников. Загадки русского народа. 1875 г.

Таковы общий характер и направление фольклористических интересов Садовникова.

Собирательская деятельность Д. Н. Садовникова по идеям, ее вдохновлявшим, стоит в несомненной связи с демократическими тенденциями предшествующей эпохи. 50—60-е годы ознаменованы подъемом глубокого общественного интереса ко всем проявлениям народной жизни и быта. Жизнь страны, ее материальная и духовная культура становится в центре общественного внимания. Демократические настроения сказались и публицистике и на исторической науке, направив ее внимание на подлинную жизнь самых широких масс, на народные движения. На этой почве зародились работы известного историка Н. И. Костомарова о Богдане Хмельницком, Степане Разине и др. Костомаров, более чем кто-либо другой из современных ему историков, уделял внимание изображению народного элемента в истории.

Известный историк литературы А. Н. Пыпин писал о Костомарове: «Ни у кого не были таким интересом, как у Костомарова, племенные факторы истории, значение народа как основы движения, стремление проникнуть в думы и характер народных масс, о которых часто и совсем забывали».[1]

В работах Костомарова широко использованы материалы народного творчества, которым Костомаров придавал значение исторического источника. Это направление в истории в свою очередь оказало влияние и на изучение фольклора. Так, серьезная историческая разработка крестьянских революционных движений дала толчок к более систематическому собиранию произведений народного творчества о вождях этих движений Разине и Пугачеве. Известный историк уральского казачества И. И. Железнов предпринял в 1858 г. специальную поездку к уральским казакам, в результате которой появился его ценный сборник преданий и песен уральского казачества. Писатель-этнограф П. И. Якушкин в конце 60-х годов с коробом офени за плечами исходил вдоль и поперек Россию и собрал интереснейший материал о Разине и Пугачеве.

Это направление научной и общественной мысли оказало прямое воздействие и на собирательскую деятельность и творчество Д. Н. Садовникова. Особенно значительным было влияние на него Костомарова; это признавал и сам Садовников, говоря в своем предисловии к сборнику загадок: «Взгляд Костомарова на народную поэзию указывал тот путь, которым надо идти». В своих трудах по изучению народного песенного творчества Костомаров делает попытку изобразить по песням исторические и общественные отношения и дает обзор поэтической символики песен. Отношение Костомарова к народному творчеству, как выразителю народного самосознания, социальных и исторических судеб народа, было

---

[1] А. Н. Пыпин, История русской этнографии, т. III, стр. 156.

особенно близко Садовникову и явилось отправной точкой в его собирательских работах.

Костомаров привлекал Садовникова и особенностями своего художественного таланта, умением воссоздавать эпоху, в широких обобщающих образах воскрешать далекое историческое прошлое. В своих популярных историко-этнографических очерках Садовников широко пользуется трудами Костомарова, особенно его монографией «Бунт Стеньки Разина». Вряд ли случайной является и общность тематики книги Д. Н. Садовникова «Наши землепроходцы» и статьи Н. И. Костомарова «Сибирские землеискатели XVII века», вышедшей, правда, значительно позже книги Садовникова. Под значительным влиянием историка сложился и центральный образ поэзии Садовникова — Степан Разин; монография Костомарова дала поэту обильный материал для воспроизведения бытовой и исторической обстановки разинской эпохи.

Ярко выраженный интерес Садовникова к социальной стороне народной жизни и особенно упрочившаяся за ним репутация певца Степана Разина ставили его в чиновничьей царской России в ряды недостаточно благонадежных людей. Предпринятая Садовниковым незадолго до смерти попытка устроиться секретарем казанского губернского статистического комитета окончилась неудачей. Поэт всю свою жизнь находился в крайне стесненных материальных условиях, живя скудным литературным заработком.

Собирательская деятельность Садовникова, его знакомство с народной поэзией через живое и непосредственное общение с народом имели громадное значение для него как поэта. Судя по многим высказываниям Садовникова в его литературно-критических очерках, любовь и близость к народу он ставит необходимыми условиями для поэта, берущегося за изображение народной жизни и использующего в своем творчестве фольклорные сюжеты. По его утверждению, подлинную реальную жизнь народа нельзя уловить исключительно городскому человеку.

Характерны высказывания Садовникова по поводу поэзии А. К. Толстого: «Статочное ли это дело, — пишет он, — смастерить безыскусственную, живую народную песню, стоя так далеко от народной жизни и ее интересов». И главную причину неудачи А. К. Толстого Садовников полагает именно в том, что Толстой не понял народного духа, не понял того, чем живут русские былины и летописи, что он подошел к народной поэзии «сословно, не глубоко, приглядываясь только к одному узору». [1]

На личное творчество Садовникова народная поэзия имела глубокое влияние. Поэта особенно привлекают светлые, «энергические» стороны фольклора. Отсюда сильные героические образы его личного творчества (Разин, молодой татарин Ахмет, богатырь-девка, полонянка, Усолка и др.).

[1] Д. Волжанов. Открытые письма по русской поэзии (журн. «Искусство», 1883 г., № 12).

Заимствования Садовникова из народной поэзии идут по двум направлениям: в одном случае он пользуется народными преданиями как темой, сюжетикой, разрабатывая их приемами книжной поэзии. Таковы его поэма «Кума», стихотворения, «Полюбился», «Богатырь-девка», «Стрела» и др. В другом случае он пишет стихотворения, сочиненные им, как песни, построенные на приемах устной народной поэтики. Таковы его стихи о Разине, которые сам поэт публиковал под заголовком «Из волжских песен».

Но и в том и в другом случае Садовников верен народному образу героя. Таков особенно центральный образ его поэзии — Разин. Ему Садовниковым посвящен целый цикл стихотворений, объединенных общим художественным замыслом. Часть стихов этого цикла построена всецело на материале местных волжских легенд («В остроге», «Из волжских песен», «Настасьина могила» и др.). В них дан типичный образ волжского атамана, защитника бедноты, чародея-кудесника; другая же часть стихотворений и по сюжетике и по интерпретации центрального образа выходит за рамки местных легенд. Такова поэтическая трилогия Садовникова: «Астраханский загул», «Степькина шуба» и «Суд». В основе народных преданий, использованных Садовниковым в этих трех стихотворениях, лежат действительные события: вымогательства астраханского воеводы, вынужденная отдача Разиным «завертки» шубы и расправа его с воеводой. Садовников, оставаясь верным общему духу народных преданий, придерживаясь в частности и народной мотивировки расправы с воеводой, как мести за шубу, в разработке деталей (исторической и бытовой обстановки) широко использует монографию Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина».

В силу этого образ Разина, данный Садовниковым, особенно по сравнению с местными волжскими легендами, социально острее и исторически более детально разработан.

За Степаном — только свистни —
Колыхнется весь народ...
А кому охота биться
За царевых воевод?

В этих словах Садовникова выражен идейный пафос его стихотворений разинского цикла. Этот пафос близок народному восприятию Разина, с особой остротой и силой выраженному народом в его песнях. Садовникову вообще чуждо вольное обращение с народным преданием. Характерен пример. Садовниковым и современным ему поэтом С. Мельниковым написаны стихотворения на одно и то же местное предание. Оба поэта дают совершенно различные интерпретации этого сюжета. Мельников передает сюжет следующим образом: девушка, полюбив атамана, добровольно уходит к нему в разбойничий стан; атаман ей изменяет, девушка из ревности сбрасывает его с обрыва в реку («Девичья гора»).

Садовников придерживается народной типовой схемы этого сюжета, именно в данной редакции и распространенной в народе: девушка украдена разбойниками; не отвечает атаману на его любовь; мстит атаману за поруганную честь, сбросив его с обрыва в реку («Полоняика»).

Садовников всегда точен в передаче сюжета, он ничего не измышляет от себя, не вводит ни одной детали, которая не имела бы основания в народном предании. В этом отношении особенно характерны его стихотворения: «Атаман и есаул», «В остроге», «Из волжских песен». Так, в первом из них концовка стихотворения:

Покажу вам, братцы, волюшку пошире той!
Айдате-ка, ребята, под Астрахань! —

не вытекает непосредственно из варианта, легшего в основу стихотворения, но мотив этот находит полное обоснование в других местных же народных легендах (см. сказку 1, стр. 61).

Следование содержанию и духу народного предания — созидательный принцип Садовникова, четко сформулированный им в критической статье о былинах А. К. Толстого. Нельзя, пишет Садовников, «создавать фантастические образы там, где это неуместно, где еще бьет ее (народной поэзии.—В. К.) живая самобытная струя».[1]

Стилевыми приемами народной поэтики — сравнениями, параллелизмами, постоянными эпитетами, уменьшительными словами и т. п. — поэт пользуется сдержанно, не пересыщая ими своей поэтической речи.

Наиболее интересные попытки построения стихотворения целиком на традиционных приемах народной поэтики заключаются в его песенных опытах: «Атаман и есаул», «В остроге», «Из волжских песен»; в большинстве же других стихотворений он пользуется приемами народной стилистики очень умеренно.

Художественный метод Садовникова в обработке им народных сюжетов — это приближение своего поэтического языка к народному складу речи. В этом отношении Садовников следует традициям Пушкина, глубоко, органически им воспринятым. «Разговорный язык простого народа, — писал Пушкин, — не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей — на французском языке, достоин также глубочайших исследований». «Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком».[2]

Садовников сам идет в народ за этими сокровищами русского языка. Его поэтический лексикон, особенно в произведениях разбойничьего цикла, изобилует народными словами и оборотами речи,

---

[1] Журн. «Искусство», 1883 г., № 12.

[2] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, 1933 г., т. V, стр. 755.

всегда к месту, с большим художественным чутьем им употребляемыми: «не замай» (не тронь), «показалась» (приглянулась), «остальный» (последний), «ночесь» (в прошлую ночь), «нерочно» (вдруг), «чай», «пуще», «молвить», «опосле», «взад катить», «на воду метался», «раскрасавица Елена, чужемужняя жена», «лиху беду избыть», «совесть зазрит» и т. д. Подобных примеров можно привести много.[1]

Вместе с тем поэт никогда не употребляет местных узко-диалектологических слов, требующих для своего понимания разъяснений. Хорошее знание обычной народной речи Садовников ставит в непременное условие всякой талантливой обработки народных сюжетов.

«Народный язык, — пишет он, — образен, но во всяком случае не сплошь; поэтому, берясь за народные темы, надо быть хорошо знакомым и с шаблонным языком народа, для пополнения промежутков в его цветной поэтической речи».[2] Сам Садовников обнаруживает при этом превосходное знание народного языка.

Из композиционных приемов народной поэтики Садовников особенно часто прибегает к введению прямой речи и диалога в повествовательную речь, что придает его стихотворениям большую живость и роднит их с устной лирикой.

Ритмико-синтаксическое построение стихотворений Садовникова однообразно. Отсутствие рифмовки мы имеем лишь в двух его стихотворениях: «Атаман и есаул», построенном на белом стихе, и «Из волжских песен», где применен типичный для народной поэзии прием случайных парных и тройных рифм. Большинство же «песен» Садовникова написано четырехстопным хореем с рифмовкой четных строк. Такое построение строфы есть уже некоторое, хотя и слабое, отступление от книжного канона, которому более свойственна перекрестная рифма с чередованием мужских и женских стихов. (К ней обычно прибегает и Садовников в своей лирике.) В народном творчестве рифмовка четных строк широко употребляется в частушках, а также в песнях новейшей формации.

Лирические стихотворения Садовникова (см. его «Волжские эскизы») также посвящены основной теме его творчества — Волге. Эти посмертные произведения поэта, видимо, не окончательно им доработаны (многие печатались по черновым рукописям поэта). Мы помещаем эти стихи в наш сборник, так как без них немыслимо полное представление о Садовникове, как о поэте-волжанине.

Поэзия Садовникова прошла почти незамеченной. При жизни поэта знали и ценили в сравнительно узком кругу литераторов, но широкой читающей публике он остался почти неизвестным. Поэт прошел бы и совсем незамеченным, если бы не широкий отклик, какой получили два его стихотворения в народных массах. Стихотворения «Из-за острова на стрежень» и «Зазноба» прочно

[1] Характерно, что в издании 1906 г. многие народные слова были заменены редактором обычными литературными.

[2] Д. Волжанов, Открытые письма по русской поэзии (журн. «Искусство», 1883 г., № 15).

вошли в песенный репертуар народа. Особенно популярна песня «Из-за острова на стрежень». Она распространена повсеместно. Любопытны записи народной инсценировки этой песни, органически вошедшей в одну из популярнейших народных драм, известной под названием «Лодки». Песня вошла также и в народную сказку. В одной из них рассказывается, как Разин едет с княжной по реке и вместе со своими «удальцами» затягивает песню «Из-за острова на стрежень», рассерженный ропотом товарищей Разин сбрасывает княжну в реку. Песни «Из-за острова на стрежень» и «Зазноба» — два лучших примера фольклоризации литературного текста. Имя автора не известно народу. Народ считает эти песни своими, и это — лучшая оценка их автору. Поэт сумел найти тему, близкую народным массам, и облечь ее в ясную и простую форму. Удобный песенный размер способствовал проникновению этих стихотворений в песенный обиход народных масс, где они, подвергнувшись значительной переработке, зажили уже своей самостоятельной жизнью. Поэзия Садовникова чрезвычайно интересна именно этой взаимосвязью с фольклором.

До настоящего времени литературное творчество Садовникова остается не только мало известным, но и мало изученным. Предшествующие, немногочисленные работы о художественной деятельности Садовникова[1] касались преимущественно общей характеристики его поэзии со стороны ее тематики и содержания, но не затрагивали вопроса об ее истоках. На уяснение именно этой стороны его творчества и направлен наш сборник. Мы рассматриваем его как первый шаг, ставящий эту сложную, имеющую общетеоретический интерес проблему.

Фольклор — неисчерпаемое хранилище языковых и поэтических ценностей. На необходимость освоения его поэтами неоднократно указывал А. М. Горький. На первом Всесоюзном съезде советских писателей он обратился к писателям с призывом: «...начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много даст материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза».

Творчество Садовникова представляет в этом отношении исключительный интерес.

Деятельность Д. Н. Садовникова, внесшего своей талантливой собирательской работой крупный вклад в сокровищницу русского фольклора, и его сильная, самобытная поэзия заслуживают самого серьезного внимания, углубленного научного исследования.

В. Крупянская.

---

[1] Ап. Коринфский. Д. Н. Садовников и его поэзия; Н. А. Державин. Песни Волги и поля (журн. «Исторический вестник», 1910 г., кн. VII).

СТИХОТВОРЕНИЯ

К Волге

ЕБЕ НЕСУ стихи, родная моя река,—
Они — навеяны и созданы тобой —
Мелькали предо мной, окраскою сверкая,
Как рыбки вольные сверкают чешуей.
Простор песков твоих, лесов живые краски,
Разливы вешние ликующей воды
И темных Жегулей предания и сказки
На них оставили заметные следы.
Я вырос близь тебя, среди твоей природы;
На берегах твоих я речь свою впивал
В затишьи вечеров и в шуме непогоды,
Когда, сердитая, ты разгоняла вал...
И я не позабыл, живя с тобой в разлуке,
Разбега мощного твоей живой волны
И вот несу тебе мятежных песен звуки,
Ты навевала их, тобой оки полны!..

В Жегулях

...Курганы, кручи и вершины
Теснятся в неприветный ряд;
До сей поры они хранят
Свои суровые былины...
Зайдет ли речь о давней были,—
Нам старики передают:
«Здесь из оврага выходили,
Там барки грабили, а тут —
На самой вышке, у Дурмана,
В лесу разбойничий был стан,
Да Стеньки — слышь ты —
атамана
Подстерегали караван!..»
Под шапкой утренних туманов
Молчат сосновые леса
Про удальство и чудеса
Давно погибших атаманов...
Давно в горах не свищет пуля,
Кистень в лесу не сторожит;
Лишь чайка в воздухе дрожит—
Свою добычу карауля...
Из труб поселка дым взлетает,
Земля сохою поднята,
Стучит топор, и выплывают
В горах седые беркута...
Но дух людей, которым тесен
Казался мир в избытке сил,
Родной напев поволжских
песен
В своем размахе сохранил.
И песня та, путиной долгой,
И величава, и стройна —
Несется вместе с синей Волгой,
Кидая в души семена...
Кто песню вольную заслышит,
Кто от души ее споет, —
Любое сердце расколышет,
Любые цепи разобьет!..

Атаман и есаул

Исполнилось Стеньке пятнадцать лет.
С Ярославля Стенька в кашевары сел
К именитому разбойнику Уракову.
В кашеварах Стенька недолго был:
Видать соколенка по напуску,
Видать подростка по замыслу —
Взял его Ураков в подручники,
Что в подручники, в есаулики.
«Не рука тебе, малый, кашу варить.
Давай-ка, Стенька, дружбу водить,
Разбивать посуду мимоезжую,
Богатые села на дым пущать!
Прокормила меня Волга-матушка,
Приючали горы Жегулевские...
Али нам двоим да и места нет —
Атаману Уракову с Разиным?»
Отвечал Степан на его слова:
«Будет, Иван, да не в версту, брат...
Пойти — пойду, чур не каяться!»

На ловца-стрельца и зверье бежит:
Проплывает раз суденышко купецкое,
Дорогими товарами полным-полно.
Атамановы глаза разгорелися
Что на те ли на товары на купецкие, —
Атаман кричит: «Вон видать одно!»
А Степан — ему: «Не замай! Бедно!
Коли взял Степана в товарищи —
На такой борошóн не заглядывайся,
Поджидай товару настоящего!»

На другое утро богатей того
Проплывает суденышко купецкое —
Атамановы глаза разгорелися
На чужой товар пуще прежнего, —
Атаман кричит: «Вон еще одно!»
А Степан — ему: «Не замай! Бедно!
Коли взял Степана в товарищи,
На такой борошóн не заглядывайся, —
Поджидай товару настоящего!»

Как и зло взяло Уракова на Разина:
Он выхватывал пистолю из-за пояса,
Выпускал в него заряд да приговаривал:
«Не летать галчонку впереди орла!
Не бывать мальчишке мне указчиком!»
Есаул от пули не пошатнулся,
На кудрях черна шляпа не ворохнулась,
Атаманову пулю взад катит,
Взад катит да приговаривает:
«Не кидайся зря: — пригодится, брат!»

Атаманушка со страху окарáчь пополз;
А Степан хватал пистолю разряженную,
Он без пороху разбойника на месте клал;
Собирал его удалых добрых молодцев,
Говорил им, разудалый, таковы слова:
«Покажу вам, братцы, волюшку пошире той!
Айдате-ка, ребята, под Астрахань!»

Астраханский загул

Государевым указом
Все прошедшие вины
Атаману-вору Стеньке
С голытьбою прощены.

Откачнулся, разудалый,
Прочь от Шаховой земли
И опять на Волгу сгрудил
Все суда и корабли.

Снова Стеньке с казаками
Вплоть до Дона вольный ход —
И до Астрахани Волгой
Он на Соколе плывет.

Вот и устье с камышами,
Святорусская земля;
Вон и башни зачернели
Астраханского кремля...

С каравана шум несется,
Песни, крики и пальба...
Дует свежая моряна
В парусо́вые зоба.

Вьются шали дорогие
На мачто́вых деревах;
Снасти шелком перевиты,
Позолота на кормах...

А на пристани собрался
Астраханский вольный люд,
Машут шапками на Волгу,
Не расходятся и ждут.

Сходни брошены на берег;
Атаман вперед идет;
Перед соколом залетным
Расступается народ.

Да и есть чему дивиться:
Ворот золотом расшит,
На кудрях — сибирский соболь,
На кафтане — аксамит.

А за ним толпою пестрой
Сходят царские стрельцы,
И низо́вые бурлаки,
И донские удальцы.

«Здравствуй, батюшка родимый!
Все кричат, и стар и мал.—
По добру ли по здорову?
Где, кормилец, пропадал?»

— «На царя работал, братцы;
За святую бился Русь...
Вот опосле, время будет —
Здесь делами разберусь;

А теперь гулять пригрянул! —
Пей, народ, на Стенькин счет!..»
И с ватагою казацкой
Шумно городом идет.

Всех поит, не разбирая,
Государевым вином,
Серебро горстями мечет,
Стелет улицу сукном.

А бабьё и девки ловят
От удалых, на расхват —
Бирюзу, цветные бусы,
И парчу, и кованат.

Словно город весь, огулом,
Стал царевым кабаком:
Только Стенька показался,
Все — по городу вверх дном.

С воеводой вместе ходит;
По кормленому плечу
Бьет рукой, да шутки шутит:
«Не ворчи! Озолочу!»

А чего ворчать? Не даром
Воевода с ним в ладу:
Стенька будет посильнее
Воеводы в городу...

За Степаном, только свистни—
Колыхнется весь народ...
А кому охота биться
За царёвых воевод?

Степькина шуба

От казацкого веселья
Захмелела вся река.
На судах и пьют и пляшут,
Выбивая трепака.

Под ударами подковы
Разудалых плясунов
Рвется, словно холст дешевый,
Ткань узорная ковров.

На парчу золóтной ткани
И на бархат шаровар
Льются редкие напитки
Из больших чеканных чар;

Налито рукою хмельной
И зеленое вино,
Алый бархат заливая,
Плещет с ними заодно.

И разносится далеко,
Громыхая и звеня,
По широкому раздолью
Бесшабашная песня.

Воевода от Степана
Не отходит, так и льнет:
На мосту на корабельном
С атаманом вместе пьет.

«На, попробуй воровского!—
Шутку шутит атаман
И из рук своих с заморским
Подает тяжелый жбан. —

Не претит?..» И тут же следом
Шлет поминки и дары:
Бирюзу, жемчуг и ткани,
И турецкие ковры.

Знай похваливай, да клянчи—
Мимо рук не проплывет:
Наложил добра в амбары
Воевода семь подвод.

Да один ли воевода!
И приказные дьяки
Насовали по карманам,
Понабили сундуки.

Только все ему, вишь, мало,
Недоволен, старый пес:
Так бы он, кажись, в амбары
Все глазами и увез.

Кубок сильно приглянулся...
Весом будет гривны три,
Золотой, в каменьях ценных...
«Подари, да подари!»

«На, прими!..» Каймой цветною
Показалась больно шаль.
«Чай, уступишь, Тимофеич!»
—«На, бери—не больно жаль!»

Со Степана дорогую
Шубу тянет за рукав...
Видно, соболь показался,
Да персидский златоглав.

«Ну, брат, шубой не уважу;
Есть на ней большой завет...
На подарок этот ценный
Моего согла́су нет».

—«Эй,отдай! Не ссорься,лучше,
И на зло меня не нудь:
В силах я цареву милость
Так и этак повернуть...

Вор, ведь, ты!..» Крепится
Стенька...
Привскочил бы он с ковра,
Показал бы воеводе...
Да не Стенькина пора.

«Ты, ведь, если разойдешься,
Так намелешь сгоряча...
Пошутил я...» И спускает
Шубу ценную с плеча.

«На, старик, бери да помни,
Что и я порой сердит...
Не наделала бы шуба
Много шуму»,—говорит.

Суд

Не для торгу едет Стенька
И не шуточки шутить,—
Сбил он всех казаков вольных
Город Астрахань громить:

Выручать соболью шубу
К воеводе он плывет, —
Ночью к стенам подступает,
К утру приступом берет.

Все по городу в тревоге;
Воевода на коне, —
Пушкарей, людей служилых
Расставляет по стене.

Просит он стрельцов царевых,
Городскую просит рать
За святую божью церковь
И за правду постоять...

Тяжело стучат пищали;
Бьют во все колокола,
Трубят... Мгла пороховая
Стены все заволокла...

Вдруг негаданно, нежданно
От Пречистенских ворот —
С тылу — шум несется, крики,
И бросается народ...

«Бей, ребята!..» Самопалов
Раздается трескотня;
Все смешалось, побежало,—
Воевода сбит с коня.

Горожане, побогаче,
Разметались по церквам;
Вдоль по улицам широким—
Звон оружия и гам...

Вот пробит ясак на сдачу —
Пять ударов... Город сдан,
И на площади соборной
Показался атаман.

Шапка на бок у Степана,
Раскраснелося лицо;
Аргамак под атаманом
Выгибается в кольцо.

«Ну, ребята! Где ваш ворог?
Подавай его сюда, —
Мы его теперь рассудим
Прежде страшного суда!»

Воеводу из собора
На ковре к нему несут;
У собора, под раскатом,
Стенька правит скорый суд.

Круг казачий в полном сборе;
Все ругаются, галдят:
«Что с ним, вором, время тратить?
Пусть попробует раскат!»

«Собирайся, — молвит Стенька, —
Близок твой последний час!
Показать тебя народу
Поведу в остальный раз...»

Подхватил рукой и тащит
Воеводу за собой:
«Покорись, собака, лучше!..»
Тот мотает головой.

С перепугу воевода
Стал белее полотна;
А Степан ведет на вышку,—
Показались у окна, —

Наклонился к воеводе,
Что-то на ухо шепнул,
Показал рукой на город,
Размахнулся и — толкнул:

«Вот так сокол-воевода!
Полетать охота есть,
Полетел,— да, вишь, на горе
Не умеет на́земь сесть!»

Из волжских песен

I

Приплыл Стенька Разин
Под Синбирский город,
Привел он с собою
Силы сорок тысяч.
Пожег Стенька Разин
Посадские избы,
Повел свою силу
На крепкие стены,
Грозил: «Воеводу
В живых не оставлю,
Бояр всех повешу —
Волюшку потешу!»
Хвастал Стенька Разин
Лихими делами:
Людскими душами,
Божьими церквами.
«Я ли, разудалый,
Словом боронюся,
Смерти не боюся!»
Выслал воевода
Попов со крестами,
С колокольным звоном.
Плакал воевода
Горькими слезами:
«Хочет вор-разбойник
Моей лютой смерти!»
Казак Стенька Разин
Бога не боялся;
Расхвастался крепко
Силой молодецкой,
Говорил удáлым
Речи, не подумав:
«Я ли, казак с Дону,
Не боюсь трезвону;
Крест мне не помеха!»
Палил Стенька Разин
По кресту святому,
Пробивал навылет
Казацкою пулей...
Выпаливши, Разин
Разума хватился —
Кровью весь облился,
Смерти испугался,
На воду метался.

II

В остроге

Уж как заперли Степана
В белый каменный острог,
В белый каменный острог,
Под висячий под замок.

Он и первый день помешкал
И другой день погодил,
А на третий на денечек
Разудалым говорил:

«Не пора ли нам, товарищи,
На Волгу на реку,
Что на Волгу на реку,
Ко цареву кабаку?»

Говорил он эти речи,
А сам уголь в руку брал,
А сам уголь в руку брал,
Легку лодочку писал.

«Вы подайте-ка, товарищи,
Водицы мне испить,
Что водицы ли испить,
Да лиху беду избыть!»

Принесёну воду не пил,
Ковшик на стену плескал,
Ковшик на стену плескал,
Громким голосом вскричал:

«Приударьте-ка, ребята,
Удалые молодцы,
Удалые молодцы,
Понизóвые гребцы!»

Не успел он слова молвить —
Очутились на реке,
Что на Волге на реке,
В разукрашенном стружке.

На корме ли сам хозяин
Усмехается, стоит,
Усмехается, стоит,
Товарищам говорит:

«Ночéсь крепко мне спалося,
Братцы, сон я увидал —
Будто царский воевода
Стеньку Разина поймал!»

В Жегули!

...«Эй, ребята, вверх по утру
Две посудины прошли,—
Что́ здесь даром заживаться,
Перекинем в Жегули!..»
И с уда́лыми гребцами
По разливу вешних вод
Стенька Разин на охоту
В легкой лодочке плывет...
Знай — ныряй между кустами
Да поталкивай веслом
Застоявшийся в затоне
Прошлогодний бурелом...
Впереди река — что море,
А вдоль берега реки
Разметались на приволье
Рудожелтые пески...
Видно, спешная работа:
Под рулем струи кипят,
Тихий говор раздается,
Да уключины скрипят...
Вот смолою потянуло,
Показались Жегули;
Сосен темные вершины
Обозначились вдали...
Справа, слева обступают,
Смотрят с берега леса, —
Не шелохнется без ветра
Их зеленая краса...

«Ну,—кричит Степан,—дружнее!
Весла в воду, песни в ход!
Ночку, братцы, погуляем,
А на утро — чья возьмет!..
Попытаем в буераке,
Порасспросим у реки, —
Не дадут ли нам подачу
С каравана бурлаки!..
До зари бы только, братцы,
К Молодецкому поспеть,
А теперь — что́ все примолкли,
Станем лучше песни петь!..»
Атаман тряхнул кудрями,
Сам ногою встал на край:
«Нам без песен не повадно...
Эй, ты, Федька, начинай!..»
Удалая песня разом
Вдруг откуда ни взялась,
И река от этой песни
Словно шире раздалась...
Месяц всплыл—красен и светел,
Ветер с Волги потянул;
Песне темный бор ответил,
Разнося далеко гул...
Да и где родиться песням,
Как не здесь— у этих гор,
Под удары дружных весел
Выбиваясь на простор.

* * *

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны,
Выплывают росписные
Острогрудые челны;

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись с своей княжной,
Свадьбу новую справляет—
И веселый, и хмельной.

А княжна, склонивши очи,
Не жива и не мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова:

«Ничего не пожалею! —
Буйну голову отдам!»
Раздается по окрестным
Берегам и островам.

«Ишь, ты, братцы, атаман-то—
Нас на бабу променял!
Ночку с нею повозился —
Сам на утро бабой стал...

Ошалел!..» Насмешки шопот
Слышит пьяный атаман —
Персиянки полоненной
Крепче обнял полный стан.

Гневно кровью налилися
Атамановы глаза;
Брови черные нависли,
Собирается гроза...

«Эх, кормилица родная,
Волга, матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака!..

Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою —
На, кормилица, возьми!»

Мощным взмахом поднимает
Полоненную княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну:..

«Что затихли, удалые?..
Эй, ты, Федька, чорт, пляши!..
Грянь, ребята, хоровую
За помин ее души!..»

Настасьина могила

(*Волжское предание*)

За Степановой за любой,
За Настасьей молодою,
Цельный месяц смерть ходила
Сухопутьем и водою;

Привязалась лютой скорбью,
Извела былую силу
И свела порой осенней
Прежде времени в могилу.

Сам Степан ножом булатным
На горе ей яму роет;
Ни души кругом, лишь ветер
В буераке воймя воет...

Чем приметить это место,
Для того, чтоб видно было
С Волги, со степи, из лесу,
Где Настасьина могила?..

Как на грех, везде все пусто,
Только степь кругом да камень,
А вдоль Волги, по вершинам,
Зеленеющая рáмень...

Чу! скрипят колеса... Смотрит:
По дороге, воз за возом,
Со стеклом торговцы едут,
Видно, с ярмарки, обозом.

«Стой! Опрастывай живее!» —
Крикнул им Степан с кургана.
А Степан шутить не любит,—
Надо слушать атамана.—

«Поворачивайся живо!
Подвози, вали все в кучу!
Опрокидывай телеги,
Выноси товар на кручу!»—

И с утра до темной ночи
Выл кругом лишь ветер вольный,
Да над Настиной могилой
Раздавался звон стекольный.—

«Вот вам денег за работу,
Поделите да и с богом!
Чур, не вместе поезжайте,
А по разным по дорогам!

Вы, ведь, резанцы да воры,
Только этим и живете,
Из-за стертого алтына
Брату горло перервете!..

Если спросят, где достали,
Говорите, что отрыли
Этот клад в лесной трущобе,
На Настасьиной могиле!»

Зазноба

По посáду городскому,
Мимо рубленых хором,
Ходит Стенька кажный вечер,
Переряженный купцом.

Зазнобила атамана,
Отучила ото сна
Раскрасавица Алёна,
Чужемужняя жена.

Муж сидит в ряду гостином
Да алтынам счет ведет,
А жена одна скучает,
Тонко кружево плетет.

Стенька ходит, речь заводит,
Не скупится на слова;
У Алёны сердце бьется,
Не плетутся кружева.

«Полюбилась мне ты сразу,
Раскрасавица моя!
Либо лаской, либо силой,
А тебя добуду я!

Не удержат ретивого
Ни запоры, ни замки...
Люб тебе я, али нé люб?
Говори мне напрямки!»

На груди ее высокой
Так и ходят ходенём
Перекатный крупный жемчуг
С золотистым янтарем.

Что ей молвить?..Совесть зазрит
Слушать льстивые слова,
Страхом за сердце хватает,
Как в тумане голова...

«Уходи скорей отсюда!—
Шепчет молодцу она,—
Неравно старик вернется...
Чай я — мужняя жена...

Нешто можно?» — «Эх, голубка,
Чем пугать меня нашла!..
Мне своей башки не жалко,
А его — куда ни шла!

Коль от дома прочь гоняешь,
Забеги через зады
В переулок, где разбиты
Виноградные сады...

Выйдешь, что ли?» — «Неуемный!
Говорю тебе — уйди!
Не гляди так смело в очи,
В грех великий не вводи!..»

— «Ну, коль этак, — молвит
Стенька,—
Так, на чью-нибудь беду,
Я непрошеный сегодня
Ночью сам к тебе приду».

Отошел, остановился,
Глянул раз, пообождал,
Шапку на ухе поправил,
Поклонился и пропал...

Плохо спится молодице;
Полночь близко... Чу!.. Сквозь сон
Половица заскрипела...
Неужли же это он?

Не успела «ах» промолвить,
Кто-то за руки берет;
Горячо в уста целует,
К ретивому крепко жмет...

«Что ты делаешь, разбойник?
Ну, проснется, закричит!..»
—«Закричит, так жив не будет...
Пусть-ка лучше помолчит.

Не ошиблась ты словечком,—
Что́ вводить тебя в обман:
Не купец — казак я вольный,
Стенька Разин — атаман!

Город Астрахань проведать
Завернул я по пути,
Чтоб с тобой, моя голубка,
Только ночку провести!

Ловко Стеньку ты поймала!
Так держи его, смотри,
Белых рук не разнимая,
Вплоть до утренней зори!..»

Полонянка

(*Жегулевское предание*)

Зеленые горы!.. Здесь каждый бугор
Особое носит названье —
Глухие овраги, расщелины гор
Хранят у себя с незапамятных пор
Поросшее мохом преданье.

Среди этих темно-зеленых холмов
Сказания местного слово,
Как крик выплывающих в небо орлов,
Как шум отдаленный сосновых лесов,
И дико, и вместе сурово...

Вот Девьей горы опустилась пята
И моется в зыби разлива,
А выше, над каменной гранью хребта
Чернеют, как точки, одни беркута
И шепчет сосновая грива.

В те годы, когда под зеленую сень
Леса удалых принимали;
Работали — нож да тяжелый кистень;
Любовь воровали со всех деревень,
Царёвы суда обирали...

Увел из-за Волги лихой атаман
С собой красоту полонянку —
Туда, где раскинул свой временный стан,
В дремучую глушь, под зеленый шихан,
В свою воровскую землянку.

Не сладко житье ей с немилым вдвоем
И кажутся долгими ночи...
Тоскует она о селеньи родном;
Молчит, закрывая цветным рукавом
От слез потемневшие очи.

Не может к своим она весточки дать
В село, где крушатся не мало
О ней и жених, и родимая мать...
«Бежать, — она думает, — надо бежать
Скорее, во что бы ни стало!»

Неделя проходит — она уж не та;
Тоску на веселье сменила —
Светлей стали очи, приветней уста.
Глядит атаман, — и ее красота
Его в свой черед полонила.

Бегут для него незаметно часы —
Он с ней остается подолгу;
Для ласковых слов ненаглядной красы,
Для светлых очей и тяжелой косы
Забыл он кормилицу Волгу.

«Скажи, красота, у меня ль не житье?
Моя ль не завидная доля?
Спасибо — забыла ты горе свое,
Люби атамана: все будет твое,
Во всем тебе полная воля!

Смотри, — говорит он, взводя на курган, —
Вон, видишь, белеют в тумане
Суда? То богатый идет караван —
С низовых местов, из полуденных стран,
Везут мне обильные дани.

Наденешь другой, побогаче наряд,
Персидскими шитый шелками;
Алмазные серьги в ушах заблестят,
И будет убор твой девичий богат
Цветными, как солнце, камнями!»

Но силою сердца ее не возьмешь,
Он душу ее не узнает:
У ней на словах золоченая ложь,
А замысел свой, что отточенный нож,
Она от него укрывает.

Как твердый утес прибылая вода,
Тоска ее тайная гложет.
Одна у ней дума: когда же? Когда?..
А речи... Что речи?.. по ним никогда
Расстаться она с ним не может.

«Мне любо и здесь, молодец удалой,
На что мне постылую волю?
Привыкла к тебе, не пойду я домой,
Хочу поделить, разудалый, с тобой,
Твою молодецкую долю.

Пойдем, посидим, как сидели вечор,
И помнишь? на зоречке рано,
Поближе к реке, на знакомый бугор:
Там весело глазу, трава, что ковер», —
Склоняет она атамана.

Садятся... И, лаской в конец опьянен,
На грудь полоненой девицы
Кладет утомленную голову он...
И тихо вечерний, разымчивый сон
Ему опускает ресницы.

За ними дремучего бора стена,
Они — на краю, у обрыва.
Кругом ни души... и везде тишина, —
Внизу только плещет о камни волна
Встающего тихо разлива...

О чем же тут думать? Толчок — и долой
С вершины крутого шихана,
С подавленным стоном летит удалой,
Об острые камни стуча головой, —
И нет удальца атамана...

Землянка в ту ночь остается пуста.
Почуяв кровавое дело,
На утро всплывают над ней беркута
И тщетно кругом озирают места,
Ища атаманово тело.

Усолка

(Народное предание)

При Грозном на Волгу, к подошве холмов,
Точивших соленую воду,
Сошлись поселенцы на выгодный зов,
Почин положили заводу.—

Срубили жилье, окружили стеной,
И скоро возник городок соляной
На дальней границе востока,
Где степь расстилалась широко.

Усолье росло: заезжали купцы,
Рабочие шли на варницы;
Приставлены царские были стрельцы
И пушки глядели в бойницы.

Нередко в долину с соленой водой
Сбегались кочевники дикой ордой,
Скакали по русскому полю,
Людей уводили в неволю.

Кругом еще лес был, да темени гор;
Пониже — селенье и пашня,
А самый высокий венчала бугор
В лесу караульная башня.

Чуть ночью по степи затопает конь,
На ней зажигали сигнальный огонь,
И местные жители знали,
Что надо готовить пищали...

По старым рассказам в Усолье жила
Одна богатырка в то время;
Она от Усолья на степь угнала
Ногайское хищное племя.

Шло время... Седела, теряла глаза
Поселка защита, ногайцев гроза,
Могучая сила сбывала...
Усолье ее забывало.

Смеялась недавно над ней молодежь:
«Куда тебе, бабушка, драться?
На старости лет ты с коня упадешь,
Пора на покой убираться!»

Кто знает, сердилась старуха иль нет;
Но только ни слова усольцам в ответ
На это она не сказала,
Чему подивились не мало.

Покойно и мирно тянулись года
По милости страшной Усолки;
Татарских коней не видать и следа,
Замолкли тревожные толки.

Но горе застало Усолье врасплох;
В осеннюю ночь загорелся сполох,
Не даром такая тревога:
Ногайцев нахлынуло много...

Покинули полчища диких татар
Степей кочевое раздолье;
Потоптаны нивы, и скоро пожар
Осветит родное Усолье!

Из города выслана малая рать
Ногайскую силу в леса отогнать;
А с ней за одно отряжены
И девки, и мужние жены.

Дрались поселенцы... Оружия стук
Взлетал до лесистых верхушек;
Стрелу отпускал туго стянутый лук,
Рубились, палили из пушек.

Кровавая битва была горяча,
А сила росла, как в степи саранча,

И дрогнули наши средь поля:
Ждала их недобрая доля.

Тут стало понятно толпе удальцов,
Кого на бою не хватало...
Усолка в обиде: за несколько слов,
Быть может, все дело пропало!

В былые года у ней сила была;
Не даром она богатыркой слыла,
И сильной и грозной недаром
Была она хищным татарам.

И вот старшины отрядили гонцов;
Должны они были в поселке,
Сказав в извинение несколько слов,
Подмоги просить у Усолки.

Быть может, ее неожиданный вид
Усталые силы людей оживит;
Давно уж ее не видали
С клинком из сверкающей стали.

Приходят гонцы и старухе поклон
С почтеньем отвесили низко:
«Спаси от Ногайца — отступится он
И после не сунется близко!

Прости нам обиду, тряхни стариной;
Все дело теперь за тобою одной...
Родная, забудь свое сердце, —
От нас отгони иноверца!»

Ответ им держала Усолка такой:
«Забыть не могу я обиду,
Ищите себе вы подмоги другой,
На выручку к вам я не выду!

Пришли над старухой смеяться больной?
Что! мало вам места за этой стеной?
Где сабли у вас и пищали?
Иль порохом вы обнищали?»

Тем временем длился отчаянный бой
И стоном стонала дубрава...
Усольцы к стенам отступали гурьбой,
Рубяся и влево и вправо.

Сверкал меж дерев их пищальный огонь;
Валился татарин и пятился конь...
Ногайская темная сила
Усольцев кругом обступила...

Недолго продержится русская рать,
Зато уж отдастся не даром,
Хоть будут тела ее лес устилать
И все истребится пожаром;

Но каждый усолец зараней решил
Сражаться, пока хватит духа и сил;
От бога одна лишь помога:
Их мало, а нехристей много.

Гонцы богатырку просили опять...
В тревоге сидела старуха:
Стал топот татарских коней достигать
Ее, прежде чуткого, уха...

«Прости неразумных, не наша вина...
Нам горькая доля теперь суждена,
Забудь ты обидное слово —
Спаси от татарина злого!»

—«Стара я для боя, — куда воевать
И лезть на кровавую драку!
Пора обо мне позабыть вспоминать,
Как дохлую бросить собаку...

Заржавела сабля, ступилось копье —
В груди улеглось ретивое мое...
У вас молодая есть сила,
А мне уж моя изменила...»

Сердилась Усолка, но слезы людей
Ее победили — смягчилась;
Взыграла вся кровь богатырская в ней,
Вся старая удаль забилась...

«Давайте коня! Где мой конь боевой?
Давно не слыхала его под собой!
Проклятым татарам навстречу
Я кинуся в самую сечу!»

И выведен был застоявшийся конь
С густой серебристою гривой;

Из камня ногой высекал он огонь,
Мотал головою красивой.

Высоко ходила могучая грудь,—
И фыркал скакун, собираясь в путь
На хищные орды Ногая,
Себе седока поджидая.

Выходит Усолка, завидев коня;
Ремень-опояска у стана;
В древко копья ударяют, звеня,
Ножны вдоль ее сарафана.

На стремя ступила привычной ногой;
В одной руке сабля и пика в другой;
И с гиком пустилася лётом
К широко раскрытым воротам.

И по полю конь богатырку понес...
При виде могучего взмаха,
При виде седых и растрепанных кос
Враги ошалели от страха.

«Скачи, без разбора ногами топчи
Проклятую силу степной саранчи!»
В крови накупались досыта
Коня боевого копыта.

К усольцам вернулася прежняя мочь,
Отвага в глазах засверкала,
Рубились, пока не подкралася ночь;
Татар положили не мало.

Везде впереди богатырка была;
От страшных ударов валились тела
Кровавою грудой на груду...
Ногайцы бежали повсюду.

Бежали к горам, и никто их потом
Не видел на этой равнине;
То место же, где был татарский погром,
Все «Сечей» зовется и ныне.

И память о той богатырке жива!
Ее сохранила людская молва...
Так билися в старые годы
За право труда и свободы.

Богатырь девка

Это было в Нижнем городу...
(Сказ мой быль, не то, что небылица!)
Раз к реке Почайне за водой
Вышла Дуня, красная девица.
Чуть заря черкнула за окном,
Поднялась и, подцепивши бодро
Коромысло на́ плечи, пошла,
На ходу раскачивая ведра...
Ветер свежий веял ей в лицо,
Щеки рдели от прилившей краски...
Не впервой ей за городом быть, —
Не робка: выходит без опаски!
Только стала под гору сбегать,
Из ворот торёною тропою, —
Хвать — татарин, а за ним еще;
Набежали целою толпою!
Подскочил один, да отлетел, —
Не пришелся, видно, ей по мысли,
Размахнулась правою рукой,
Левая лежит на коромысле.
Тяжела у Дунюшки рука, —
В городу не мало этой силе
Дивовались: «Будешь за вдовцом», —
Ей, смеясь, подруги говорили...
«Прочь отсюда! — крикнула она, —
Что пришли? Вам, нешто, здесь дорога!
Сунься только, так и разнесу!»
Глядь-поглядь, а их и больно много...
Застучали ведра по земле,
Покатились под ноги татарам,
Коромысло в девичьих руках, —
Не отдастся, красная, задаром!
Словно хлеб взялася молотить,
Бьет кругом направо и налево;
Расплелася русая коса,
Губы в кровь искусаны от гнева...
Стиснув зубы, кидалась она,
Разбегались три раза татары,—
Коромысло, словно на току,
За ударом сыпало удары.
Шестерых их клала на песок,
Да на грех о сосну перешибла;
Кинулась в середку со щепой,
Раз — другой ударила и сгибла!
Как береза белая в лесу,

Срубленная под корень, упала, —
Небо алой кровью облилось,
Из зари кровавой солнце встало.
Обуяло страхом татарье,
Развело, поганое, руками:
«Коли все такие девки там,
Где же нам управиться с парнями!»
Под стенами кинувши тела,
Отступили целою ордою...
Вот так память девка задала,
Выйдя утром к речке за водою!..

Стрела

Кучум сдержать не в силах гнев,
Сказал: «Позвать ко мне Ахмета!
Он смел ослушаться меня,—
Пускай поплатится за это!..»

Татарин входит молодой
В шатер разгневанного хана,
И говорит ему Кучум
Среди собравшегося стана:

«Ослушный раб! Когда шутить
Ты вздумал дерзостно со мною,—
Так знай же, за свою вину
Заплатишь завтра головою!..»

«В твоих руках я, мощный хан;
Не страшно мне лишиться жизни,
Но думал я, что, может быть,
Ее пожертвую отчизне...»

Нахмурил брови хан Кучум
На речи смелого Ахмета:
«Когда ты правду говоришь,
Так докажи мне: до рассвета

Ступай сегодня к казакам
И мне из середины стана,
Во чтоб ни стало, укради
Стрелу казацкого колчана!..»

Ахмет выходит. Вслед за ним
Идет татар толпа густая,
На гибель верную и смерть
Его глазами провожая.

...Проходит ночь, Ахмета нет,—
Кучум не спит, боясь измены;
Всю ночь вкруг ханского шатра
На страже латники без смены.

Заря растет, и новый день
Встает среди людского шума...
Подходит кто-то, не спеша,
К шатру могучего Кучума.

И хану просит доложить,
Что он исполнил повеленье.
Ведут к Кучуму, тот глядит,
Не в силах скрыть свое волненье...

Седой татарин перед ним
Стоит с полупотухшим взором
И подает ему стрелу —
С немым, но тягостным укором.

Он поседел за эту ночь,
Сдержав обещанное слово:
Прополз один в казачий стан
И старцем стал из молодого...
Презреньем взор его горит...
Рабам покорным он не сроден...
Хан отвернулся: «Уходи
Отсюда, дерзкий! Ты свободен!..»

Попутный ветер

(*Народная сказка*)

Ясный день глядится в воды,
Неба ровная лазурь
Не пророчит близких бурь,
Переменчивой погоды.
Вот лебёдок белых стая
На реке разбила стан —
Белогрудый караван
Дремлет, ветра поджидая.
Нет попутному охоты
Двинуть грузные суда,
Чуть колышется вода,
Виснет парус без работы...

I

«Тронься, ветер, ты, низóвый!
Полно, будет отдыхать!
Тучей темною свинцовой
Принакрой ты Волгу-мать;
Разведи речную воду,
Беляки седые вспень,
Дай попутную погоду,
Отряхни скорее лень!
Чтó гуляешь без заботы,
Или волюшка мила?
Позабыл свои налеты
Темнокрылого орла!..»
Так пловцы молили долго...
Набежали облака,
Затуманилася Волга
Мать-кормилица река.

II

Задался по божьей воле
Ветряный денек,
Рыщет ветер в чистом поле
Вдоль и поперек;
Вот хлебами пробегает,
Приутих на миг,
Вот с прохожего срывает
Шапку, озорник.
Покачнулись, зашумели
Темные леса;
Пеной волны забелели,
Вздулись паруса.

III

Той порою из села
Старушонка внучке
С торгу бережно несла
На полтину мучки.
Как стерпеть озорнику?
И хитер, и ловок
Подлетел, и всю муку
Выдул из ночевок.
Пущен пó-ветру укор:
«Ишь, полтиной медной
Нажился залетный вор
От старухи бедной!»
И нужда-то и беда...
Исстари ведется,

Что где тонко, там всегда
Ниточка и рвется!
Вся развеяна мука
И ни гроша денег...
Без радельного сынка
Год-то тяжеленек.

IV

Встречу старухе — служивый
как-раз,
Не́ молод, видно, что дока;
Выслушал он о покраже
рассказ:
«Царь,— говорит,— недалеко...
Счастье твое, что попался
солдат;
Правды — в Москве лишь
добиться,
Ветер-то в поле поймаешь
навряд,
А без суда не годится.
Только минуй ты московских
судей,
Разных подьячих да дьяков,
Прямо царю ты челом своим бей:
Суд у царя одинаков.
Правду, старуха, тебе говорю...
Ветер пусть по́ полю рыщет,
Ты же ступай да пожалься
царю:
Он виноватого сыщет!»
—«Где мне дойти? Укажи, доведи:
Путь до Москвы тебе ведом...»
—«Ладно, старуха, за мною иди!..»
Робко пошла она следом.

V

Высоки́, и светлы, и богаты
Красовались царёвы палаты:
Всюду била в глаза позолота,
Дорогая резная работа,
Залита была в золото, даже,
В переходах стоявшая стража...

Привели перед грозные очи:
Царь сидел многодумнее ночи
На резном золоченом сиденьи,
Рядом — сын, а кругом в
отдаленьи
Холодна и недвижно-угрюма
Заседала боярская дума.
«Что вам надо?» — спросили
сурово...:
Началось челобитное слово.

VI

Небывалое дело...
Поставлен на миг
Суд прошеньем таким
В неисходный тупик.
Напряженно кругом
Все решения ждут,
Призадумался царь,
Что поделаешь тут?
Вдруг сынок молодой,
Ясноокий сокóл,
Встал, отцу своему
Речь такую повел:
«Место царское мне
Уступите на срок:
Я могу разрешить,
Что́ суду невдомек!
Мне не ведом закон,
И какой я судья,
Но найду, укажу
Виноватого я!»
И тревога видна
В его детских очах,
И дрожит, как струна,
Эта речь на устах.
Царь ответил ему:
«Если чутко в груди
Бьется сердце твое,
Так садись и суди!»
И думца́м объявил:
«Станет сын, а не я,
Буйный ветер судить —
Это воля моя!»
Те не верят ушам.
Царь сказал и сошел;
Отрок-сын поднялся
На отцовский престол.

От царя услыхав
Не суровый отказ,
Окружающим он
Дал не медля наказ:
«Оседлайте коней,
Вы, гонцы-молодцы,
И гоните во все
Городские концы!
Тех купцов, у кого
Есть на Волге суда,
Для допроса ко мне
Приведите сюда!»

VII

Перед очи царевы
Купцов привели —
У них бороды гу́сты,
Туги кошели.
На румяных щеках
Горя нет и следа:
Не видали они,
Что́ такое нужда...
И опять раздался
Голосок молодой:
«Когда ваши суда
Шли низо́вой водой,
Вы молили о чем:
О здоровьи семей,
Барышах ли больших?
Говорите смелей!»
Отвечали купцы:
«Век свой хлеб продаем,
Так молили тогда
Мы, известно, о чем:
Как бы снизу задул
По пути ветерок
Да тяжелую кладь
Довезти нам помог...
Внял моленью господь...
В срок поспели суда...»

—«От моленого гостя
Случилась беда:
Ветер в поле муку
У старухи разнес,
Набедил и пропал,
Кто заплатит — вопрос?
За покражу теперь
И несите ответ:
Был он на́ руку вам,
Да другому-то нет!
Виноватые вот!
Заплатите с лихвой!»
И с деньгами пошла
Старушонка домой.

Кума́

I

Всплывает месяц и горит
На высотах кремлевских
башен...
Весь Нижний спит глубоким
сном,
Везде огонь давно погашен;
Лишь воеводе одному
В тот час не спится на по-
стели, —
Мечты греховные его
В опочивальне одолели...
Он рад бы спать, да сон
нейдет:
Нет, не дает ему покою
«Кума», красавица-вдова,
На перевозе за Окою...
И все мерещатся ему
То грудь наливная, то плечи,
То руки белые, что снег,
То глаз приманчивые речи...

И не глядел бы на жену!..
Княгини любящая ласка
Ему противна, сын забыт,
И не страшит его огласка...
Он встал, велит седлать коней;
Седлать коней вмиг дворня
сбита,
Через минуту у крыльца
Бьют лошадиные копыта...
Князь сел; холоп спешит за ним
К раскрытым челядью воротам;
Несутся улицей и вот —
Пропали вдруг за поворотом...

II

Проходит день, а князя нет;
Другой прошел,—его не видно;
Никто не ведает — где он;
Княгине больно и обидно...
На третий день вернулся князь;
С женой — ни слова... рвет и
мечет...
Ничто не радует его,—
Ни травля, ни любимый
кречет...
Томит его и тяготит
Необъяснимая кручина...
Бывало, прежде по часам
Не налюбуется на сына,—
Теперь семьи как словно нет;
Все опротивело, постыло,
Куда-то ездит по ночам,
И прежде милое — не мило...
На грех заехал, видно, он
С охоты гостем запоздалым
На перевоз, и до утра
Спал у «кумы» на постоялом.
Его, седого старика,
Опутал, видно, бес лукавый...
Кума—колдунья, у нее
Все приворотные есть
травы;
В ее сверкающих глазах
Не даром, говорят, есть сила,
Не мало в городе мужей
Она к себе приворожила...
Глазами вскинет — дрожь
берет;
В речах — какая-то отвага...
И что́ пьяней — вино ль ее,
Иль речи хмельные, как
брага,—
Кто знает?.. только силы нет
От этой груди оторваться,
С семьей по-старому зажить,
С кумой подолгу не видаться,
Так, вот, и тянет за Оку...
И скоро слух прошел в народе,
Что приворотного дала
Колдунья зелья воеводе...

III

Кромешный ад кипит в дому;
Не может сын добиться толку,
О чем его родная мать
Так часто плачет втихомолку...
Она молчит, не говорит
Любимцу-сыну ни полслова,
С терпеньем муки до конца
Она выдерживать готова...
Раз, как-то, утром гневный муж
В сердцах занес над нею руку, —
Лишь тут решилася она
Свою тоску, всю сердца муку
Поверить сыну; в поздний час
Она, позвав его, сначала
Поколебалась, а затем
Заплакала и все сказала:
«Вот кто разлучница моя,
Она его околдовала,
Она крушит меня тоской,
Моей любви ему, вишь, мало!..»
Сын все узнал. Проснулась в нем
И к матери любовь, и злоба;
Всю ночь покоя не дала
Ему отцовская зазноба...
В его горячей голове
Кровавый замысел о мести —
Врасплох нагрянуть на куму
И положить ее на месте...
Берет он верных слуг своих,
Кинжал в серебряной оправе

И ночью, тайно ото всех,
Несется к быстрой переправе...

IV

На постоялом нет огня;
Кума не спит... Она готова
К приезду княжого сынка,
К приему гостя дорогого...
Чу! Слышен говор голосов...
Вот по земле стучат копыта...
Они... Через минуту дверь
Трещит, сдается и отбита...
Кума встает, зажгла свечу,
На шум идет полунагая,
Своих непрошенных гостей
С оплывшей свечкою встречая...
Но, видно, очи у кумы
Сильнее острого кинжала:
Взглянул сын княжий на нее
И, словно, к месту приковало...
Забыл, зачем сюда пришел,
И вместо гневного проклятья
К колдунье руки протянул
Для поцелуя и объятья...
Такой волшебной красоты
Он не видал, живя на свете,
И понял, как отец-старик
Попал в расставленные сети...
А тут холоп еще пристал
И, подстрекаем силой вражей,
«Не плохо водки, — говорит,—
Сперва попробовать нам,
княже!»
Глядят — дубовый стол накрыт,
Кума вином гостей обносит
И хлебом-солью закусить
С поклоном, улыбаясь, просит...
«Холопы! Эй, ступайте, прочь!
Я позову, когда мне надо...
А вот, красавица, тебе
За угощение награда!..»
И в чашу перстень дорогой
Он опускает с изумрудом...
Все по желанию кумы
Переменилось, словно чудом...
По утру, на условный свист,
Еще задолго до рассвета,
Вошли холопы, а кума
Сидит, царицей разодета,
В парчевый, шитый сарафан;
А князь, забыв позор отцовский,
Целует хитрую куму,
Опутан силою бесовской...

V

Весна гуляет на дворе...
Про новый грех несутся
слухи...
Княгиня целый день одна;
Она не плачет, очи сухи...
Был сын у ней, но и того
Колдунья злая погубила:
Ни муж, ни сын не устоял...
И вот холопа для посыла
Княгиня кличет. Слух ходил,
Что за зелеными лесами,
На Кудьме, есть один старик —
Колдун. Он знается с бесами,
Он ей из злых наборных трав
Сварит смертельную отраву,
Тогда с разлучницей-кумой
Она расправится на славу...
«Введи ко мне его!» Старик
Явился в полночь на свиданье...
Его к княгине провели,
И с нею тайное шептанье
Недолго длилось... «Вот тебе,—
Сказал он,— склянка, из нее ты
Куму в вине и угости;
Тут зелье не простой работы;
Оно и в склянке-то кипит,
А с виду цвету золотого...
Пять капель, если отольешь,
Да выпить дашь,—и все
готово...
Прощай!» Ушел седой колдун...
Княгиня все с себя снимает,
Заместо шелку и парчи
Наряд черницы надевает,
И в ночь, когда все в доме спят,
Полна и страхом, и тревогой,
Она выходит и пешком
Идет знакомою дорогой...

VI

Кума от пришлого не прочь,
Всех просит: милости пожалуй!
Богат ли, беден — все во двор,
На то ведь он и постоялый...
Старуха странница пришла,
И ей покой ведь тоже надо...
«Иду я, милая, с Москвы,
Хочу пробраться до Царь-
града...
Пусти, родимая, меня,
Я ночку здесь переночую...»
—«Переночуй! Вот поедим
Да выпьем чарочку—другую...
Садись сюда... Ты пьешь, аль
нет?..»
—«Когда не пить! Грешна...»—
«Постой-ка,
Я хмельной бражки принесу!..»
Несет, и началась попойка...
Налиты чарки до краев...
«Отпей-ка!»—«Нет, уж ты
сначала...»
Кума хлебнула раз-другой
И, покатившись, закричала:
«Змея! Меня ты извела,
Да про себя-то позабыла...
Недолго жить тебе! Смотри...
Одна у нас с тобой могила!..»
Едва сказала, старый князь
Вбежал, и не прошло минуты,
Как в горло белое жены
Впился он, словно коршун
лютый,
И придушил... За ним вослед
Ворвался сын... Силен и молод,
Боролся долго он с отцом
И рядом с матерью заколот...
«Тащите в реку их! Пускай
Несет, куда захочет!..» Тупо
Глядит на слуг безумный князь
И на три посиневших трупа...
Тела оттащены в Оку,
Как вдруг над сыном и женою
Зажглися яркие огни,
Сверкая радугой цветною;
А над кумою на ветру
Заколебалося, как знамя,
Кидая зарево кругом,
Нечистое и злое пламя...
Холопы вскрикнули и прочь;
Но князю страх совсем не
ведом,
И кто-то шепчет все ему:
«За ними, князь! За ними
следом!..»
И вот, вдоль берега Оки,
Он мчится узкою тропою,
А позади за ним спешат
Холопы робкою толпою...

VII

До устья доплыли тела,
Но вдруг на миг остановились
И, вверх по Волге повернув,
Огнями снова засветились...
Дивится князь, и в страхе он
Не в силах вымолвить
ни слова;
Назад хотел бы повернуть
Аргамака он молодого,
Но тот, не слушая удил,
Храпит раздутыми ноздрями
И мчится, голову сломя,
Вдоль Волги, следом за
огнями...
Перекреститься?! Но сложить
Не может он креста святого,
Себя не в силах оградить
От навожденья духа злого;
О подорожные кусты
Князь рвет богатую одежду,
Аргамака остановить
Он потерял уже надежду...
Конь мчится, гриву распустя,
И, полон бешеной отваги,
Песками, чащею лесной,
Не разбирая, где овраги,
Все дальше мчится... Путь
ночной
Грозит бедою неминучей,
И вдруг умаявшийся конь
Оборвался над самой кручей...

Огни погасли; а тела
Пошли на дно реки глубокой;
И слышит помертвевший князь
Глухой и будто издалека
Какой-то голос: «Ты, злодей,
Сыноубийца, знай отныне,
Что близок твой последний
час!..
Твоя могила здесь, в пучине...
Тебе пощады не дадут,
Умрешь, как зверь, без по-
каянья,
И тело грешное твое
Отдастся всем на поруганье!»
В лесу, направо от него,
Справляют чьи-то похороны,
Сменяют жалобный напев
Людские выкрики и стоны;
Протяжный раздается вой,
Зубовный скрежет, визг и
хохот;
Сверкнула молния вдали,
И грома перекатный грохот
Все ближе катится... Рекой
Несется буря, вал вздымая,
И злобно мечется в лесу,
С корнями дубы вырывая...
Крутятся листья на ветру,
Что снег зимой в большую
заметь,
Ударил гром у самых ног,
И рухнул князь, теряя
память...
Холопы в страхе за него,
Везут его в поселок ближний;
А утром, бледный и больной,
Старик ворочается в Нижний...

VIII

Холопы верные молчат, —
У них и преданность холопья;
А если скажут, есть на них
Расправа: плети и ослопья...
Сам князь и верит им, и нет,—
То сыплет медными деньгами,
То, грозен словно божий гнев,
Грозит плетьми и батогами...

Но дивно всем, что сын пропал
В ту ночь, как злилась
непогода,
И где княгиня, где кума,
И что нахмурен воевода...
Ведь слухи исподволь в народ
Проникнут, поздно или рано;
Они из Нижнего в Москву
Пробрались до царя Ивана...
Царь гонит спешного гонца
С своею грамотою царской:
«Ответствуй, где жена твоя
И молодой сынок боярский!..»
Старик гонцу передает
Свое ответное посланье:
«Царь-государь! Жена моя
Ушла в далекое скитанье
К святым местам. Вот ровно
год
Никто не знает, что с ней
сталось...
А сын охотился в лесу,
Да лихо с сыном повстречалось:
Медведь сломал...»
Ответа нет...
Князь ждет решения со стра-
хом;
Как мученик, в своем дому
Живет отшельником, монахом...
Забыты прежние пиры,
Попойки, россказни, охота;
Грехам прощенье умолить,—
О том одна его забота...
Он нищим деньги раздает;
Людям захожим нет обиды;
В дому попы и чернецы
Поют по мертвым панихиды...
А князь по городским церквам
Перед святыми образами
Возносит господу мольбы
И плачет горькими слезами...

IX

Пришла зима...
Воскресный день...
Князь у заутрени в соборе
Лежит на каменных плитах,

Свое оплакивая горе...
Сюда, в собор, пришла толпа
Искать покоя и отрады
Под эти своды, где горят
Неугасимые лампады,
Где хор и причет в ранний час
Свершают стройное служенье
И к лику господа несут
С толпой молитвы и куренья...
Вдруг слышно ржание коней
И конских ног зловещий
топот...
Мелькнули всадники... Идут...
В толпе пронесся тихий ропот...
От страха клир не в силах петь,
И, как волков голодных стая,
Толпа опричников вошла,
Кнутом дорогу расчищая,
И прямо к князю:
«Царь велел
Схватить тебя без замедленья,
Из наших рук приемлешь ты
Себе достойные мученья...
Вставай!..»
Церковная толпа
Упала ниц, дрожа от страха;
Но воеводу не страшат
Ни место лобное, ни плаха:
«Несу вины свои царю
И лютой казни я не трушу!
Берите... Богу предаю
Стыдом истерзанную душу!..»
Одежды мигом сорваны,
И князя с гиком, на аркане,
Влекут из храма на мороз;
Связав, полунагого в сани
Бросают... Конная толпа
Летит вперед с веселым криком,
Разносит воеводский дом,
Холопов бьет; в веселье диком
Пьянея, вышибает дно
И пьет из воеводских бочек;
Несется Нижним, по пути
Всех раздевая до сорочек,
И дальше, из городу вон;
Не смущена дорогой долгой,
Оку проехала и вот,
Сугробы разметая, Волгой
Летит...
Захватывает дух
От этой бешеной погони...
У князя в жилах стынет
кровь;
Вдруг слышит: «Стоп!»—
и стали кони...
«Что стали вы?!» — «Коней
поить!»
Глядит, а от него направо̀
Горят два радужных огня
И между них один кровавый...
«Нет! Не коням ту воду пить,
А мне!.. Я жду желанной
смерти,
И той же мерою, что я
Другим возмерил, мне
возмерьте!..»
К саням опричник подошел,
Взмахнул секирою широкой,
Ударил раз, — и голова
Слетела прямо в снег
глубокий...
«Рубите прорубь!..» На реке
Работа быстро закипела;
Под синим льдом нашло себе
Могилу княжеское тело...
Едва покончили они
С своею спешною расправой,—
Над трупом князя в тот же миг
Поднялся вдруг огонь крова-
вый...
Огни скрутились в два столба,
Столбы сплелись между собою,
И словно тешились они
Своей воздушною борьбою...
Все разгораясь, столбы
Кидались злобно друг на
друга...
Толпа опричников стоит,
Глядит, бледнея от испуга;
Садятся быстро на коней
И в страхе, не промолвив
слова,
С добычей ценною своей
Спешат от места проклято́го...

X

Москва...
Народ со всех концов
Бежит... На городских рас-
катах
Гудят везде колокола,
Сзывая бедных и богатых...
Спешат на казнь... Сегодня
день,
Когда получит воздаянье
Старик-боярин, бывший князь,
За небывалые деянья...
Докуку праздничного дня
Толпа вознаградит с избытком,
И хочет знать она, каким
Преступника подвергнут пыт-
кам;
Не знает, суждено ль ему
На площади четвертованье,
Иль, может, смилуется царь
И переменит истязанье...

...Вот показались бирючи,
Народ конями раздвигая
И громко отповедь свою
О лютой казни возвещая:
«Идите все смотреть сюда!
Глядите, как по правде
царской
Казнен за разные вины
Убийца, выродок боярский!..
На перекрестке по ночам
Он речи вел с лукавым бесом!
Жена красавица и сын
Погибли по его кудесам!..
Приял он мзду за все дела,
Что силой учинял бесовской,
И царь казнил его... Иди,
Смотри сюда, народ москов-
ский!..»
И над толпою высоко́
Заколебалася на пике
Покрыта кровью голова
Нижегородского владыки...

Волжские эскизы

I

Ущелья залиты весеннею водой...
Меж небом и землей, на голубом просторе,
Красавцы-Жегули вздымаются грядой,
Как остров, брошенный в раскинутое море.

Овраги темные кой-где еще таят
Пласты тяжелые подтаявшего снега,
И горные ручьи, сливаясь в водопад,
Шумят и на реку кидаются с разбега...

Водой подмытые, несутся с крутизны,
Шумя и прыгая, тяжелые каменья,
С собою унося покорных жертв весны,
Прибрежные кусты, в широкое теченье...

II

Ветер без устали дует,
Волгу взрывая до дна;
Буря шумит и лютует,
Мутная ходит волна...

Волн белогривые гребни
Грозно рядами идут
И, разбегаясь на щебне,
Пеной пески обдают...

Ветер в налете могучем
Тучей вздымает пески;
О землю бьются по кручам,
Чуя беду, тальники...

К пристани свалены груды
Бревен, раскиданных дров;
Щепки разбитой «посуды»
Тянутся вдоль берегов...

«Зла без добра не бывает! —
Так рассуждает народ, —
Буря купцов разоряет,
Дров бедняку подает!»

III

В бударке кто-то вдруг мелькнул, затем исчез;
Вот снова вскинуло кумачную рубаху...
Смельчак один плывет, волне седой в разрез,
Не покоряяся спасительному страху...

С вершины Жегулей крылом своим горыч
Наносит быстрине удары за ударом...
Авось, бог милостив! Как бросить магарыч?
Как водки не попить с приятелями даром!..

IV

Десятки верст взбегают горы,
Природный каменный оплот, —
На них не встретят ваши взоры
Ни стен, ни башен, ни ворот.

Над гладью Волги бровью черной
Идет верхами темный бо ,

Храня ревниво и упорно
Неувядаемый убор.

Вкруг мощных дедов в три обхвата
Стоит редеющая рать, —
Она готова, брат за брата,
Не отступая, умирать...

То — горсть героев безоружных
Спокойно ждет своей поры,
Когда придут из сел окружных
И разом примут в топоры...

V

Широкой полосой к реке сбегает сад,
Усыпаны душистым белым цветом —
Как снегом, старые в нем яблони стоят,
Дыша знакомым мне и радостным приветом.

На скользкую траву откидывая тень,
Они сбегают вниз — весенней жажды полны —
Туда, где сторож их, извилистый плетень, —
Не в силах задержать вступающие волны.

Река торжественно и медленно идет,
Подходит и опять поспешно отступает —
Как будто яблоней сверкающий налет
Про зимы снежные ей вдруг напоминает...

Молодецкий курган

Отвалили утром рано...
Сквозь туман едва видна
Молодецкого кургана
Неприступная стена.

Он не хочет — непокорный,
Уступить своих границ
И из чащи непрозорной
Выдвигает ряд бойниц.

Под ногами камни роет
Вороватая волна,
Над вершиной ветер воет,
Как в былые времена.

Не зазвать удалых в гости
Поработать кистенем,—
Бережет он только кости,
Похороненные в нем.

Подросло́ иное племя,
Не щадит его оно:
Топором захожим темя
От лесов обнажено...

Роют, рубят — год за годом,—
Человек везде проник;
Что ни день—плывет с народом
Неуклюжий дощаник...

Бабы ягоды сбирают,
Над рекою рыбаки
По пещерам разжигают
Вечерами огоньки.

Не вернуть минувшей были...
Но под выступом бойниц
Приютились, гнезда свили
Стаи диких вольных птиц...

Каждый день они слетают
Одиночками на лов
И ему напоминают
Славу прожитых годов...

И стоит он так же смело,
Хоть усыпали пески
Прочь от каменного тела
Отлетевшие куски...

Макарья старый монастырь

Разлива мощного незыблемая ширь
В затишьи сумерек несется горделиво...
Вдали Макарьевский белеет монастырь
На желтой осыпи песчаного обрыва.
Кресты расшатаны, часть кровли снесена,
Раскрыто настежь все ветрам и непогоде;
С обрыва рухнула наружная стена,
Зияет трещина на потемневшем своде...
Две сотни лет назад, в давно былые дни
У стен шумел народ, отрывисто стучали,
Кидая молнию, ружейные огни,
И тяжко ухали затинные пищали...
Здесь, на сыром песке, с весенней ратью волн
Готов — по-старому — он биться до упаду;
Он помнит эти дни и, старой веры полн,
Глядит без трепета на новую осаду...
Но, что ни год, старик становится дряхлей;
К врагу все новые подходят подкрепленья,
И, скоро, может быть, всей тяжестью своей
Он рухнет, разметав ненужные каменья...

* * *

Мелькают пятна от рыбалок
Над темной зыбью полых вод
И ветлы, словно хор русалок,
Сошлися в шумный хоровод...

О чем их сборище толкует,
По ветру косы распустив?
Низóвый все сильнее дует
На их загадочный призыв.

В ночь, видно, буря разразится
И, чуя страшного врага,
Взмутит волну с песком и биться
Начнет в родные берега.

* * *

Струится зыбкая дорожка по реке;
В сияньи лунного серебряного света —
Следы лиловых гор чуть видны вдалеке;
Кругом все ясной мглой одето...

Молчит заснувшая у берега волна...
Сады не шепчутся; повсюду тишь немая...
Вон лодка, точкою подвижною видна,
Плывет, дорожку рассекая...

Да где-то по заре пыхтит и воду бьет —
За темным островом, на середине плеса,
С баржами длинными тяжелый пароход,
Вращая медленно колеса...

* * *

Все блекнет, все голо вокруг.
Осенний воздух свеж и чуток;
И над рекой на теплый юг
Летят станицы диких уток.
Под пленкой ледяной коры
В талах разбросаны озера...
Ждут зимней тягостной поры,
А там весны дождутся скоро;
Река опять дойдет до них
И рыбок, пленниц молодых,
Возьмет из темного затвора...

Они заброшены сюда
Ее ликующим разливом
В те дни, как плавали суда
По залитым водою гривам.
Резвясь в подводной глубине
Вплоть до конца красавца мая —
И не заметили оне —
Как волн речных струя живая
Кидала сочные луга
И заливалась в берега,
Детей надолго покидая.

Родная река

Красива Волга мне родная,
Когда весеннею порой,
Луга и нивы затопляя,
Бежит шумливою волной.
И остров, камень изумрудный,
В лазури быстротечных вод,
Вассал,покорный Волге чудной,
Покров свой зимний отдает.
Свободно ветер Волгой ходит,
Косным вздувает паруса,
Поверхность рябью ей поводит...
Вдруг буря... Волжская краса
Начнет заигрывать с волнами;
Валы саженные встают,
Шумят, бегут и все растут
И плоский берег перед вами
Блестящей пылью обдают...
Потом за опаденьем вод
Весной река кишит народом;
За пароходом пароход —
Один, другой с тяжелой баржей...
И шум и крик... Грузят суда;
Не устающий никогда
Плывет рыбак за толстой каржей,
Которая на лоне вод —
То пропадает, то встает...
Вода сошла, и остров тот,
Что под водой весной скрывался,—
Как феникс — над лазурью вод
Вставал и в зелень одевался...

И Волга лентою обычной
Меж берегами потекла;
И шириною безграничной
Не поражала, но была
Еще прекраснее: налево
Все тот же синий ряд холмов,
А там луга, и для посева
Поля, кой-где клочок лесов;
Направо тоже горы были, —
Свидетели давнишних дел,
Старинной, пережитой были,
Когда на Волге Стенька пел,
И кровь лилась, и Русь когда
Была слаба и молода...

Жегулевские клады

Души человека бесценнейший клад
В свободе, желаньи и силе.
Клады эти здесь на вершинах лежат
В большой известковой могиле.

За них-то на Волге в былые года
Сходилися люди и бились;
За эти клады поднималась вражда
И крови потоки струились.

Другие клады показались в горах;
Былое ушло безвозвратно...
И только по кручам на голых местах,
Как будто кровавые пятна.

Но это не кровь, — то нагие хребты,
Обмытые влагой стремнины,
Богатую кладь выдвигают — пласты
Цветной и уступчивой глины.

ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ ПОВОЛЖЬЯ

1. Про Стеньку Разина

В НЕКОТОРОМ царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем; не далеко было дело от Чечни, близь речки Дону, в тридцати-пяти верстах от Азовского моря, жил в одном селе крестьянин, по прозванью Фомин, а по имени Василий Михайлов. Не старше он был тридцати-восьми годов, народился у него сын, назвали его Михаил. Воспитал он его до шести лет. В одно время в прекрасное он поехал на работу, взял и сына с собой. Напала на них небольшая шайка разбойников, мать с отцом убили, а Михайлу с собой взяли. Привозят они его в свой дом, отдают его атаману. Атаман у них был старик девяноста-пяти лет. Принял он этого Михайлу на место своего дитя, стал его воспитывать и научать своему ремеслу, в три страны велел ему ходить, а в четвертую не велел.

Прошло три месяца, атаман Роман вздумал Михайле имя переменить, собрал шайку, чтобы окрестить его, и назвали его Степаном.

— Ну, теперь ты, мой сын Степан, слушай меня! Вот те шашку и ружье, занимайся охотой, дикой птицею двуногой и с руками и с буйной головой!

Степан вышел со двора и вздумал об родной стороне: «Где-то мамынька моя и родимый тятенька? В поле на меже свою голову скоронили, и я-то, Михайло, остался у разбойников в руках».

Сам заплакал и пошел в ту сторону, куды атаман велел. Вышел

на большую поляну, вдруг, увидел себе добычу, лет семнадцати девицу. Он подошел к ней, сказал:

— Здравствуй, красная девица! Что ты время так ведешь? Сколько я шел и думал, такой добычи мне не попадалось. Ты — пе́рва встреча!

Девка взглянула, испугалась такого вью́ноши: увидела у него в руках во́стру саблю, за плечом — ружье. Стенька снял шапку, перекрестился, вынул шашку из ножны и сказал:

— Дай бог по́мочь мне и булатному ножу!

Возвила́ся могучая рука с вострою шашкой кверху; снял Стенька голову с красной девушки, положил ее в платок и понес к атаману.

— Здравствуй, тятенька! Ходил я на охоту, убил птичку небольшую. Извольте посмотреть.

Атаман выхо́дя, взглянул на платок: на нем окровелённая голова, красовитое лице.

— Вот, Стеня, люблю за то!

Поцеловал его в голову.

— Я тебя награждаю своим вострым булатом; с ним я ездил семьдесят-пять лет, а топерь ко мне кончина приходит.

Атаман вскоре крепко заболел; собралась в дом его вся шайка. Он своим подданным и говорит:

— Ну, братцы вы мои, выбирайте кого знате, а я вам не слуга.

Вдруг вышел из лесу невысокий старичек, левым глазом он кривой, правым часто подми́гыват. Взглянули на него разбойники и в голос закричали:

— Подойди, старик, сюда!

Он подошел, смеется и говорит:

— Ну, чего вам от меня нужно?

— Ну, старичек, рассуди нам дела: нас вот двенадцать человек; кто из нас будет атаманом?

И он им ответил:

— Вы не выберете из себя. Я — сам главный атаман из такой-то шайки; мои подданные ездили на разбой, плохо сделали, уплоша́ли: перевязали, в казамат посадили. Мне старику владать теперь таким домом не́чего, я и пришел к вам.

Все разбойники вскричали:

— Как? Мы тебя, старик, не знаем!

— Что вы, братцы, неужто вы Василья Савельича не зна́те?

— А вот-вот! Вот нам и атаман! Пущай нами владает!

У них есаул был из татар, повернулся и пошел. Пришел к старому атаману и говорит:

— Мы нашли себе атамана, Василья Савельича.

Атаман говорит едва, едва, только намекает:

— Пошли, мол, его сюда.

Василий Савельич пришел к старику, взял его за правую руку и сказал:

— Прощай!

Тот промолвил одно слово:

— Прими мого сына, Степана по прозванью! Вот еще скажу тебе: в три стороны своих посылай, а в эту вот сторону ни пóногу не шагай!

После того умер атаман. Коронили его, все запели вечну память.

Стал Василий своими подданными командовать и Степана научать.

— Ну, теперича я тебе, Стенюшка, отец и мать. Слушай меня, что я тебе приказываю. Твой отец мне тебя на руки сдал; в эту сторону не велел ходить.

Прошло три года с новым отцом; Стенька научился на охоту ходить; когда птицу, когда две принесет. Возлюбил его атаман и так его лелеет, паче сына своего.

В одно прекрасное время взял Стенька шашку и ружье, вышел за ворота и думает:

— Куда сегодня итти мне? Да что ж мне отец приказыват в эту сторону не ходить?

Подумал и пэглядел на востру шашку в руках.

— Тут дорога опáсна; моя булатная шашка притýпела.

Стенька воротился назад, взял бросил шашку.

— Вот ты мне не слуга! Я выберу нóву!

Выбрал первую, сáму вóстру шашку, перекрестился и пошел по новой дороге. Шел он немного чащей и вышел на большую поляну. Вдруг видит перед собою огромную чýду.

— Нет, это не так, — думает;—я здесь топерь должен погибнуть.

Испугался, стоит на одном месте, не знат что делать.

— Куды же мне деться и как от этой чудищи скрыться?

Чудища подняла голову и увидала юношу; дохнула на него и стала двигаться к нему. Стенька заплакал и думает:

— Пропал! Говорил мне атаман: не ходи по этой дороге! Я его слов не послушал.

Стал подходить ближе, вынул вострый меч, положил его на правую бедру.

— Неужто, — думает,— бог мне не поможет срубить Волкодира? Я не буду так трусить, и бог поможет!

Волкодир его тянет и хочет проглонýть сразу. Стал Стенька шашкой своей владать, все челюсти ему разрезáть. Когда челюсти ему до ушей разрезал, и нижняя часть отстала, захватить Волкодира силы не стало, развернулся Степан своею шашкой и давай голову рубить, сколько силы его хватало (потому что он был не богатырь). Отрубил голову, стал брюхо разрезáть; разрезал брюхо, нашел в кулак камень и дивуется над этим камнем. Повернулся и пошел. Идя он дорогой, думает себе:

— Что это за вещь такая, и какой это камень?

Взял, нечаянно лизнул и узнал все, что́ есть на свете, ахнул перед собой.

— Вот, — думает, — этот камень мне дорог!

Пришел домой к отцу.

— Здравствуй, тятенька, я ходил на охоту, и такая была удачна: погубил свого неприятеля, который нам ходу не давал.

Отец ему и говорит:

— Врешь, Степан! Твой прежний отец тут семьдесят-пять лет жил с своими подданными, и то этого не мог сделать, а ты девяти годов мог такого противника погубить?

Степан побожился и поклялся.

— Правду, тятенька, говорю! Хошь сейчас поедем, поглядим!

Под тот час съехалась вся шайка.

— Ну-ка, братцы, — сказал Василий Савельич, — оседлайте лошадей! Стенька говорит, что он нашего неприятеля срубил.

Все в голос закричали:

— Мы жрать хотим!

Атаман и говорит:

— Да ведь недалеко: скоро вернемся. Если правду говорит, мы пирушку сделам!

Оседлали лошадей. Сел Степан на коня, сам вперед поехал, за нём атаман, Василий Савельич. Доехали до долины, увидели Волкодира с отрубленною головой; закричали все: «Ура!» и Степану честь-хвала. Воротились домой; атаман и говорит:

— Ну, вот теперь, братцы, мы гулям!

Сделали пир, трое суток гуляли и все Степана восхваляли.

— Теперь поживем! — говорит атаман. — Нам теперь воля на все четыре стороны! Кутнем-ка еще, братцы!

Стал Василий шайку набирать и задумал по лесу раз погулять. Сел на доброго коня и поехал вперед, по новой дороге. Выехал он на Азовское море, и увидел он небольшой кораблик.

— Вот, братцы, — говорит, — мы этим никогда не занимались; а хороша была бы нам добыча: и хлеба, и одёжи, и казны вдоволь!

Одни разбойники и говорят:

— Эх, Василий Савельич, это что за добыча? Мой дед и отец в Саранских лесах жил, — так вот там добыча!

— А что?

— Что? Там скот дешев, и народ ремеслен, и всяких заводов много.

— Да нет, надо испытать, — говорит Василий. — Нам уж туды некуда лезть, потому я стар, а вот сядем-ка в легку лодку, да поедем в догóн.

На берегу Азовского моря стояла небольшая косоу́ха. Сели в нее все двенадцать человек, взяли весла и грянули догонять кораблик. А на нем был капитан очень хитрый. Подогнал атаман к кораблю, а капитан на́ борт вышел, поддернул свои портки — их на сорок сажен отбросило. Атаман вскричал громко:

— Ай да, грянем веселее!

Напустились они в другой раз; капитан их вплоть подпу́стил, шибко дернул за штаны — их угнало за полторы версты.

— Нет, братцы, — говорит атаман, — я как этим делом не занимался, и вам не советую.

Взял плюнул в лодку и пошел до коней. С такой досады они сели на коней и поехали домой. С эфтова время заболел атаман, стал подданным говорить:

— Кто моим делом управлять будет? Я советоваю, братцы, Степана в атаманство посадить.

Тут все стали на это роптать:

— Мы сколько лет живем, а этого не видим. Недавно он пришел и атаманом хочет быть!

Степан вышел к товарищам и говорит:

— Если я атаманом не буду, так не хочу с вами служить! Ну, кто чего знат и какие искусства кто покажет? — закричал Степан.— Ну-ка, кто из вас такой ловкий? Преклони весь лес к земле!

Все выпялили на Степана глаза и ни слова не сказали.

— Никто из вас не выбирается? — крикнул Степан.

— Нет, никто не может.

Вынул и поднял Степан шашку кверху и скомандовал:

— Лес, преклонись к земли!

Глядят разбойники, а лес на земле лежит. Закричали все:

— Быть Степану атаманом!

Степан ответил им:

— Ну, братцы, служить со мной так служить! Покажите, как вы охотитесь, как бьетесь? Мы так жить не будем, а пойдем в привольные стороны.

Разделил Степан свое войско на две части, скомандовал друг на дружку, в шашки. Они так бились и рубились, что никто друг друга не ранил и не убил.

— Ну, братцы, я в надежде; могу итти с вами. Теперь мы здесь не заживемся: в привольны стороны пойдем! Забирайте все свое имущество и выедем мы на Азовско море и отправимся в Саропский лес.

Собрались разбойники, сели на коней и поехали на Азовское море. На берегу нет ни лодки, ни расшивы; ни виду про них, ни слуху.

— Ну, что же, братцы, будем делать? — говорит Степан.— На чем через море поедем? Давай сюды мою большую кошму!

Степан разостлал ее на море; сделался вдруг большой корабль. Посадил на него шайку и лошадей поставил, громко вскричал:

— Грянем, братцы, веселее!

Только его и видели. Приехал он к Саропскому лесу и говорит:

— Ну, братцы, вы тут постойте, я съезжу, поразгуляюсь.

Они на берегу себе табор сделали, а Степан сел на коня и поехал по лесу. Разыскал он себе прекрасное место для дома (стана), вернулся на берег — из семидесяти-пяти человек убежало у него двадцать.

— Куды же они делись? — спрашивает.

— Гулять ушли. (А они сами начальниками захотели быть).

— Ну, да мне и этих будет, — сказал Степан. — Теперь, братцы, пойдем примемся за работу!

Сели на коней и отправились на разысканное место, и выстроили себе дом. Стенька выехал на охоту и увидел перву встречу: красна девица, от роду семнадцать лет, зовут Афросиньей, а отца Егором, из богатого дома. Размыслился Степан: хотел девицу погубить.

— Да что я ее напрасно погублю, лучше с собой возьму, пусть мне женой она будет.

Взял ее с собой; пожил несколько время, написал письмо, послал к ее отцу, матери.

— Дочери своей больше не ищите.

И сколько родители ни старались, чтобы выручить из Степановых рук свою дочь: деревни четыре собрали народу и весь лес окружили. Подошли к Степанову дому, и разбойники все дома были. Увидал один толпу народу: кто с дубиной, кто с топором, кто с косой и ружьём; взбег к Степану и говорит:

— Ну, атаман, видно, батюшка, мы пропадем!

— Что такое? Еще не родился на свет тот, кто меня погубит. Где народ?

— Наш дом они окружили, атаман!

Приубрался Степан в оружию, вышел на крыльцо и громко вскричал:

— Ну-ка, подданные, садитесь скорее верхом! Не видите что у нас?

Сели верхом. Степан вперед поехал, и народ расступился. Сели и поехали. Вернулся Степан назад к толпе народа и говорит громким голосом им:

— Ну, что вы хотели меня пымать? Разве я зверь какой? Не волк и не медведь, разве вы не видите?

Толпа остолбенела: ровно болваны стоят. Взял Степан в руку плеть и погнал их от дома, как овец. Старик и бросил о своей дочери стараться. Степан остался с Афросиньей жить. Прожил он год, и забрюхатела она; родился у них сын. Дал Стенька ему имя Афанасий.

После этого прожил он три года и вздумал выехать на берег Волги разгуляться. Было у него подданных с ним восемь человек. Увидел он, что ба́ржа небольшая бежит.

— Хоша нас, братцы, мало, а силы попробовам!

Кидает с себя епанчу, расстилает на́ воду.

— Садитесь!

Сели на епанчу. Громко вскричал:

— Ну-ка, братцы, грянем!

Догнали баржу, лоцманов в воду покидали, капитана подвесили на дерево и обобрали все имущество.

— Вот нам, братцы, добыча! Мы, так я думаю, поселимся на Волге.

— Как, атаман? Теперь есаул у нас старый; кого выбрать? Он в отставку хочет.

— А разве не́кого? А вон у меня есть Абсаля́мка; будет всеми делами моими управлять!

Уехал Стенька домой и говорит молодой жене:

— Ну, Афросинья, последние дни с тобой живем! Я тебя к отцу отправлю; только я тебя не обижу. Есть у меня семь коней; навьючу на них серебра и меди, а золота-то понюхать и самим нечего.

Девка была его словам рада, ждет не дождется.

Собралась вся шайка, семьдесять-пять человек (во время разъезда пристали); вышел Стенька на крыльцо.

— Ну-ка, братцы, много ли нас?

— Семьдесять-пять человек.

— Ну вот, осталось пятьдесят, а теперь опять прибавка. Ай-да, кто хочет, на Волгу! Кто охотники — вперед!

Все вскричали, кроме есаула:

— Все желаем тебе служить! Пойдем!

— Я желаю подальше выбрать место. Слыхали про Жегулинские горы? А только вот что: есаула надо выбрать.

— Кого желаешь, атаман, того и сажай в есаулы!

Он еще раз подтверждает:

— Вот я желал бы Абсалямку!

— Ну, и мы желаем его! — вскрикнули все. — Он человек хороший и проворный и все искусства знает. Выходи, Абсалямка, вперед! Командовай!

Вышел Абсалямка вперед, крикнул:

— Ну, робята, слушайте как атамана, так и меня! Мы скоро в поход пойдем по деревням; где что попадется, все тащить, зря не бросать!

— Это, — отвечает шайка, — наше дело: мы не проглядим что вйсло висит!

Степан вскричал громким голосом:

— Оседлайте таких-то лошадей и насыпьте полны мешки серебра и меди, привяжите покрепче, да вот таких-то четыре коровы! Сегодня я отправляю жену на село. Ну, есаул, выведи на дорогу, смотри, чтобы худого ничего не было!

Вывели семь лошадей с мешками и четыре головы коров и привязали друг за дружку; на переднюю лошадь самое посадили. Есаул вывел на дорогу и указал ее дом. На другой день Степан приказал ехать в Жегулинские горы. Оседлали коней и пошли упоpством на Старо-Черкасску губернию; открыли огонь, сделали битву такую, что побили неприятелев триста тысяч и забрали город. Возвратились оттудова упоpством на Саратовскую губернию. Кроволитие тут у них было такое, что побили сто-восемьдесят тысяч человек, забрали Саратов город. Из Саратова выступили в Жегулйнские горы, прискали удобное место, покопали себе землянки, устроили все в порядок. Стенька стал выезжать на Волгу, разбивать суда и вздумал раз съездить в Саратов город. Приехал туда и увидел у одного богатеющего купца прекрасную дочь, под названьем Марья Федоровна, и так ему захотелось ее к себе забрать в супружество. Дожидался он, когда она на разгулку или на балкон выйдет. Через несколько времени выходят на балкон и выносят большой самовар;

купец с купчихой садятся чай кушать, и дочь их выходит. Стенька напустил воды, раскинул кошму и подъехал к балкону; взял купеческую дочь из-за стола, посадил на кошму и с собой увез в Жегулинские горы. Купец: «Ах, доржи, лови!» Не тут-то было.

Стал Стенька выходить на́ берег и не стал никому давать проходу: ни одной барже, ни расшиве. Стали доносить государю, царю Ивану Васильевичу:

— Царь Иван Василь́ич! Стенька Разин не дает проходу ни пешему, ни конному и по Волге разбивает баржи, и купеченски и даже казенны.

Описывал царь Иван Василь́ич Стеньке:

— Степан, ты разбивай хоть купеченски, а мои не трог, а то я на тебя пойду упорством!

Степан отвечает царю:

— Вы на своих баржах делайте знаки, а если жела́те итти на меня упорством, милости прошу в Жегулински горы. Если вы хотите мне дань платить, то платите мне за каждый проезд и кладите знаки, а не хотите, я тогда упорством пойду до Москвы!

Подумал царь Иван Василь́ич над Стенькиными словами:

— Чем хочет взять? Семьдесят-пять человек и до Москвы хочет дойти!

И вздумал то, что он в Старо-Черкасской губернии триста тысяч побил, под Саратовом сто-восемьдесят тысяч.

— Ну, у меня столько силы нет, значит, я в его руках.

Собрал дань и отослал Стеньке.

— Положьте, Степан, сколько за лето возьмете, за прокат — я заплачу́.

Сейчас взял, на казенных баржах сделал знаки, и с того времени Стенька стал казенные баржи пропускать, а купеческая редкая проходила без того, чтоб он на ней не побывал.

В одно прекрасное время вздумал Стенька покататься по Волге. Ехал Волгой вверх, доехал до Спасского уезда, Казанской губернии, до села Болгар. Вздумалось ему тут закусить. Подворотили, вышли на́ берег, идут селом. Попадается им навстречу девка двадцати-семи лет; поздоро́вкался с ней:

— Здравствуйте, красна девица!

— А вы что за́ люди?

— Мы купцы. Не слыхали чего про Стеньку Разина?

Вдруг девица испугалась, что такой разбойник селом идет.

— Зачем вы сюда идете? Чего вам надо?

— Мы вот есть захотели, не знам куды зайти.

Сквозь зубов девка сказала:

— Милости просим к нам! Я накормлю!

— А где твой дом?

— А вот на берегу Волги угольная хата.

Повела девка в свой дом, посадила за стол, напоила и накормила. Степан и говорит:

— Нельзя ли, голубушка, с тобой познакомиться?
— Отчего же, можно.
И с этого время стал Стенька к ней частенько ездить. Стала девка богата, так что первая на селе, и вздумала как бы его изловить. Раз он приехал к ней и говорит:
— Ну-ка, сходи, принеси четверть водки!
Та побегла́, сказала старшине, что приехали к ней разбойники. Старшина взбулгачился, нарядил народу, и окружили дом. Она принесла водки; они стали пить. Тут гамя́т:
— Давай его сюда! Иди к нему! Чего глядеть-то? Тащи его!
Но никто ничего сделать не мог. Попил Стенька, погулял и опять отправился на свое место. Народ только поглядел на него.
Прожил Стенька в Жегулях семь лет, изобрал себе удобное место напротив Бирючей косы. Места эти не были забраты, он и думает сам себе:
— Если итти упорством, то нам ка́бы осилить, а помоги никакой нет.
Вдруг рано утром приходит неизвестный человек с письмом от Афанасья Степанова:
— Степан Степаныч, прошу вас испытать силы. Я уж стал восемнадцати лет, я забрал город Ленбу́рг.
И думает Степан:
— Неужли́ это сын ко мне пишет?
Отвечает:
— Кто есть ты такой за Афанасий Степаныч?
Сам поехал к Бирючей косе и делает упорство на неприятеля (Ту́рка) и уси́льством сбили их с позиции на Бирючую косу; забрали их в плен живьем. Утром, на солнечном всходе, приходит человек, приносит письмо:
— Любезный мой папаша, я буду к вам в гости, в город Астрахань, а неизвестно когда!
Так он этому письму обрадовался! Взошли они на Теплый остров, построили себе огромный дом. Между тем пока он строил, сын приехал в Астрахань, гуляет по́ городу, не признает никого, никому шапки не скида́т: ни господам, ни чиновникам, ни простонародью. Стали люди замечать, что он не из простых: либо из чиновников, либо из раскольников. Донесли губернатору. Губернатор сказал:
— Когда пойдет, доложите мне.
Вдруг вышел самый этот разбойник. Губернатору слуги доложили, что он идет. Губернатор вышел из ворот и пошел навстречу. Тот ему никакого не отдает почтения.
— Что ты есть за человек?
— А на́што тебе? — отвечает Афанасий.
Закричал губернатор:
— Доржи его и посадить в темницу!
После того Стенька приехал в Астрахань-город и узнал, что сын его в тюрьме, а кто посадил не известно. Долго он жил в городе

и все разузнавал. В один праздник ему один человек и сказал, что сына его губернатор посадил. Когда ударили к обедне, стал народ съезжаться, идет губернатор. Стенька стоял на паперти, взял губернатора за руку и повел на колокольню. Взвел его на нее и вскричал:

— Вот! Не ешь сладкую конфету, а попробуй луковицу с хреном!

Взял его в беремя и говорит:

— Ну-ка, как кошка вывертывается? Встанешь ли ты на ноги как она?

И спустил его в окно за добродетель сыну своему. Вышел Стенька из церкви и пошел прямо в тюрьму и сына выпустил; подвел его к губернатору и спрашивает:

— Узнал ли ты своего неприятеля? Вот он тебя в тюрьму посадил, а сам летать захотел с колокольни, а садиться-то не умеет!

Попрощались сын с отцом.

— Ну, сын, далеко ли пойдешь?

— Я теперь отправлюсь в Пе́рьму.

— Да как ты ее заберешь?

— А как вы Бирючью косу забрали, так и я заберу.

И пошел Афанасий в свою шайку. (У него немного было: стосемьдесят пять человек). Приехал в шайку, проздравил себя, что «был де я таким-то губернатором посажен в тюрьму и был в ней семь дней, покуда отец меня не выпустил, а сам губернатор вздумал полетать, а садиться не умел. Теперь, братцы, в Пе́рьму упорством пойдем!»

Собрались и сделали войну — боже упаси! Забрал Афанасий Пе́рьму и шестьсот человек в плен. Когда Стенька узнал об этом, был очень рад и пошел упорством в Само́рску губе́рню и забрал небольшую речку Урал. Поселились тут все подданные Стеньки, а он их наградил землею и лугами, и лесом, и рекой Уралом.

— Если кто, — говорит, — будет у вас отбирать, то сделайте упорство!

Больше он в войну не пошел, и задумал Стенька отпустить свою Марью с малым дитем; поехал в Жегулинские горы домой. Приехал, видит, что Марья лежит на кровати мертвая. «Ну, бог с ней! Ладно, что не захватил». Так и оставил.

После того стало ему скучно.

— Дай поеду на Каспи́йское море!

Расправил свою толстую кошму, сел на нее и поехал к Каспийскому морю. Ехал не больше трех часов, приехал к столичному городу в Персии; видит: гуляет на балкону прекрасная королева Елена; вздумал: «Как я ущельем к городу проеду? Дорога тесная». Напустил воды, подъехал и взял ее с балкона, посадил на кошму и увез на Теплый остров. Приезжает в дом, встречают его служащие.

— Ну, братцы, проздравляйте меня с победою! Чего желалось, то я получил! Теперь мы займемся пойначе работать. Надо хлеба на зиму заготовить и всего. Съездите-ка в город Астрахань!

Поехали двенадцать человек, тринадцатый есаул, Абсалям. Приезжают; высмотрели богатеющего купца магазин. Вот есаул и говорит:

— Не поживимся ли малость?

Подрезали жестяную крышу и один из ловких влез туда и давай оттуда все переть.

— Что, будет? Кажись все я повыкидал?

— Да вот пошарь-ка, нет ли еще? На одну подводу не хватат.

Стал разбойник шарить и нашел: висит что-то.

— На крюку́ что-то висит; я вам не выкинул!

А это была кунья шуба с бобровым воротником. Выкинул ее оттуда и сказал Абсалям:

— Вот так шуба! Как бы ее от атамана скрыть, чтобы мы от нее поживились?

Положили на́ воз и отправились домой. Часу в первом ночи остановились лошадей кормить на большой поляне, в лесу, не доезжая пяти верст до Волги. Перед самою зарей вдруг есаул сделал тревогу.

— Что вы, братцы, спите? Мы-то ухачи́-воры, а у нас украли!

Поскакали разбойники в погонь, во все стороны. В это время есаул взял, шубу украл. Разбойники вернулись и спрашивают:

— А много ли покражи было?

— Да вот, — говорит есаул, — шубу украли, а она мне всего дороже.

— Ну, делать нечего, — говорит разбойники, — видно нам ею не владать!

Есаул пома́лкиват. Приезжают к атаману, говорят:

— Господин атаман, поздравляй с добычей! Все ездили благополучно, только вот случилась беда: с возу кто-то шубу украл с бобровым воротником и обложену разным прозументом!

— Плохо, — сказал Стенька, — а вот бы и надо ее сейчас! Как украли? Расскажите!

— Да вот мы с устатку на такой-то поляне отдохнуть легли, — начал один разбойник.

Стенька сказал:

— Иди на то место и поищите невдалеке кругом, не будет ли она тут.

Сели двое на лошадей и поехали на поляну; давай шубу искать. Не доезжая до одного небольшого кустика, видят: шуба лежит вверх воротником.

— Эй, Митька, я шубу нашел!

Несет шубу на руке, прямо к атаману. Атаман взял и говорит:

— Да, стали от меня воровать! Неладно, робята! Я на него надеялся, на есаула, ну, а теперь он из веры вышел.

А Абсалям за дверьми стоял да слушал. Приходит в комнату и говорит:

— Атаман, шубу мне отдай!

— Как так? Ты ее украсть хотел?

— Нет, я тебе ее не подарю! — говорит есаул.

Сделалась у них большая ссора. Степан говорит:

— Не быть тебе есаулом!

— Не буду я, — отвечает Абсалям, — есаулом, а буду атаманом!

Встал Степан со стула, рассердился, закричал на него:

— Пошел вон отсюда!

Есаул повернулся, загнул свое рыло и вышел.

— Дай-ка, — думает, — я оседлаю своего коня и поеду куда знаю.

И уехал в Сызрань; прожил в нем три лета, набрал небольшую шайку в девять человек, стал воровать и разбойничать. Узнал про это Стенька.

— Да-ка, я съезжу, разузнаю, как живет Абсалям!

Взял трех с собою и поехал. Приехали в Сызрань, нарядились купцами и спрашивают: где разбойник Абсалямка. Все знали и указали в какой лес ехать. Стенька подошел к его дому. Абсалямка как увидел, испугался и говорит:

— Здравствуй, брат Степан, я очень болен.

— Здорово, Абсалям, вижу я, какая твоя болезнь. Я не за болезнью твоей пришел, а за шубу расплатиться.

— Я теперь весь в твоих руках, — сказал Абсалям с покорной головой. Со стоном говорит Абсалям: — Прости, брат Степан, я такой же атаман!

— Не за тем я к тебе пришел, чтобы простить, а зачем ты от меня ушел?

Вынул Стенька вострую свою шашку и отсек Абсаляму голову; сел на доброго коня и отправился назад. Приехал домой и сказал:

— Ну, ребята, поминайте Абсалямку за покой его души! вот вам жертва!

И отдал им меч.

— Я сегодня брата́лся с нём, снес ему голову своей вострой шашкой, ну, да будет про это толковать! Мы нового заведем. Как бы в Астрахань скорее попасть? Что-то мне скучно! Другого есаула нет, это не беда: мы одни исправим дела!

Оседлали новых коней; Стенька ясным соколом полетел. Проезжает он базаром, сам с улыбкой говорит:

— Я и вновь здесь явился; где же мой губернатор лежит? Я приехал к нему поздоровкаться, сказать: есаула пусть он встречат к себе в дом за его добродетель, чтобы мого сына в тюрьму не сажал (?) Мы после этого разговором займемся. Ну-ка, робята, подглядите, где нам добыча лучше будет! Заберемся мы к богатому купцу; он живет на самом краю, в полукаменном дому. Нам стены каменны нипочем: дочь красавица у него; мы добра и именья набрали, мы красавицу увезли.

Привозил Стенька домой.

— Вот тебе, любезная моя — сестра моя! (Это княжна-то). Я долго не видал сестру, когда бунтовство́ было; я расстался с ней

и сел на легку лодку, за тобой поехал; я время в этом проводил, в Персидское царство ездил, всех знакомых я узнал, купечество разорял!

Вздумал Стенька съездить в путь-дорогу, в Казанскую губернию; мимо Болгар проезжал, про прежнюю вспоминал.

— Дай зайду к ней!

Вышел Стенька из лодки и завёртывал в дом, в котором было веселье и гулянье. Он заставил стару девку баню истопить. Истопила она баню и побежала на село и сказала старшине:

— Стенька парится в бане!

На тот случай идет старый старичек.

— Что у вас за сходка? — спрашивает старик.

— Вот мы хотим Стеньку изловить!

— Где вам, братцы, его ымать? Тот еще на свете не рожден. Рази мне старые кости потревожить и показать вам Стеньку?

Снял старик свою шапку, три раз перекстился, подошел к бане и тихим голосом говорит:

— Степан!

Громко Стенька отвечал:

— Эх ты, старый хрен! Не дал ты мне помыться!

Ну, делать нечего, стал он собираться. Вышли они из бани; Степан на все стороны поглядел, перекстился и пошел. Старик тихим голосом сказал:

— Старшина, давай подводу!

Посадил его на телегу, сам сел впереди. Привез до города, спросил полицейских...

— Нате вот вам разбойника Стеньку Разина в казимат!

Весь народ сдивовался, что не простой старичек.

Он спросил исправника:

— Ну, как его сажать?

Исправник говорит:

— Надо в железо его сковать!

Взяли в железо его сковали; Стенька тряхнул ногой, и железы прочь полетели. Старик и говорит:

— Не поможет вам железо, лучше мне его связать!

Взял моченое лыко, ноги, руки ему связал, посадил его в острог. Трое суток он в нем сидел, на четвертые является губернатор: известен был такой разбойник всей амперии. Распалённый губернатор закричал на него громко:

— Может ли сидеть такой разбойник связан мочалами? Заковать его в железы!

И сказал Степан:

— Ну, теперь, братцы, прощай!

Нарисовал середь полу легку лодку и сказал:

— Садись, робята, со мной!

Полилась из острогу вода, отворилась дверь, и уехал Стенька в луга; увез с собой новых двенадцать человек, вернулся домой

к молодой своей жене и к названой сестре (Астраханке). Издумал Стенька переправиться в отдаленную дорогу, на Балхйнско-черно море, на зеленый Сиверский остров; и думат Стенька про свою молоду жену, княгиню:

— Куда ж я ее возьму с собой? Неужли мне, удальцу, там жены не будет?

Разостлал Стенька платок, посадил двух девок с собой; под служащих — большой ковер, и сказал:

— Грянем, робята! Недалеко: мы сегодня в Астрахань, а на утро будем в Рыбинском!

Плыли они путину, молода́ его жена и сказала:

— Куда ты меня завезешь?

— А не хошь ты со мной ехать, полетай с платка долой!

Словом ее огорошил—княгиня полетела вилоть до дна. Ехавши губерниями народ видел его на платке, с девицей. Девица сидит, возмоля́ется:

— Прощайте, няню́шки, мамушки и родимый мой отец!

Он услышал эти слова, подворотил к левой стороне.

— Ох,и город мой родной (Синбирской), уж я в нем и редко был, а все знаю!

Видит: сын навстречу идет, здоровается с ним и называет отцом.

— Ах, сыночек Ванюшка, не знашь ли про своего братца?

— Нету, тятенька, не знаю: я в несчастьи нахожусь: архерей меня в тюрьму посадил.

— Ну, какая честь будет ему, хвала? — сказал Стенька сыну. Обнялись, поцеловались.

— Не плачь, сынок, я с ним рассчитаюсь. Я еще не таких видал: Астраханской губернии губернатора с колокольни кидал, и этому не миновать!

Утром рано он встал, сам к заутрени пошел; проходя всеё церковь, перед царскими дверьми встал. Выходит архерей из алтаря, берет его Степан за руку:

— Ну, пойдем со мной за сына рассчитаться!

Взвел его на вышний етаж и крикнул:

— Сейчас получает ваш архерей за моего сына расчет!

Взял его и выбросил из окна. Народ взбунтовался.

— Держи, лови!

Но никто не видал, как Стенька весь народ прошел. Взял он сына своего куды путь лежал, доехал до Рыбинскова: город славный, а стоять нельзя.

— Оставайся, сынок, здесь, а я поеду куда вздумал, по свету похожу, разузнаю, где что́ есть.

Приехал к морю и сказал:

— Слава богу!

Стеньке от роду было девяносто-семь лет. Переправился он через море на зеленый Сиверский остров, написал он письмо старшему свому сыну:

— Я прощаюсь с вольным светом, и конец мне скоро будет!

Построил себе дом близь большой дороги; имел проживанья три года и кончил Стенька жизнь свою на Сиверском зеленом острове, но дети его не знают, где отец. Пролежал тридцать лет; стень ходила по земле, но народ она путала и просила, чтобы над ее телом сказали вечну память.

Проезжал один из прикащиков с красным товаром; поднялась грозна туча и ударил сильный дождь; он от дождя и заехал в дом Стеньки Разина. Стень подошла и шйном говорит:

— Иди, возьми в такой-то комнате золота мешок и под тем-то звеном, под забором лежит Стенька Разин; скажи над ним вечну память, а прежде сведи коней со двора! (А то землетрясение будет).

Неустрашимый разношик разыскал золота мешок, навалил его на горб, повез со двора и думает:

— Ладно ли так будет?

Воротился назад, разыскал труп Стеньки Разина, впопыхах скоро сказал три раза вечную память; сам бегом со двора побёг, пал на лошадь, тронул коня возжей, но едва отъехал — потряслась земля, и провалился труп Стеньки и закрылся землей.

О Стеньке рассказу конец, а будем говорить о старшем сыне Афоньке.

Услыхал Афонька о смерти отца, и вздумал он съездить на Балхайско-черно море, на зеленый Сиверский остров. Подъехал к морю — тихо было; сел в небольшую лодку и отправился сам на остров. Вдруг буря поднялась, раскачала лодку его. Тут-то Афонька страху наимался! Чуть не захлебнулась его лодка. Дошел до отцовского дома — стоят одни голые стены. Посмотрел на эти стены, сам заплакал и пошел; тихо, во слезах, слово сказал:

— Смерть отца я не застал! Ну, прощай, отец! Теперь я до смерти не увижу тебя!

Отправился на море; поглядел — лодки нет. Вот беда и горе! Кто-то лодку угнал. Едут два перевощика, он и крикнул:

— Братцы, посадите меня!

Те подъехали и говорят:

— Что дашь за перевоз? Мы отвезем.

— Сколько возьмете?

— Ну, садись!

Он сел в лодку и думает:

— Денег у меня ни гроша, чем я расплачусь с ними?

Один у него в кармане кистень. Вынул он его тихонько; перевощики сидят впереди, веслами гребут и друг на друга глядят. Загляделся один перевощик, взял Афонька цоп его в ухо кистенем! Этого убил до смерти, а другого из лодки вышиб, сам сел в весла и поехал куды надо. Приезжает на сву сторону, идет путем дорогой, попадается ему артель средних мужиков; идут с золотых приисков. Афонька говорит:

— Здравствуйте, робята! Куда ходили?
— Идем с работы.
— А мне таких людей надо! Я иду третий день не жрамши, хоть на кусок хлеба добьюсь себе!
Мужики друг на дружку взглянули и говорят:
— Неужто мы живые одному в руки дадимся? Это вздор!
— Ну, как же, мужики, денег много у вас?
— Да есть у кажняго по сотняжке, — смеются между собою.
— Ну что же давайте мне на дорогу! — говорит Афонька.
— Эх ты, дурак! Мы сами глядим где бы взять.
— Да ведь с вами нечего так говорить: вы не знате, кто я!
Вынул из кармана кистень и говорит:
— Ну-ка, я примусь за прежнюю работу!
Тут Афонька развернул руку и дал одному кистенем плюху, а трое с испугу упали.
— Я с вами вот как обойдусь!
Поколотил всю артель, деньги отобрал.
— Будет мне на дорогу!
Идет и посмеивается, сам себе говорит:
— Я теперь где ни взойду, голодом не умру.
Пришел в свой дом: запустел, никого нет... И так досада его взяла, что из терпенья он вышел.
— Где мои подданные товарищи, которые со мной были?
Вздохнул он тяжело и скрозь слезы сказал:
— Прощай, моя изба! Больше я в тебя не приду!
Забрал все добро, сел на доброго коня. Проехал не больше пяти верст; стоит в лесу огромный дом. Он взъехал в него, выбегат к нему на встречу его есаул и говорит:
— Здравствуй, брат Афанасий! Как твое здоровье? Где ты столько время был?
— Неужто ты, брат, не знашь, где я был? Я отца хоронил.
— Ну, милости просим в наш дом! Мы свой выстроили.
— А много ли вас здесь?
— Да не много: двадцать-пять человек, — сказал есаул.
— Так что же? И меня в артель принимайте!
— А, милости просим!
Но так его досада берет, что он из атаманов в подданные идет, говорит есаулу:
— Ну, что, атаман, здесь служить неловко: добычи мало! Поедемте в привольные стороны, где отец работал.
— И я думаю туда же отправиться.
В одно прекрасное время съехалась вся шайка; начали говорить:
— Кто на Волгу хочет в город Симбирской?
Один из работников говорит:
— Да ведь не знай как мы попадем в Симбирской: там заведыват Ванька (брат Афоньки).
А Афонька говорит:

— Вот мне и хочется узнать. Забирайте ограбленное добро!

Забрали, лошадей оседлали, сели поехали. Приехали на берег Волги в небольшое село, по прозванью Майну, разыскали тут удобство (небольшую рытвину), прежний готовый дом, остановились на время жить. Разузнали все дела, как живет Ванька, командовал своими войсками и гордится, управляет всей Волгой: занимает должность отца старика: суда разбивает, лоцманов в воду кидает.

— Ну, это он незаконно, — сказал Афонька. — Пусть бы он деньги и добро брал, а лоцманов в воду кидать незачем. Испробую силу его!

Написал Афонька письмо:

— Ожидай меня в гости!

Ванька отвечал:

— Милости прошу, незнакомый человек!

Собрались двадцать-пять человек, разостлал Афонька епанчу, сели вместо лодки и поплыли в Синбирск.

Ванька встретил гостя и говорит:

— Какие вы люди?

— Мы — дети Стеньки Разинова, первый сын Афанасий.

Он этому делу не верит, хочет по шее из дому прогнать.

— Врешь! У меня не такой брат!

Произошел шум и драка; открыли огонь, и Афонька упорством пошел, прогнал Ваньку из Синбирскова во Рязанскую губернию. Остался Афонька в Синбирском свою жизнь продолжать и научился, как баржи разбивать. Вот плохая тут удача: народ хитрый нынче стал. Однажды погнался за маленькой баржей. Лоцман был не промах: сам рулем правит, рукой по голове гладит. На голове волоса были длинны: как назад их закинет, и Афоньку с Волги на́ берег кинет.

— Эх, — говорит Афонька, — это, братцы, не так! Тут не поживёшься! Поедем дальше за ними!

На путине баржа приотдохнуть и встала. Афонька — следом.

— Вот где нам владать им, этим лоцманом! — шепнул Афонька.

— Айда, братцы, за работу!

Взошли на баржу: лоцман стоит в своей хате. Отворил Афонька дверь и крикнул:

— Эй ты, сонный тетеря, не отворишь нам двери!

С испугу лоцман вскочил, выбег на верхний борт, ножом горло перехватил. Разбили они эту баржу; златом и серебром лодку нагрузили и отправились домой.

Получает Афонька письмо неизвестно откуда; стал его читать: письмо — от родного брата.

— Эх, братец, не знал я, что ты был у меня в гостях и вину упорную сделал. Я теперь третий месяц в несчастьи: в тюрьме сижу.

Афоньке жаль стало: он и поехал в Рязаньску губернию, рас-

скал брата в тюрьме. Увидел весь народ, что самый тот разбойник втаком-то году архерея с колокольни бросил (лицом схож был).

— Давай, держи, лови!

Шум поднялся и гвалт, а Афонька подошел тихо к за́мку, выпустил свово брата и отправился в свое место.

— Бросим это все дело! — сказал Иван брату. — Будет, брат, погрешили, пора на покаяние!

— Нет, — сказал Афонька, — я до смерти свои дела не брошу!

Отправился на сво место, на разбойное дело. Недолго ей, царить досталось: нагряну́ло войско; пымали Афоньку в темном лесу, посадили его в тюрьму. Решил его суд сквозь тысячного строя три раза провести. Забили Афоньку до смерти, а Иван пустился во моленье и покаялся в девяносто семи людских душах.

2. Разин в Симбирске

Один из атамановых полковников, передает народная память, по имени Чюрич, был разбит наголову, на том самом месте, в Симбирске, где теперь находится Макин сад. В отчаянии, не зная как спастись от неприятеля, он кинулся в реку и утонул. С того времени проток между островом и берегом стал называться Чюричем.

3

Не Стеньку под Синбирском разбили, а его есаула, татарина. Стенька был в это время в Дербенте. А разбили есаула его потому, что он, татарска лопатка, вздумал озоровать и допустил выстрелить пулей в соборный крест. Стенька видит: дело плохо (он ведун был), помчался из Дербента, да уж дело опоздано было. А взял Синбирск сын его, Афонька.

На выезде из города к реке там и стена стоит, на стене написано: «Взял Синбирск Афонька».

Все одно как на Каспицком море есть столб, где прописано, как его Петр Первый высек плетьми за то, чтоб оно не смело его вперед топить.

4

Симбирск Стенька потому не взял, что против бога пошел. По стенам крестный ход шел, а он стоит да смеется

— Ишь чем, — говорит, — испугать хотят!

Взял и выстрелил в святой крест. Как выстрелил, так весь своей кровью облился, а заговореный был да не от этого. Испугался и побежал.

5

Под Василем напали стрельцы на удалых молодцев Стеньки Разина. При шайке был сам атаман с есаулом. Вот начали они биться, и не берут разбойников ни железо, ни пули, потому что они все заговорены. Из шайки все живы, никто не ранен, а стрельцы так и валятся. Один сержант и догадайся: зарядил пищаль крестом (с шеи снял) да в есаула и выпалил. Тот как сноп свалился. Стенька видит, что делать нечего, крикнул ребятам:

— Вода! (спасайся, значит).

Подбежали к Волге, сели на кошму и уплыли, а есаулово тело тут на берегу в лесу бросили, и три месяца его земли не брала, ни зверь не трогал, ни птица.

Вот раз кто-то из прихожих мужиков подошел да и говорит:

— Собаке, — говорит, — собачья и смерть!

Как только эти слова сказал, мертвый есаул вскочил на ноги и убежал бог весть куда.

6

Стенька начальству раз сам дался, руки протянул, и заковали его в железы. После положили и зачали пытать: и иголками кололи, и кошками били — ничего не берет. Стенька знай только себе хохочет. Вот и выискался один знающий человек и говорит:

— Да вы чего бьете-то? Ведь вы не Стеньку бьете, и не он у вас в кандалах, а чурбан! Он вам глаза отвел да и хохочет.

Сказал этот человек такое слово — глядит начальство, а и в самом деле не Стенька лежит, а чурбан. Ну, после Стенька уж не мог вырваться; положили его при том человеке, стали бить — пробрали. А то бы он вовсе глаза отвел.

7

За Волгой, на Синих горах, при самой дороге, трубка Стенькина лежит. Кто ту трубку покурит, станет заговорёный, и клады все ему дадутся и все; будет словно сам Стенька. Только такого смелого человека не выискивается до сей поры.

8

Когда на Волге были ходовые суда, ссадил хозяин в Жегулях одного больного бурлака (таков был, действительно, бесчеловечный обычай прежнего времени), и пошел он, хворый, по траве в лес. Долго ли, мало ли шел, только попал бурлак в страшную трущобу. Дело было к вечеру; устал, а приютиться негде. Призадумался бедняк, и застала его в дороге темная ночь. Вдруг впереди, из заросшего оврага, сверкнул огонек. Собравшись с последними силами, путник пошел на него и увидал землянку в непроходимой чаще. Постучался в нее и сотворил молитву. Вышел старый старик, волосами инда весь оброс, такой высокий.

— Дед, укрой меня от темной ночи.

— Ступай своею дорогой, — грубо молвил старик, — нечего тебе здесь делать, или ты страху не видал?

— Чего мне бояться, — отвечал бурлак, — я хворый, устал, взять у меня нечего.

Он думал, что пустынник про разбойников говорит, — в ту пору по Жегулям сильно пошаливали.

— Ну, пожалуй, коли не страшно, так переночуй, — сказал старик и пустил бурлака в землянку.

Вошел он, видит, что келья большая и старик в ней один, — и никого больше нет. «Верно спасаться удалился сюда какой святой человек», — подумал бурлак, лег в уголок и заснул, с устатка, крепким сном. Только около полуночи просыпается от страшного шума, кругом лес трещит от сильного ветра, по лесу там идет, крик около землянки, свист. У старика огонь теплится; сидит старик, дожидается чего-то. И налетела вдруг в землянку всякая нечисть. Начала темная сила тискать и рвать старика, что есть мочи. А у него груди, словно у бабы, большие. Двое чертей давай эти груди мять, припали к ним, сосут. Бурлак все время лежал ни жив, ни мертв от страха. Вся хворь пропала. Чуть не до самого света тискали нечистые старика, потом вылетели из землянки. Только перед рассветом дед продохнул, дух перевел и говорит бурлаку:

— Знаешь ли кто я, и за что они меня в этих горах мучают?.. —

Я — Степан Разин — это все за свои грехи я покою и смерти себе не знаю. Смерть моя — в ружье, заряженном спрыг-травой.

И дал Степан бурлаку запись о кладе в селе Шатрашанах, Симбирской губернии. Значилось в записи: «40 маленок (пудовок) золота, многое множество сундуков с жемчугами. На все деньги, которые в кладе, можно всю губернию сорок раз выжечь и сорок раз обстроить лучше прежнего. Вот сколько денег. Ни пропить, говорит, их, ни проесть всей губернии Симбирской. Как доросшься до железной двери и войдешь через нее, то не бросайся ни на золото, ни на серебро, ни на самоцветные каменья, а бери икону божией матери. Тут же стоят и заступ, и лопаты, и ружье, заряженное спрыг-травой. 40 000 награбленных у одного купца, раздай по сорока церквам. Пять рублей меди, брата моего Ивана, раздели между нищею братией. Возьми ружье и, выстрелив из него, скажи три раза: «Степану Разину вечная память!» Тогда я умру и кончатся мои жестокие муки». Взял бурлак запись и выбрался из Жегулевских гор. Был он, конечно, неграмотный и отдал бумагу мельнику, а тот на ней табак нюхательный сеял. Воспользовались прохожие-грамотники и стали рыть клад. В записи говорилось, что при рытье ударит 12 громов, явится всякое войско, и конное, и пешее, только бояться этого не надо. Долго рыли, бывало как праздник, так и роют. Осыпался вал и осела дверь. Выход был выкладен жженными дубовыми досками. Может и дорылись бы, да оплошали в одном слове, — клад-то и не дался. Подходит, этот раз, служивый.

— Что, ребята, роете?

Те и ответили:

— Петров крест.

Все в ту же минуту и пропало. Так Стенька и по сю пору мучается.

9. Про Пугача

В Самарской губернии, Ставропольского уезда, в селе Старом Урайкине побывал Пугач и с помещиками обращался круто: кого повесит, которого забором придавит (приподымет забор, голову помещичью сунет под него, да и опустит забор на шею). Была в Урайкине помещица Петрова, до крестьян очень добрая (весь доход с именья с ними делила), когда Пугач появился, крестьяне пожалели ее, одели барыню в крестьянское платье и таскали с собой на работы, чтобы загорела и узнать ее нельзя было, а то бы и ей казни не миновать от Пугача.

10. Пугачев в Симбирске

Когда Пугачев сидел в Симбирске, заключенный в клетку, много народа приходило на него смотреть. В числе зрителей был один помещик (по другим рассказам исправник), необыкновенно толстый и коротконогий. Не видя в фигуре Пугачева ничего страшного и величественного, он сильно изумился.

— Так это Пугачев, — сказал он громко, — ах ты дрянь какая! А я думал он бог весть как страшен!

Зверь зверем стал Пугачев, когда услыхал эти слова, кинулся к помещику, даже вся клетка затряслась, да как заревет:

— Ну счастлив твой бог! Попадись ты мне раньше, так я бы у тебя шею-то из-за плеч повытянул!

При этом заключенный так поглядел на помещика, что с тем сделалось дурно.

11. Расправа с пугачевцами

Фома дворовый был пугачевец, и его решили повесить. Поставили рели, вздернули Фому, только веревка под ним оборвалась... Упал Фома с релей, а барин подошел и спрашивает:

— Что, Фома, горька смерть?

— Ох, горька! — говорит.

Все думали, что барин помилует, потому что видимо божья воля была на то, чтобы крепкая веревка да вдруг оборвалась. Нет, — не помиловал, велел другую навязать. Опять повесили, — и на этот раз Фома сорвался. Барин подошел к нему, опять спрашивает:

— Что, Фома, горька смерть?

— Ох, горька, — чуть слышно прохрипел Фома.

— Вздернуть его в третий раз! Нет ему милости!

И так, счетом, повесили барского человека три раза.

12. Шарюк

Шарюк был татарин. Родился он в Алатырском уезде, Симбирской губернии, в селе Ломáты, и разбойничал верст на семьдесят кругом, избегая нападать на соседние села. Он боялся мордвы и условился не трогать их. В двадцати верстах от Ломат был большой лес (Николаевский бор), продолжение огромных Сурских лесов. Шарюк обладал необыкновенною силой и умел выскользать из рук; он бегал несколько раз из острога и каторги. Это его просла-

вие. Окрестное население боялось его как огня. В Ломатах у него была своя изба. В базарный день он ходил по селу, и никто не смел его тронуть. Шарюк заходил в окрестные кабаки и спрашивал при всех вина. Посетители расступались и пропускали его к стойке. Расплачивался он щедро: давал втрое и больше чем следовало; до рубля не брал сдачи. Выходя из кабака, он делал пять-шесть выстрелов из револьвера. (Это было всего лет пятнадцать назад). У него было их два и один двенадцатизарядный. Шайка Шарюка состояла из тридцати человек, все больше татары, но были и русские. Не любил Шарюк богатых, чем либо теснивших народ; попов тоже не любил. Священник села Дубенок (верст двенадцать от Ломат) не из трусливых, а все-таки побаивался Шарюка и держал при себе всегда заряженный пистолет и два ружья. Когда прослышал про Шарюка, так даже сына на охоту не пускал. Кроме того, он дал такой приказ караульщику:

— Если в поповом дому выстрелят, беги на выстрел, или бей в набат.

К церкви он приставил четырех караульных. В Промзине тоже сильно побаивались Шарюка; говорили, что он дорогой почту ограбил, да верст за шестьдесят от того места попа обобрал. Переходы Шарюк делал необыкновенно быстрые. Раз мужик бочку с дегтем, встретил его Шарюк с своею шайкой и заставил вылить деготь на дорогу. Время было жаркое.

— Ну-ка, поваляйся! — скомандовал Шарюк. Мужик, боясь ослушаться, начал кататься в пыли и в дегтю. После этого Шарюк дал ему за бочку вдвое.

Полиция не могла поспеть за Шарюком, и в народе говорили даже, что губернатор послал на Шарюка войско. Татарам из шайки Шарюка, попадавшимся в воровстве, мордва начала грозить и раз жестоко наказала одного вора за кражу пшеницы из амбара: ему пудовою гирей расплющили пальцы об стену, и вдруг Шарюк затих. Никто не знает, куда он делся, куда исчез. Молва о нем и прежде затихала иногда, но не на такое долгое время. Обыкновенно после некоторого перерыва он начинал еще смелее разбойничать. Все ждали, что вот-вот Шарюк опять появится. Говорили, будто его убили сами ломатские татары, потому что многие из его шайки грабили в непоказанных местах. Вдобавок прошла молва, что из окрестных сел, в рабочую пору, выгонят народ ловить Шарюка, и исправник грозился ломатским татарам, что если они не поймают разбойника, то село у них сроют, а их расселят по окружным селам. Мордва говорила, что просто запалит Ломаты с четырех концов, и шабаш. Все это сильно вооружило татар против Шарюка, они его поймали, убили и похоронили под корнем дерева в лесу.

13. Серебряков

В селе Порецком (Симбирской губернии) Серебряков-разбойник жил; у него шайка была. Раз он управителя убил: уж очень он крестьян одолевал загоном скотины и притеснял всячески. Жил управитель на краю села, с женой и дочерью. Вот как-то среди дня присылают к нему разбойники мужика и наказывают с ним:

— Жди, мол, нас, в такую-то ночь, в гости.

Управитель мужику пригрозил, а сам на всякий случай строгий караул около дома поставил. В назначенный день, ночью (и лунная ночь-то была) восемь человек нагрянуло, кто с чем: один с саблей, другой с кинжалом; и кистени были. Управитель из окна завидел их, кинулся за саблей, да второпях забыл ее из ножён вынуть, и выбежал; а они у крыльца затомошили. Выдернул, зачал саблей махать — палец одному отсек. Ну, а те не робеют, в двери лезут. Он опять в комнаты кинулся. Тем временем один разбойник юркнул в сени следом, за́ дверь и спрятался. Как только управитель вышел, он ему на плечи сзади и сел. Возня началась. Другие подоспели, давай бить, выволокли на луговину (а ночь такая светлая, что урони иголку, и ту видно). Народ сбежался смотреть, а шаг ступить боится. Караульных и след простыл; а разбойники расправляются да кричат:

— Не ворохо́бьтесь, с..... дети! Не ваше дело!

— Мы — люди подневольные, — говорят мужики, — в ответе будем.

— Неужто же он вам не надоел, управитель-то? Коли хотите — подавайте явки, а сюда ни шагу!

Так на лугу и закололи, а на крыльце все больше кистенями молотили. Вошли в дом, зажгли бумаги какие были, хотели на огне хозяйку пожарить, чтобы показала где деньги, только атаман не допустил, потому она на сно́сях была. Ушли. После слышно, ловить их стали. В шайке той атаманом Серебряков был. Его больше Безруким звали, потому ручной кисти у него не хватало, и он кистень к мослу́ ремнем прикручивал. На Свияге у него стан был. В то время (с полсотни лет назад) по реке кустья́ большие росли, и говорят, будто две женщины к разбойникам пищу доставляли. Раз на пашне мужики ночевать легли под телегами, только видят — двое верховых едут по полю к ним. Один сошел, оперся на саблю и говорит:

— Вы зачем, с..... дети, наших изловили?

Мужики им говорят, что они люди подневольные.

— Смотрите, — говорит, — как начнем вот вас косить, так узнаете!

А когда управителя резали, так пожаром стращали, говорили, что в одном месте зажгут, в десяти загорится (потому у них фитили). После, сказывают, изловили Безрукого. Ткач один взял его. Сце-

пились они на ножах биться. Безрукий ударил ткача, да угодил в подол рубахи, а ткач оцара́пил Безрукому бок. Взял атаман, бросил орудие на землю и сдался.

— Не в том платье меня застали, — говорит.

Потом его бичевкой удавило на ешефе́те начальство. Ткач-то, что его взял, знал:

— Бей, — говорит, — меня!

14. Костычев

На правом берегу Волги, верстах в семи от гор. Сенгилея, виднеется покрытая липовым лесом Шиловская шишка. На этой горе, лет тому за восемьдесят или за сто, жил разбойник Костычев с своею шайкой. Он следил отсюда за появлением в этом плёсе парусных судов и нападал на них с луговой стороны, с своею вооруженною шайкой, на лодке, с криком:

— Сарынь на кичку!

Бурлаки на судне падали ниц, а хозяин судна и водолив, или прикащик, подавали ему чалку. Он с шайкой входил на судно, прибирал деньги; его и шайку угощали вином, и он отпускал судно в путь. На караваны судов никогда не нападал. Грабил также проезжающих по Тушнинской дороге. Долгое время разбойничал Костычев, наконец был пойман сенгилеевским городничим Касторским, у своей любовницы, в Бектяшинском лесу (теперь его нет), у жены полесовщика.

Городничий сделал из крестьян соседних с городом деревень облаву на Костычева и подкупил его любовницу, которая и выдала его, сообщив городничему о том, когда Костычев будет один, без шайки, у нее ночевать.

Костычев, окруженный со всех сторон народом, и убив свою любовницу, долго не сдавался; но видя, что его шайка не является к нему, сдался городничему с тем, чтобы тот не вязал его и прежде всего дал бы ему два стакана хорошего вина.

Касторский сам поднес в окошко Костычеву вина; он его выпил и вышел из караулки к городничему, оба сели в тарантас и поехали в город, а за ними — народ с дубьём. Весь Сенгилей от мала до велика встретил их. Касторский с Костычевым слезли с тарантаса и шли оба пьяные под ру́ку вплоть до полиции.

Костычев был в шелковой красной рубахе и бархатных шароварах, в сапогах с на́пуском; на голове его была надета кучерская летняя шапка с павлиньим пером, воткнутым в серебряную бляху. Был он, по рассказам, среднего роста, коренастый, русый, с карими глазами, чистым и круглым лицом, с небольшой бородкой и густы-

и короткими усами. Улыбка была у него приятная, ласковая, глаза веселые.

Грабил он только богатых, а бедных сам награждал деньгами; часто вытаскивал мужикам на дороге увязнувших с возами лошадей. И бедняки говорили, что они Костычева только знают по слышке, как доброго разбойника; а богачи уверяли, что он похабник и страшный озорник, в доказательство чего приводили пример, что он велел разнагишаться дочери какого-то богатого попа, зимой, встать на карачки; сел на нее верхом, как на лошадь, и будто ехал на ней до Шиловки. Пойманный Костычев в Симбирске был прогнан сквозь шпицрутены на смерть.

15

Ахи́нщиков (дед рассказчика — П. С. Полуэктова) жил в лесу, около Василя́, лет около ста назад; сеял пшеницу и этим кормился. Овец еще держал; и жила с ним одна дочь, такая рослая да здоровая. Она до тридцати лет в мужичьем платье ходила. Время разбойничье было, кругом леса, поневоле за мужика и на работу шла и везде.

В тридцать лет она замуж вышла и плакалась, что робенком в венцу ведут. Вот раз вышел дед в поле, а ходил он всегда без шапки. Все его в окру́ге знали и прозвали Колы́шком; так Колы́шком и кликали. Попадаются встречу разбойники:

— Кто идет? Стой!

А дело утром было, на заре.

— Ах, да это ты, Колышек, нам пе́рва встреча! Разве не знаешь, что первой встрече, кто бы ни был, голову долой?

— Как, батюшка, не знать? Что же делать-то, рубите! Ваша она!

Ну, вот они возьмут (не раз это с ним было) долгий шест, смеряют в его рост, лишнюю-то вершинку отрубят и искрошат шест на ме́лки части, а его пустят.

— Ну, ступай, да вдругорядь не попадайся, а то убьем!

А почему они его не били? Больно он добр был и не корыстен. Бывало, придут, овцу у него зарежут и уйдут — он и не взыскивает. Денег давали ему — не́ брал.

— Нет, куды мне? Не надо.

Раз и говорят разбойники:

— Эй, Ко́лышек, поди-ка — мы лодку на Суре в песке оставили с медными деньгами. Поди возьми!

— Куды мне, батюшка? Не надо!

Так и не взял, а после целую лодку водой вы́мыло, и кому-то вся казна досталась.

16. Быков

В Казанской губернии, Спасского уезда, в селе Кожавка, жил был мужик Быков. Имел себе состояние, дом богатеющий, жил себе в одиночестве, только с женой. Звали его Михайло Павлов. Прожил одиннадцать лет с женой Марфой Сергевной, имел сына Петра. Воспитали до семнадцати лет — и он бросил отца, пошел в город Спасск, нанялся к купцу в работники и жил честно. Три месяца ничего никто за ним не замечал. Пришел к нему товарищ Роман.

— Послушай, Петруха, пойдем со мной!

— Куды?

— Я вещь нашел.

Роман повел его на исток; на истоке небольшой мост, под мостом — сундук со всеми вещами: рубашки, холсты и две тысячи рублей. Петруха, не зная ничего, испугался и говорит:

— Надо объявить.

Роман не советовал:

— На нас, — говорит, — хватит!

Забрали деньги, сундук разбили, и после того Петруха Быков начал пьянствовать и пошаливать. Бросил он ходить по работникам, начал лошадей воровать, по клетям лазять, а потом отправился в лес. Не имел себе товарищей. Начал разбойничать, убивать людей, грабить на дорогах, разбивать возки разнощиков и разбойничал он в Кожавском лесу тридцать один год. Своих не трогал. В одно время вздумалось ему, что «я сколько людей убил, а не знаю как робенок в чреве лежит!» Пошел на дорогу, попадается на первой встрече родная сестра брюхата.

— Ты, сестра, перва встреча! Не спущу тебе!

Взял, подвесил ее, разрезал ей брюхо, не поспел взглянуть, а выпал робенок. Только ахнул, что не видал как, а бабу сгубил! Пошел дальше, идут двое шерстобитов по лугам. Он сказал им:

— Куда идете?

— Шерсть бить.

— Подходи!

Подошли они к стогу.

— Скидайте рубахи и портки! Привязывайте лучки к стогу! Начинайте бить!

И до тех пор около стогу мучал, что сил ихних не хватает. Весь стог без малого избили. Видит Быков, что с них не только пот, а и кровь выступает, крикнул:

— Довольно, спасибо вам! Нате пять рублей за работу!

Стал так Быков шалить, что одни бабы в поле боялись работать: пугает, хлеб убирает, скидает одёжу, на огне жжет. Вознегодовали все окольные деревни, как бы его изловить? Собралось несколько деревень в город Спасск, объявили исправнику, что надо поймать Быкова. Тот приказал поймать. Сделали облаву, разо-

слали лазутчиков подглядывать за ним. Пошли по Кожавскому лесу кругом, но он сметил и ушел в окольный лес. Нельзя его было тут поймать. Один из Измерских татар видел его в окольном лесу, приехал к исправнику: так и так. Потревожили всеё облаву в тот лес. А он спал под кизилевым кустом. Шли, гайкали, дошли до куста. Быков услыхал, что народ кругом, вскочил и хотел убежать, но не тут-то было. Хотел сделать упорство на народ, пробиться, да нельзя: много очень народу. Ударил свой нож в землю по самый черен, и тут его забрали; представили в Спасский город, посадили в острог. Вздумал Быков убежать, разломал печку, выбрал пол и пролез в коридор, подошел к стене оградной, посмотрел на нее, а часовой увидал человека, закричал дурным голосом — выскочил караул, сделали тревогу. Видят: печь разломана. Всю ночь он был под караулом, на другой день решенье вышло отослать его в Казань. Повезли с двумя казаками, сабли наголо! Через несколько время вышло решенье прогнать скрозь строя пятисо́тельного полка. С трех раз палач убил его, а солдаты только строем стояли, караулили. Мертвого все-таки провезли, и стомили,[1] отобрали его шкелет и поставили в приводный упокой, в зверёвище. В один праздник пришла губернаторская дочь посмотреть зверей, отворила дверь в покой, а в ней сидит Быков с шашкой. Она наступила ногой на доску, под котору была подведена пружина, он вдруг и вскочил со стула. Перепугалась девица и тут же кончилась. Отменили после того эту доску, чтобы Быков не соскакивал.

17

Раз из Рыбинска на пробеге шло бурла́ков человек семьдесят, и с ними офицер с денщиком сел. Вот плывут мимо Жегулей и остановились у берега. Офицер взял ружье:

— Пойду, — говорит, — уток поищу!

Только сошел, вдруг из-за кустов и выходят пятеро разбойников.

— Стой! — кричат.

У бурла́ков и душа в пятки ушла от страха, а офицер и говорит:

— Как стой! Да смеете ли, — говорит, — вы это говорить? Вот я вас!

Прицелился в переднего из ружья, а тот тоже целится. Офицер выпалил — тот и свалился; остальные — ну, бежать. Офицер-то кричит:

— Вяжите его!

Бурлаки сбежали с судна, смотрят, а он разбойнику мелкой дробью всю рожу изгадил и ружье-то у разбойника без замка

[1] То-есть, анатомировали. — *Д. С.*

(с мешáлкой пугать-то выходил). Не будь офицера, по рублю бы отдали ему, мошеннику, ну, а тут, как связали — в Самару представили.

18. Про Никитушку Ломова

На Волге, в тридцатых годах, ходил силач-бурлак, Никитушка Ломов; родился он в Пензенской губернии. Хозяева судов дорожили его страшной силой: работал он за четверых и получал паек тоже за четверых. Про силу его на Волге рассказывают чудеса; памятен он и на Каспийском море. Плыл он раз по этому морю и ночью выпало ему быть вахтенным на хозяйском судне. Кругом пошаливали трухменцы и частенько грабили русских: надо было держать ухо востро́. Товарищи уснули; ходит Ломов по палубе и посматривает; вдруг видит лодку с трухменцами, человек с двадцать. Он подпустил их вплоть; трухменцы полезли из лодки на́ борт, а Ломов тем временем, не будя товарищей, распорядился по-своему: взял шест, в руку толщиной, и ждет. Как только показалось с десяток трухменских голов, он размахнулся вдоль борта и смел их в воду. Другие полезли — то-же. Те, что в лодке остались, пошли наутёк, но и их Ломов в покое не оставил: взял небольшой запасной якорь с кормы да в лодку и кинул. Якорь был пудов пятнадцать; лодка с трухменцами потонула. Утром на судне проснулись, он им все и рассказал.

— Что же ты нас не разбудил?

— Да чего, — говорит, — будить-то? Я сам с ними управился.

В другой раз взъехал он где-то на постоялый двор, а после него обозчики нагрянули. Ему пора выезжать с двора, а те возов перед воротами наставили — ходу нет.

— Пустите, братцы, — говорит Ломов, — я раньше вас приехал, мне пора. Впрягите лошадей и отодвиньте воза!

— Станем мы, — говорят возчики, — для тебя лошадей впрягать! Подождешь!

Никитушка Ломов видит, что словами ничего не поделаешь; подошел к воротам, взял подворотню и давай ей возы раскидывать во все стороны. Раскидал и выехал.

С одним купцом на Волге он хорошую шутку сыграл. Идет как-то берегом, подходит к городу (уездному). Стоит город на высокой горе, а внизу пристань. Вот идет он и видит: мужики около чего-то возятся.

— Чего вы, братцы, делаете?

— Да вот такой-то купец нанял нас якорь вытащить.

— За много ли нанялись?

— Да всего за три рубля.

— Дайте-ка, я вам помогу.

Подошел, раза три качнул (а якорь не меньше как в двадцать пять пудов) и выворотил якорь с землей вместе. Мужики подивились такой силе. Бежит с горы купец, начал на Ломова и на мужиков кричать.

— Ты зачем, — говорит, — им помогал? Я тебя рядил?

Вынул вместо трех рублей один рубль и отдал мужикам. Те чуть не плачут.

— Будет, — говорит, — с вас!

Сам ушел домой. Ломов и говорит:

— Не печальтесь! Я с ним сыграю штуку; только после как деньги получите водки мне штоф поставьте.

Взял якорь на плечо и попер его в гору. Навстречу баба с ведрами попалась (дело было к вечеру), увидала она Ломова, думала, что сам нечистый идет, вскрикнула и упала замертво. Ломов взошел на гору, подошел к купцову дому и повесил якорь на ворота. Вернулся к мужикам и говорит:

— Ну, братцы, теперь он и тремя рублями не отделается; снимать-то вы же будете! Смотрите, дешево не берите!

Мужики его поблагодарили и после большие деньги взяли с купца.

На Волге, бывало, Ломов шутки с бурлаками шутил.

— Ну, братцы, кто меня перегонит? Идет на полштоф?

— Идет.

— Я побегу бечевой, под каждую руку по девятипудовому кулю возьму, а вы бегите порожние!

Ударятся бежать и всегда Ломов выигрывал.

19. Про постоялые дворы

Въехал мужик на постоялый двор, на шестером, спросил поесть, потом поужинал; съел много: один за четверых, стал рассчитываться. Рассчитался. Встал в известную пору ехать.

У старика хозяина трое сыновей, и стали они совещаться между себя:

— Выпустим, — говорят, — его из деревни, да укокошим!

Отпустили его верст на пять, нагоняют. Подъехали.

— Стой!

— Чего стоять-то? Я рассчитался с вами.

— Стой, говорят тебе!

Один сошел да цоп его по спине дубиной.

— Да вы шутите, — говорит, — что ли?

Слез да всех троих дубиной и уложил, а старику (он с ними же был) и говорит:

— А тебя и бить не стоит. Никогда, — говорит, — на одного не нападай, смотри!

Выволок его в лес, подвел к дереву, собрал все волосы в пучок, да к нагнутой березе и привязал; потом взял ножичек, подрезал около волос всю кожу и выпустил ветку из рук. Старику все с головы-то и сняло напрочь. После, долго спустя, проезжающие увидали этого старика: сидит вовсе без волос.

— Что, — спрашивают, — это?

Он и покаялся в грехе.

— Проучили, — говорит.

20

Взъехала на постоялый двор барыня с своим кучером, а кучер здоровый такой; а хозяин-то с сыновьями разбойничал. Ворота за ними заперли, и слышит барыня, что они промеж себя переговариваются. Говорит барыня кучеру:

— Я, — говорит, — в повозке лучше лягу.

— Нет, — тот ей говорит, — не бойтесь! В повозке я лягу, а вы ложитесь в избе.

Лег он в повозку; разбойники это видели. А он в нее наложил одной одёжи, а сам под повозку залез, ждет. Подошел ночью один разбойник с ножом и ну в одёжу тыкать, а кучер выскочил из-под повозки да как свиснул его шишкой от безмена, у того и дух вон.

Снял с разбойника чёрес (пояс), все деньги оттуда вынул, а самого за поленницу дров засунул и спать лег. Утром хозяин ходит да посвистывает:

— Жучка, жучка!

— Что, хозяин, собачку что ли потерял?

— Да! Да собака-то не дорога, а ошейник дорог.

И стал после того кучер и с деньгами, да и разбойника-то убил. Весной его только за поленницей нашли. Поутру встала барыня и уехала целёхонька; а убили бы его, и ей бы живой не быть.

21

Раз один торговец остановился в деревне, в крайней избенке переночевать, и слышит вечером на дворе разговоры (соседи говорят хозяину):

— Какой ты счастливец! Какого молодца-то залучил!

А вот-то он и отвечает им:

— Ах вы, с..... дети, да остановись он у вас, я бы оцепом и лошадей-то из-под навеса перетаскал, а теперь суньтесь-ка ко мне! Он у меня остановился — я ничего не возьму, и вам тронуть не дам!

Торговец, слыша эти речи, поставил вору полуштоф, а тот и говорит ему:

— Не бойся, все в сохранности будет: своих гостей мы не трогаем и другим в обиду не даем.

22

Одно село все было воровское; подо всем селом крытые ходы были прорыты. В одном конце коня украдут, смотришь — они в другом. Вот раз в одной избе проезжую семью и стали хозяева резать. Всех старших перерезали, одна девочка осталась. Прибежала она к попу (к кому же больше?) и говорит:

— Батюшка, у нас всех зарезали!

— Где? — говорит.

— Да вон в той избе, где огонек-то светится.

Поп пошел, подошел к окошку, постучал и говорит:

— Эй, Федор, чтой-то вы свиней-то колете, а поросят распускáте? На те вот!

23. Про клады

Портной один на краю города, у реки Камы жил; вода под самые стены подходила. Были у него работники. Вот раз идет он по базару и попадается ему чувашенин.

— Слушай, — говорит, — у тебя, портной, в доме клад есть.

Тот смеется.

— Где это?

— Да в хлеве, как войдешь так направо, в углу, к реке.

— Врешь ты, — говорит, — все, старый хрыч! Какой у меня клад?

— Нет, не вру. Отрой его — богат будешь!

— Ну, — говорит, — тебя! Вот выдумал!— и пошел домой.

— Ну, коли не хочешь, как хочешь. После каяться будешь, станешь меня искать. — И пропал из виду.

Дома портной и раздумался:

— А что не попытать? Дай, порою.

Пошел искать этого чувашенина; нашел. Тот согласился.

— Только с условием, — говорит, — с рабочими поделись; не поделишься — не дастся, и если в мысль тебе придет не делиться, клад уйдет, когда копать будешь.

— Хорошо.

— Достань икону, три свечки и заступ, а работника одного рыть заставь.

Вот пришел портной домой, одного работника оставил на ночь дома. Праздник был, все гулять ушли, он ему и говорит:

— Останься, ты мне понадобишься; не ходи нынче гулять. Будем клад рыть.

— Ладно.

Пришел ночью чувашенин, пошли в хлев, икону поставили, свечи зажгли. Работник с хозяином роют яму в углу, а чувашенин молитвы читает заговорные, чтобы клад остановить. Только портной роет и думает:

— Что это я, неужто своим добром с работником буду делиться? Чай на моем дворе-то, а не на его?

Как подумал про это, поднялся шум, икону за дверь выкинуло, свечки потухли, и загудел клад, в землю пошел. Стало темно, и давай этого портного по земле возить; возит да возит (нечистая сила). Чувашенин говорит работнику:

— Кинься на него! Упади!

Тот упал на хозяина: их двоих стало из угла в угол таскать. Насилу знахарь остановил заговорною молитвой. Клад ушел, а чувашенин после и говорит портному:

— Вот не хотел поделиться, он и не дался тебе; а теперь в этом доме тебе не житье: нечистая сила тебе в нем не даст — все растащит.

Портной видит, что плохо дело, взял да от реки и переселился выше, в другое место и опять, как был бедный, таким же и остался. Не умел взять.

24

Недалеко от Тагая (Симбирская губ.) мужик раз лошадь искал. Шел, шел, доходит до крутой горы. Видит: в ней дверь; он вошел. В первой комнате все лодки с золотом; пошел дальше (а комнат много), в последней комнате стол накрыт, а за ним сидит немая девица. На столе — вино и закуска. Вот он подошел, взял золотую чарку, налил вина и выпил; кубок — за пазуху и во все места золота из лодок насыпал. Выходит, а над дверями серебряные наборные уздечки висят. Он взял одну; как только вышел, напал на него конный народ, в роде казаков, избили его и отняли деньги.

Уцелел один кубок да несколько золотых. Принес он кубок к татайскому попу и рассказал все. На кубке был вензель Петров и на деньгах тоже. После все это у судейских пропало.

25

Две хлебницы рыли по на́слуху, недалеко от Конной слободы, на валу́. Когда эти хлебницы уже вырыли кинжал и пистолет, вдруг услыхали, что по горе, от храма Иоанна Предтечи пошел сильный гул. Было это около полудня, летом. Взглянули они по направлению гула и увидали тройку лихих коней, которая скакала во весь дух с горы и быстро, с треском и шумом выехала из Конной слободы на большую московскую дорогу. Тройкой правил красивый кучер средних лет, одетый в черную бархатную безрукавку, в бархатных штанах, в поярковой шляпе с красными лентами. С ним рядом на козлах сидел красавец-казачек, а в само́й коляске — важный барин. Выехала тройка на дорогу, остановилась; барин слез с коляски, казачек спрыгнул с козел и пошел вдоль дороги в присядку плясать; барин заложил руки назад, склонил голову и пошел впереди лошадей, а кучер шагом поехал за ним. Казачек так лихо, так чудно плясал, что хлебницы на него засмотрелись, да еще думали в это время и о том, как бы о себе не дать барину подозрения к тому, что они роют деньги, и чтоб он из любопытства их не спросил. Лишь тройка поровнялась с ними, они увидали, что из реки Свияги вылез страшного роста солдат, подошел к казачку, схватил его на руки и понес в омут, под водяную мельницу. Барин сел на лошадей; кучер ударил по всем по трем возжами, гаркнул на них и с по́свистом молодецким тройка полетела вдоль дороги столбовой, только пыль взвилась за нею столбом!

Солдат дошел с казачком до омута, бросился туда и пропал. Это видение так испугало кладоискательниц, что они перестали рыть клад и почувствовали, что сердца у них замирают, руки и ноги дрожат; они отправились домой, однако яму завалили снова и рассудили так, что это им клад давался, да не сумели они его взять, подойти к нему с молитвой и дотронуться.

После этого нашли они одного начётчика-чернокнижника, который по черной книге им прочитал, чтоб они отправились этот клад рыть на Пасху, между заутреней и обедней, и взяли с собой по яичку, и кто бы с ними на валу не встретился, тотчас же похристосовались. Они испекли себе по три яичка, окрасили их и положили в подоткнутые передники, чтоб им скорее можно было похристосоваться. Пришли на вал, начали рыть клад, и спустя короткое время, заступом стали задевать за чугунную доску.

И пошел от Баратаевки гул, зык, рев такой, что земля под ним задрожала!.. Услыхали они страшный крик, и видят — по валу идет к ним медведь не медведь, человек не человек, а сами не могут понять что́ за чудовище. По одежде будто солдат! Глазищи — как плошки; так и прядают, как свечи; рот до ушей, нос кривой, как чеку́шка, ручищи — что твои грабли; рыло все на́ сторону скошено... Идет это чудовище, кривляется на разные манеры и ревет так, что земля стонет и гудит. Вот они встали рядом, оперлись на заступы, припасли яички и думают:

— Только подойдет этот клад, мы ту же секунду с ним и похристосуемся.

Чудовище медленно подошло, да как топнет, да рявкнет:

— Вот я вас, шкуры барабанные! Так тут-то вы ребятишек зарывате!

Поднял над ними престрашный кулачище; они испугались, бросились от него бежать что есть духу, а чудовище все топало да кричало:

— Вот я вас, шкуры эдакие!

Бежали они до паперти храма Иоанна Предтечи; тут без памяти и упали. Их добрые люди отпрыскали водой и привели в чувство, думая, что с усердными христианами случился обморок в храме. Когда те опомнились, пришли домой, чернокнижник сказал им, что они уж больше не найдут этого клада, что он ушел в землю, и что узнал он об этом по гулу, который раздавался по большой дороге.

26. Про Лешего и Водяного

В одном лесу глухое озеро было. В озере Водяной жил, а в лесу Леший, и жили они дружно, с уговором друг друга не трогать. Леший выходил к озеру с Водяным разговоры разговаривать; вдруг лиха беда попутала: раз вышел из лесу медведь и давай из озера воду пить. Сом увидал, да в рыло ему и вцепился. Медведь вытащил сома на берег, загрыз его и сам помер.

С той поры Леший раздружился с Водяным и перевел лес выше в гору, а озеро в степи осталось.

27. Про Лешего

Нашински мужики не однова́ в лесу Лешего видали, как в ночное ездили. Он месячные ночи больно любит: сидит, старик старый, на пеньке, лапти поковыривает, да на месяц поглядывает. Как

месяц за тучку забежит, тёмно ему, знашь, — он поднимет голову-то, да глухо таково: «Свети, све-тило», говорит.

28. Мельник-знахарь

В селе Новиковке мельник жил. Петром Васильичем звали. Такой дока был, страсть! Был он отдан господами в ученье к одному барину, а барин в Жегулевских горах жил, на Волге. Не русские у него все там были мастера; у них Петр все дела и перенял. После, как пять лет проучился, стал он у своего барина дела делать: четыре водяные мельницы держал, подрядную рожь на них молол; когда подряда нет, мирщину молол. Барин любил мельника и напрасно не обижал, и на прикащиков-идолов не менял. И Петр Васильич их не любил: бывало, если не в духе, так на мельницу к нему прикащик и не ходи.

Раз железным ломом чуть одного не убил, да увернулся. Лет с десяток он мельницами заведывал, потом и помер. Мало таких мастеров было. Лучше его муки во всей округе не было. А почему так? У него было четыре моргулю́тки, да в Жегулях спрыг-траву достал. Достал он себе в работники моргулюток потому, что без них ни одну мельницу не удержишь, да и времена были барские, страшные, а мельниц-то четыре.

Раз один прикащик взял да и нажаловался барину, что он мошенничает, муку продает; а барин-то сам приехать не мог и приказал прикащику распорядиться на счет мельника. Он, плутский сын, приехал в село, взял дворовых, вошел к Петру-то Васильичу в дом и заковал его в железы.

— Это за что? — спрашивает мельник. — Разве я душегуб?

— Барин, — говорит, — приказал в солдаты тебя везти, а железы для того, чтобы ты не убежал.

— Так нешто ты думаешь они меня удержат, коли я не захочу? Они у тебя, говорит, пересохли!

Как махнет ногами-то, они и улетели вверх.

— Вот тебе, — говорит, — и железы! Для тебя они железы, а для меня тлен. А хочешь, если по-дружески, так не куй меня и вези. Я не сбегу. Прямо нековáного вези, а то ты меня и не увидишь, коли закуешь!

Прикащик-то и смяк. Мужики пришли к Петру Васильичу прощаться. Сидит Петруха весёлый.

— Слышали мы, — говорят мужики, — про твое несчастье.

— Нет, — говорит, — братцы, у меня несчастья.

— В город, слышно, тебя в солдаты везут?

— Нет, — говорит, — не в солдаты, а городского калача поесть

да водки городской попить; потом я опять здесь буду у барина мельницы делать и вам работёшки дам.

Мужики молчат, да на него глядят. Полна изба народу.

— Идол-то вот, — говорит, — не велел меня из избы выпущать; боится, что сбегу, да я своих меньших братьев пошлю! Ступайте,— говорит, — эй, вы! Столкните лёжень со свай-то! Там не сладят: он крепко положен на шипы-то...

Мужики смотрят, диву даются с кем это он. А Петруха опять:

— Ну! ребята, идите, пособите идолу-то спустить нижние-то мельницы! Верхнюю-то перекувыркнуло, да как ловко! Пущай трудно было: земля-то больно мёрзла, а другую-то завтра; третью, когда я на половине дороги буду, а четвертую, как в город приеду.

Мужики постояли, потом простились и по домам пошли.

— Не прощайтесь: свидимся скоро! — говорит.

Идут; а прикащик навстречу верхом едет.

— Братцы, — говорит, — помогите! У меня верхнюю мельницу прорвало... Опустим вершники у низовых-то! Поскорей!

Подошли к мельнице — ее совсем переворотило. На заре, как мельника увезли, другую прорвало, к обеду — третью, а на третий день — четвертую. Прикащик хлеба лишился.

— Погиб, — говорит.

Как две-то сломало, к барину послал. Барин когда приехал, ни одной мельницы уж не было. Горячий был барин.

— Где Петряй?

— Его, — ему докладывают, — в солдаты увезли.

Он как ногами затопает...

— Кто распорядился?

Да на прикащика-то с кулаками, а не ударил, потому тот тоже из благородных. Так он кулаки-то все об стол оббил.

— Живо тройку!

И поехал в город за Петром, мельником. Приходит на его фатеру.

— Что ты, — говорит, — Петряй, меня покинуть хочешь?

— Нет, барин, это видно вы хотите, а я нет. Уж видно божья воля на то! Уж видно царю надо послужить; вам довольно послужил.

— Нет, Петряй, поедем со мной.

— Нет уж, барин, я по вашему желанью видно здесь останусь. Трудно в лодчёнке, барин, отчаливать от берегу: страшна середина, а когда переедешь реку, то все равно: земля-то что там, что здесь, и трава-то так же растет.

— Будет ломаться, Петряй, поедем!

— Нет, барин, оттолкнулся в лодке, без весел, так водой унесет, не догонишь. Иду охотой служить! Простимся!

Барин и так и сяк; не едет. На хитрости барин пустился: подговорил молодцев с ним гулять, денег на это дал. Они его напоили да и опохмеляли все время, покуда приемка-то шла, а как кончилась, барин и говорит:

— Будет, по́пил городского-то вина! Поедем работать!
— Нет, барин, я в солдаты иду!
— А коли, — говорит, — гордыба́чить будешь, так я тебя в полиции выпороть велю!

Ну, он розог-то испугался и поехал. В один месяц Петр Василич ему три мельницы справил, а одна до весны осталась. Спрыг-трава ему да моргулютки помогали.

Достал он спрыг-траву в Жегулевских горах, на самой на вершинке. Там озера есть, и в этих озерах нет ни одного червячка, и от ветра озера никогда не колышатся. Вода в них словно стекло, и скрозь нее все видно, что́ есть на дне. Только такое озеро не скоро найдешь; иные его ищут по месяцу, да не находят. Спрыг-трава там и растет. Цветет спрыг-трава на Ивана Купала, в полно́чь. В эту ночь все дно озера видно: жемчуг, словно жар горит, видо в небе от него зарево стоит. Серебро, золото и каралы на дне — все есть. Каралы и черные и красные, и все вы́чужены. Итти за спрыг-травой, надо молитву особую знать, а то в клочки разорвут; и итти надо не оглядываясь, а то от черных не сдобровать. Доставать спрыг-траву больно мудрено, и при этом страх большой. Рассказывал Петр Василич про себя, как доставал, так:

— Накануне Купалина дня вымылся я, говорит, в бане, как можно чище, надел чистую рубаху и штаны, и ничего не ел, а молился богу. Заснули все в деревне, я и пошел к тому месту, где озеро. Пришел туда раньше полуночи, встал и стою, дожидаюсь, слушаю что́ будет. Вот слышу шум по́ лесу страшный, какие-то звери дерутся; в другом месте стук, чего-то делают, потом словно земля вся начинает кончаться. Стою я дрожкой дрожу, а сам все молитву творю. Волосы дыбом у меня, и я ни жив, ни мертв. Вот слышу страшный шум и треск по́ лесу; потом вдруг набежал ви́хорь страшный и все осветилось. Пришла полночь, папоротник расцвел. Я схватил несколько цветов с правой стороны, завернул их в беленький платочек, повернулся на правую сторону и пошел. Откуда ни возьмись два жандарма, на меня саблями так и машут.

— Брось, — кричат, — а то голову долой!

И за руки хотят схватить, а не хватают. А траву-то я завернул, да — под правую мышку. Долго они приставали, приказывали бросить и пропали. Потом начальники явились, с светлыми шапками, с саблями тоже, и начали опять приставать:

— Брось, — говорят, — а то голову долой сейчас снесем!

Долго стращали, после тоже бросили. А я все иду. Вижу вдруг около меня война началась; такая пошла, что резня беда! Из пушек так и палят, раненые валятся и кричат мне:

— Из-за тебя проливаем кровь! Брось!

Потом и это пропало. Вижу — зажгли нашу деревню. Горит она передо мной, и вот вижу свой дом, как он горит, и семья моя горит там, а черные-то все кричат:

— Не пускай! Не пускай его-то родню! Пускай горят там! Он не бросат!

И вот запылала передо мной вся деревня. Ветер так и воет, бревна подкидывает кверху и уносит далеко, а я иду среди самого пожара. Все мне кричат и умоляют бросить эту траву.

— Мы, — говорит, — через нее погибаем!

Вдруг около меня проваливается земля, а я остаюсь на одной кочке, а то все водой заливает. Как шагнешь, так и в воде, а остановиться нельзя, не то как раз разорвут. Буря на воде страшная: волны эти так и хлещут выше избы, а потом снег пошел с бурей, кочка качается... Вдруг пропало все, и появилась высокая каменная стена, и в ней воткнуты копья, прямо перед глазами, того гляди выколют. Потом и это пропало; показалось, будто солнце падает на землю, и земля горит страшным пламенем, народ тоже горит и стонет, кричит и просит бросить спрыг-траву.

— А то, — говорит, — измаялись наши душеньки.

Наконец все сгорело, ничего не видать, только одно пламя, да я на кочке стою и все иду. Огонь этот всего дольше продолжался; потом явилась целая толпа монахов, встала передо мной, и просит кинуть цветок папоротника; так вот и увещают не губить свою душу в таком грехе. Как только я дошел до своих ворот и взялся за скобу, все пропало, а как вошел во двор, так опять ко мне пристали.

— Не отстанем, — говорят, — если не бросишь!

Представили мне ад, где мучаются грешники, и где я себе место приготовил. Ужась как там маются, а мне всех хуже. Они и говорят:

— Если бросишь, то вот тебе место в раю и такая хорошая жизнь, что сказать нельзя.

Смотрю я: лес зеленый, пташки на разные голоса поют, заслушаешься. Я было уж бросить хотел, да петухи спели, они и провалились. Очутился я в избе весь вымоченный: роса в ту ночь была сильная, а я за кусты задевал, шел.

С разрыв-травой больно хорошо ходить: в ночь и в полночь ничего не случится, везде ходи. Идет, бывало, Петр Васильич на мельницу, а ключи у прикащиков; подойдет с этой травой: и замок сам отпирается. Моргулюток-то этих спрыг-трава служить заставляет хорошо. Если что сломать на мельнице надо, они сейчас сломают. Мельник этот и лекарем был: бесов выгонял, и брал за это мало. Верст за триста привозили к нему. Когда к нему бесноватого, бывало, везли, так бес-то за пятнадцать верст чуял Петра Васильича и кричал:

— Зачем вы меня везете к этому подлецу?

Ругательски его ругал; а как, бывало, выйдет Петр Васильич, он и присмиреет, и Петр-то Васильич нахмурится, да такой сердитый сделается — беда. Возьмет его за руку и скажет:

— Смирно! Тихо! Пойдем ко мне в гости: у меня есть твои товарищи.

Введет бесноватого к себе в избу, положит на ко́ник, и лежит бесноватый у него несколько суток, глядя по болезни. Петр Васильич в это время не пил и не ел, все сердитый ходил. Начнет беса из больного выгонять, а тот кричит:

— Куды я пойду?

А он сказыват куды итти, где поселиться и что́ сделать. Места, куда он черного посылает, больному не известны: в другую совсем сторону.

В это время Петр Васильич всех из избы выгонял. Когда бес выходил, больной потел, а Петр Васильич его еще теплее одевал, пока бес из него не выйдет. После того больной долго спал. Когда просыпался, Петр Васильич ему чаю пить давал, потом есть. После этого больному становилось легче; он некоторое время оставался у Петра Васильича, а потом уезжал домой. Брал Петр Васильич всегда половину того, что ему давали, а много никогда не брал. При прощаньи наказывал беречи себя, не ходить раздевши и без молитвы не выходить за ворота, быть осторожным в пище, не показанного не есть.

— А ежели ты не убережешься и опять захвораешь, так опять приезжай, только не той дорогой, как в первый раз, а другой. Домой тоже должен больной ехать другой дорогой, а не той, которой приехал, не то бес может воротиться и опять вселиться в него. Как больного, бывало, проводит, после того дни четыре пьянствует.

Век свой Петр Васильич не спокойно прожил: с моргулютками тяжело ладить. Они знали свое дело и сильно его донимали, особливо пьяного, да когда с бабенками захороводится. Они ему и спать не давали. Давай да давай им работы! В самую полночь всего сильнее донимали, будили его и приставали всячески. Посылал он их песок считать, пеньки в лесах (самое трудное для беса: иной пенек ведь с молитвой рублен; дойдет до него бес и со счету собьется, опять начнет считать), воду в море перемеривать или ветряную мельницу строить (у ней ведь крылья накрест). Станут у мельницы вершину класть — у них все и разлетится.

— Хорошо, — говаривал Петр Васильич, — с моргулютками жить, только надо быть хитрым и шустрым, а то как раз головы не снесешь.

Долго бы он еще прожил, кабы не ведьма Матрёшка: сгубила его беднягу ни за́ што, без соли съела, плу́тская дочь, да и само́й бог переду-то не дал: в Сибирь пошла. Солдатка она была и такая красавица, что страсть, а Петр Васильич и приволокнись за ней. Она поддалась, да у пьяного-то и унесла спрыг-траву. Тут его моргулютки и до́няли. Через четыре года Петр Васильич весь высох, как лучина стал. Так и помер бедняга: больно уж они ему по ночам спать не давали.

29. Марина-Русалка

Лет со сто тому назад, в Симбирске, жил под горой, у Спаса, Иван Курчавый, с отцом и с матерью. Церковь Спаса старинная была и вся расписана по стенам разными житиями. На одном образе написана была царица-красавица: румяная да такая полная, и едет она на лебедях; одной рукой правит, а в другой держит ключи. Иван Курчавый часто говаривал в хороводе:

— Мне невесту нужно эдаку, как писана царица на лебедях.

А он был красавец, пи́саный глазо́к! Голова вся была курчава, а эти волосы, как кольца золотые вились. Белый, румяный, полный, кровь с молоком; одно слово молодец! А уж бандурист был какой — заслушаешься! Плясовую заиграет — не удержишься! Весь, бывало, хоровод распотешит. А бывало девушки да молодые вдовушки сберутся весной в хоровод в белых кисейных рукавах да в станду́плевых или штофных сарафанах, как лазорев и маков цвет, любо посмотреть!

Недалеко от Курчавого жила молодая вдова Марина. Год, почитай, она жила с мужем и, поговаривали, извела его. Суровая была, а красивая: сдобная, чернобровая, черноглазая; лицо, что твой фарфор, а румянец во всю щеку так и играл, и играл; взгляд был пронзительный. Она в хоровод не ходила, а редко, в праздник, после обеда, выдет за ворота, сядет на заваленку, да издали на хоровод и любуется, да все и смотрит, и смотрит на Ивана Курчавого, и теперича если заметит, что кото́ра девушка ему приглянется, так вся и покраснеет, до ушей разгорится, а глазами так на него взмахнет — кажись готова съесть. Такой-то у ней был взгляд: насквозь человека пронзит.

Иван Курчавый, бывало, даже побледнеет. Диковинное дело, какие глаза бывают! От иного глазу захворать даже можно. У меня баушка хорошо от глазу лечила: почерпнет с молитвой ковшичек чистой воды, положит туда из горнушки холодных углей, прочита́т раза три «Богородицу», да нечаянно и спрыснет водой, чтобы у тебя от испугу мурашки по телу-то забегали — ну, и легче от этого. И глаз глазу рознь бывает: от сильного глаза холодные угли, как горячие, шипят.

У нас была золовка Овдотья, так та теленка сглазила: на другой же день околел. И глазища у ней были серы, ехидны эдакие. Ну, вот видишь ли ты, должно быть, Марина этого Ивана Курчавого любила и ревновала ко всякой девке и бабе, а говорят, люту́щий был Курчавый до баб, и поговаривали, что он к ней, Марине, по ночам похаживает и с ней любится.

Это отцу с матерью стало известно, и задумали они сына женить, и нашли они ему невесту хорошего роду и племени, и богатых родителев, девицу красивую, степенную. Только что узнала Марина и начала колдовать, и чего только не делала, по рассказам, так инда у́шеньки вянут. Вынимала она у невесты и след, и на кладбище

его хоронила, и на соль-то наговаривала с причитанием: «Боли у раба божия Ивана сердце обо мне так жарко от печали, как соль эта будет гореть в печи». Раскалит печку до́ красна, да туда наб́тмашь и бросит горсть соли; то, слышь, снимет с себя ношну́ рубашку, обмакнет в пиво или вино, выжмет, да помоями-то этими и напоит его. Это все не действовало. Она взяла да из восковой свечи вынула светильню, отрезала ленту коленкору и написала на коленкоре: «Гори сердце у раба божия Ивана обо мне, как эта свечка горит перед тобою, пресвятая богородица!» Да эту свечкуто у Спаса запрестольной божьей матери и поставила. Так эдаким родом она Ивана Курчавого к себе приворожила, что стал он Марину во сне видеть и только ей грезить. Ну, родителям не хотелось ее в невестки себе взять; боялись Марины, али хотели взять за него девицу. Верно что девицу, потому ее всякий муж по своему́ карахтеру может переделать, а вдову не перевернешь, все равно, что упря́му лошадь; а у Марины знали, что у ней карахтер крутой был, и она старше была летами Ивана Курчавого и что́ что красавица — все-таки вдова, а не девка. Поди ты, что эта Марина с Иваном Курчавым наделала! Беды!

На другой день рукобитья приехал он домой от невесты, отпрёг лошадь, поставил в конюшню и вошел к себе в избу. Отец с матерью посмотрели на своего Ивана и с ди́ву дались: бле́дный, помучнел весь, а глазами так страшно ворочает, словно что потерял да ищет. Спросили его:

— Что с тобою, Ванюшка?

А он как бросится с хохотом из избы в сени за дверь и давай руками-то все шарить. Уж шарил, шарил, побежал в конюшню тоже за́ дверь, и там давай шарить. Отец с матерью перепугались: видят — дело худо, их Иван сбесился; а он с конюшни бросился на сеновал. Они там его и заперли, вскричали соседей, чтоб им помогли его связать, кабы он чего с собой и с ними не поделал. Тут пришли человек пять соседних извощиков и ломовых, и выездных, кое-как его стащили с сеновала за руки и за ноги, а он бьется, брыкается, удержать не могут и пять человек. Вот так силища была! Не смотря, что извощики парни дюжи — молодец к молодцу, кажись в плечах по сажени будет, а он их так на себе и носит. Кое-как связали возжами руки назад, повалили на спину; один стал держать за голову, другой рукой придавил ему брюхо, а трое стали ноги вязать; как он плечами-то понатужится да ахнет — возжи-то, как нитки, хрустнули!

Не знают, что с ним делать. Случился тут у Курчавых чувашенин (с хлебом к ним приехал), подошел к извощикам да и говорит:

— Надевай, ребя́, на него хомут вон с моей-то потной лошади.

Те рты разинули; молчат.

— Надевай знай, надевай! Небось не тронет! Хозяин-отец! Ищи бабу брюхату, вели ей Ваньку держать за хомут! Смирней будет, все пройдет! Над ним гораздо баба шутила; ишь шайтана в него садила!

И случись тут моя матушка, царство ей небесное, из-за калитки смотрела, как Иван Курчавый бесился (а она, слышь, мной была беременна), давай ее упрашивать, чтоб она подержала; ну, баушка и соседки уговорили ее, чтобы она помогла спасти душу христианскую. Обрядили Ивана Курчавого в хомут с шлеей, как лошадь, мать стала держать — не пошелохнулся даже; появилася у́ рту пена, отерли; стал засыпать и захрапел, а чувашенин все что-то бормотал, и заклинал шайтана. Оставили Ивана в хомуте до утра, и спал он до полудня. Проснулся как угорелый и спрашивает:

— Где я?

Сняли с него хомут, вошел в избу, перекрестился, сел за стол, попросил квасу, напился. Его стали расспрашивать, что с ним случилось; он все и рассказал.

— Еду, — говорит, — от невесты; меня на Завьяловой горе и встретила Марина, и говорит: «Ванюшка, домой что ли едешь?» «Домой»,— говорю. «Довези меня, голубчик!» «Садись, довезу». Кое о чем с ней поговорили насчет себя, и я ее привез к себе домой, да за дверь в конюшню и спрятал, чтобы не видал никто, а потом стал Марину искать; и так и сяк — нет, не могу найти... Дальше что́ со мной было, и не помню.

Ивану Курчавому полегчало, зато Марина заболела. Ударит ее, говорили, чортова немочь, и лежит Марина без языка, вся бледная и простоволосая, а груди на себе руками так и теребит, рубашку в лоскутки изорвет... Билась, билась, да в день свадьбы Ивана Курчавого в Волгу и бросилась. Как сумасшедшая выбежала на берег нагишом, косы распущены — и поплыла на середину, да там на дно и опустилась. Искали и неводом и снастями — не могли найти. После пошли слухи, что Марина оборотилась русалкой, да по вечерам и выходит на берег. Сядет на огру́док, или на конец плота́ и все моет голову, да расчесывает свои косы, а сама смотрит на́ избу, где живет Иван Курчавый с молодой женой; потом вдруг застонет да заохает жалобно, прежалобно и бросится в воду со всего маху. Многие ее видели, даже слышали, как она горько плачет и поет заунывно, тихо — инда за́ сердце берет:

Ах ты, Ванюшка,
Ты мой батюшка!
Ты меня разлюбил!
Ты меня погубил!
Ненаглядный ты мой!
Дорогой ты мой!

Стали про Марину-Русалку поговаривать в городе. И Иван Курчавый слышал, что Марина от любви к нему утопилась в Волге, стала русалкой и живет в страшном омуте, где и в бурю и в тиху погоду вода как в котле кипит, белый вал ходит. Ну, будто бы Марина-Русалка с каким-то седым стариком в этом валу и появляются и лодки опрокидывают. Рыбаки поговаривали, что

видели иногда Марину-Русалку на песках, против Симбирска. Плывет кажется лебедь, тихо; выйдет на песок, взмахнет, да ударит крыльями и превратится в красавицу бабу и развалится на песке, как мертвая. Вечерком многих пугала.

А Ивану Курчавому что-то не жилось с молодой женой, хоть и красавица была; да видно душе не мила: начал все тосковать и повадился, в полночь, один-одинешенек на будáрке ездить к омуту, с гуслями, да играть разны песенки. Сам то заплачет, то засвищет, то как леший захохочет, то затянет заунывную песню, да таким зычным голосом, что она по всей Волге так и разольется:

Иссушила меня молодца
Зла тоска жестокая!
Сокрушила меня молодца
Моя милая, сердéшная,
Моя милая, что задушевная!
Ты возьми, возьми, моя милая,
Меня в Волгу-матушку глубокую,
Обойми меня рукой белою,
Прижми к груди ты близёхонько,
Поцелуй меня милёхонько!

Ну, слышь, Марина-Русалка вынырнет из воды, бросится в лодку к Ивану Курчавому и давай с ним миловаться да обниматься и хохотать, да так страшно! Ездил, ездил Иван Курчавый в полночь на омут, да так и след его простыл: ни его, ни бандуры не нашли, только весла, да лодка у берега. Осталась его молодая жена; стала по муже плакать да тосковать и раз, слышь, он ночью к ней приходил и сказал:

— Не тужи обо мне, женушка! Мне с Мариной жить на дне Волги-матушки весело: меня полюбил Водяной Волнóк; угощат меня разными яствами и питиями, и живет он во дворце изумрудном и все просит ему играть на бандуре. Заиграю — он распляшется, со всеми женами русалками, а как перестану — остановится. Обещался наградить меня на этом свете: отпустить вместе с Мариною, моею полюбовницей. Никому только ты об этом ни-ни, не сказывай!

После этого видения вдова Ивана Курчавого вдруг сделалась при́ смерти больна, да родным и рассказала, что она своегó мужа ночью видела. Как рассказала, у ней язык отнялся и тут же дух вон.

30. Пряничная гора

За Волгой, недалеко от границы Симбирской и Самарской губернии, возле слободы Часовни тянутся небольшие горы и в одном месте перерываются овражком. В старые годы, сказывают, на этом

месте Пряничная гора была. Шел один великан и захотел ее скусить; взял в рот (а у него зуб-то со щербинкой был), откусил, а щербинкой-то борозду и провел; так она и по сие время осталась.

31. Волга и Кама

Кама с Волгой спорила: не хотела в нее течь. Сначала хотела ее воду отбить; до половины реки отбила, а дальше не смогла. Поднялась Кама на хитрости; уговорилась она с коршуном:

— Ты, коршун, крикни, когда я на той стороне буду, чтобы я слышала; а я под Волгу подроюсь и выйду в другом месте.

— Ладно.

Вот Кама и начала рыться под Волгу. Рылась, рылась, а тем временем коршуна беркут заприметил и погнался за ним. Тот испугался и закричал, как раз над серединой Волги. Кама думала, что уж она на том берегу, выскочила из-под земли и прямо в Волгу попала.

АБРАМ НОВОПОЛЬЦЕВ

(ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ)

1. Иван-царевич и Марья-Краса, Черная Коса

В НЕ́КОТОРОМ было царстве, в некотором государстве, не в нашем было королевстве. Это будет не сказка, а будет присказка; а будет сказка завтра после обеда, поевши мягкого хлеба, а еще поедим пирога, да потянем бычка за рога.

Жил был царь Иван Васильевич, у него был большой сын Василий-царевич, а второй был сын Митрий-царевич; малый сын был Иван-царевич. Вот Василий возрастал на возрасте и вздумал его царь женить и очень долго невесту не находили. То найдут невесту— отцу с матерью хороша, ему не нравится; то он найдет себе невесту— отцу с матерью не кажется.

Вот идет же Василий-царевич путем дорогой, по широкой улице, повстречается ему старуха, толстое ее брюхо, и говорит Василью-царевичу:

— А вот я тебе, Василий-царевич, невесту нашла!

А он ей и говорит:

— Где же ты, баушка, нашла?

— А вот у этого генерала дочь, вам нужно ее замуж взять.

Приходит Василий-царевич к своему тятеньке и говорит:

— Тятенька, я невесту нашел, вот у такого-то генерала дочь.

Тятенька говорит ему, что можно ее замуж взять. У царя неколи было пиво варить и неколи было вина курить. Пива много наварили и вина накурили, и повели их венчать.

Привозят от венца, кладут на ложу. Вот на ложу он с ней не ложился, а в чисто́е поле от нее отшати́лся и теперь там на коне

е́здеит. Хватились отец с матерью, что Василья-царевича в доме нет, и негде его искать.

Иван-царевич и спрашивает своего тятеньку:

— А что, тятенька, это у нас за женка?

Отвечает ему царь:

— Это вам невестка.

— А где же у ней муж?

— Уехал во чисто́ поле давно, и теперь его нет.

И говорит Иван-царевич:

— Тятенька, благословите, я поеду братца искать, Василья-царевича.

— Бог тебя благословит,—сказал царь,—знать ты мне не кормилец.

А вот оседла́ил Иван-царевич себе доброго коня и поехал во чисто́е поле, во дику́ю степь своего брата искать, Василья-царевича. Во чисты́м поле во дико́й степе́ раскинут был бел шатер; во шатре почивал Василий-царевич. Подъехал Иван-царевич ко белу́ шатру, восходил Иван-царевич во бело́й шатер и хотел его сонного убить (не знает чей такой) и думает себе:

— Что́ я убью его сонного, как мертвого? Не честь, не хвала мне доброму мо́лодцу, а дай-ка лучше ото сна его разбужу, ото сна его разбужу и всё подробно его расспрошу и чей такой и откудова и куды путь держит.

Вдруг проснулся Василий-царевич и стал спрашивать:

— Чей ты такой, добрый молодец?

— Из такого-то царства и такого-то отца-матери.

— А чего тебе нужно?

— А мне нужно где бы найти брата своего, Василья-царевича.

Сказал ему Василий-царевич:

— Кто ты таков?

— Я Иван-царевич!

— Иван-царевич у нас, — сказал Василий-царевич, — трех лет в зыбочке катается.

Отвечал Иван-царевич:

— Он сейчас не в зыбочке катается, а по дико́й степе на коне помыка́ется и хочет розыскать своего брата Василья-царевича.

И сказал Василий-царевич:

— Я сам он!

Сели они тут на добрых коней и поехали, куды знают. Заехали в зеленые луга — ну, скоро сказка сказывается, да не ско́ро дело делается. Уехали далече. Они сами на конях приустали, и кони их притупе́ли, и шелко́вые плети они приразбили. И сказал старший брат Василий-царевич:

— А дава-ка, брат, отдохнем и коней покормим!

Сказал ему Иван-царевич:

— А что знаешь, братец, то и делаешь.

Слезли с добры́х коней и пустили их по зеленым лугам. Сказал Василий-царевич:

— О, ты брат Иван-царевич, ляг отдохни, а я пойду по зеленым лугам, не найду ли поганого зайчишки; убью, к тебе принесу, мы его зажарим.

А сказал Иван-царевич:

— А ступай, братец, с богом!

И пошел Василий-царевич, куды знает, и подходит к превеличающему к синему морю, и тут является хижинка. Восходит Василий-царевич в хижинку. Посмотрел: в хижинке сидит красная девица, сидит, горько плачет и перед ней гроб стоит. И сказал Василий-царевич:

— Что ты, красная девица, плачешь?

— А как мне, Василий-царевич, не плакать. Последний я час на вольном свете. Сейчас вылезает из моря змей и меня поедает.

Сказал ей Василий-царевич:

— Не плачь, красная девица: я бы был жив, будешь и ты жива!

Лег Василий-царевич к ней на колени и сказал:

— Поищи, красная девица, меня!

Стала та искать, он и крепким сном уснул.

И вот во синеем море разбушевались сильные волны, и поднялся лютый змей, и башка его — трехведерный котел; вылезает из моря, идет съесть красную девицу. Она крепко его будила:

— О, Василий-царевич, проснись! Съест нас с тобой лютый змей!

Спит Василий-царевич, ничего не чувствует. Роняет красная девица из правого глазу горючую слезу и пала горючая слеза Василию-царевичу на белóе его лицо, и как пламем обожгло. И проснулся Василий-царевич и смотрит, что лезет лютый змей: вынул свою саблю вострую, махнул его по шее и отвалил дурную его башку. Туловище захватил, в море бросил, а дурную башку под камень положил. И сказал Василий-царевич красной девице:

— Вот я жив и вы живы!

— Благодарю, Василий-царевич, буду я вечно твоя жена.

И отправился Василий-царевич к своему брату Ивану-царевичу. Приходит, ничего не приносит.

— Не нашел, брат, ничего.

А эта дéвица красная была привезена из и́нного царства. Тут чередовали людей кажнюю ночь. У и́нного царя был дворно́й дурак, и посылает его царь посмотреть, что делается в келейке. Дурак запрег троюно́гоньку лошаденку, худеньку тележонку, положил на нее бочку и поехал в море за водой. Взошел в келейку — красна девица живая сидит. Он же дурак сохватил ее в беремя, посадил на бочку и повез домой. И сказал дурак царю:

— Я, — говорит, — убил вашего змея!

Царь больно обрадова́лся, и свою дочь за него замуж выдавал (кото́ру он привез). Тут такое-то было гуля́нье! Двери были растворены, и кабаки были все открыты. Вот этого было вина из смоляной бочки и пить нельзя! И был так пир на́веселе и такой бал, что и чорт не спознал. Вот дурак стал с ней жить да быть, да добро наживать, а худо-то проживать.

А Василий-царевич да Иван-царевич сели на добрых на коней и поехали в и́нное царство, где этот пир идет. Приезжают к царю. Царь их встречает и крепко их почитает, и сказал же Василий-царевич:

— А что, царь, у тебя за бал?

Отвечает ему царь:

— Я дочку замуж отда́л!

Сказал Василий-царевич:

— А именно за кого?

— За дворного дурака!

— А по какой причине?

— Он от смерти ее отвел.

Рассказал ему царь поведение, что у них кажню ночь тут был человек на съедение. Повезли на съедение дочь, а дурацкая харя поехал на море по́ воду и срубил с змея голову, а дочь живую привез. Взяли ее да замуж за дурака и отдали.

Василий-царевич и говорит:

— А что, и́ный царь, надо бы этого змея мертвого посмотреть. Позовите своего зятя; он должен нам его указать, где он лежит.

Позвали дурака.

— А поди же, дурак, с нами иди же, — сказал Василий-царевич, — укажи, где змей лежит.

Больно ему стало грустно, что дурак с его нареченной невестой лежит. Подводит дурак к морю и говорит:

— Вот тут лежит.

Василий-царевич и говорит:

— А подайте-ка невода́, да еще мастеров сюда. А кто может неводом ловить и вдоль по́ морю бродить?

Появились мастера, кидали шелковые невода́ — а тут нет ничего. А он, дурацкая стать, не видал никого.

Василий-царевич и говорит:

— Рыболовы господа! Киньте неводы вот сюда!

Кинули неводы и вытащили престрашную чуду, туловище. И сказал Василий-царевич:

— А скажи-ка, дурак, где его глава?

Тот не знает ответить чего.

— Вот, дурак, где голова: под камнем.

Подходит дурак к камню и не может его с места тронуть. Сказал Василий-царевич:

— Напрасно судьбу, дурак, взял: не ты змея убивал!

Поднял Василий-царевич камень и вытащил главу, и сказал и́нному царю:

— Я похитил вашего змея!

Инный царь оголил свою саблю востру и срубил с дурака буйную его башку за то, что он криво сказал, а свою дочь за Василия-царевича обвенчал.

Вот тут пили и гуляли, так веселились и несколько времени проклажались. И сказал Иван-царевич своему брату Василию-царевичу:

— Проздравляю с законным браком! Ты нашел себе невесту, а де же мне будет искать? Видно, надо по вольному свету попытать, себе сужену поискать.

Сели они за стол чайку покушать, а вечер пришел, легли по разным комнатам отдохнуть. Спрашивает Василий-царевич у своей молодой жены:

— А что есть ли на сем свете краше тебя и храбрее меня?

Сказала ему красная девица:

— Ну, какая моя красота? Вот за тридевять земель, во десятыем царстве есть Марья-Краса, Черная Коса, отличная хороша; только взять ее мудрено. Есть там еще Ка́рка-богатырь, и образец его, как сенной стог. Не могу знать, кто будет из вас сильнее.

Василий-царевич и сказал брату своему Ивану-царевичу:

— А вот, братец, где невесту тебе назначили.

Иван-царевич с ними распрощался, в дальний путь-дороженьку собирался. Взял он в руки острый нож и говорит:

— Когда этот вострый нож кровью обольется, тогда меня живого не будет.

И поехал в чистое поле, в дику́ю степь, себе сужену искать.

Ехал долго ли мало ли, и стоит избушка, на куричьей голяшке повертывается.

— Избушка! Избушка, встань ко мне перед о́м, а к лесу зад о́м!

Избушка встала к нему перед о́м, а к лесу зад о́м. Лежит в ней Ягая баба, из угла в угол ноги упер ла́, титьки через грядки висят, маленьки ребятенки пососывают, страшный большой железный нос в потолок упер ла́.

— А! Иван-царевич, от дела лытаешь, или дело себе пытаешь?

Отвечает ей Иван-царевич:

— От дела я не лытаю, а себе вдвое дела пытаю: еду за тридевять земель, в тридесятое царство найти Марью Красу, Черную Косу.

— Ох, — говорит Ягая баба,— мудрено ее взять и мудрено ее достать! Она очень далече. Поезжай еще столько, да полстолько, да четверть столько.

Сел Иван-царевич на добра́ коня и поехал. Ехал-ехал путем-дорогою и наехал до огромного лесу и захотел больно поесть. Стоит превеличающий дуб; на дубу шумят пчелы. И он с добра́ коня слезал, на зеленый дуб влезал, медку поесть хотел. Отвечает пчелиная матка.

— Не трогай, Иван-царевич, мой мед: невкоторое время сама я тебе пригожусь!

Вот Иван-царевич так на ее слова спонадеялся, на сыру землю с дуба спускался; сел на добра́ коня и поехал, куды ему путь лежит.

Не может на коне сидеть: крепко есть хочет. Бежит ползучая мышь, гадина. Спрыгнул Иван-царевич с добра́ коня, сохватил и хочет ее есть. Говорит мышь Ивану-царевичу:

— Не ешь меня: я тебе невкоторое время пригожусь.

Бросил ее Иван-царевич и дальше поехал. При большой дороге — небольшая бака́лдинка воды и ползат рак. Вот Иван-царевич больно ему рад, хочет его поймать и на огонечке испечи. Говорит ему рак:

— О ты, Иван-царевич, хоть ты мне и рад, а не тревожь ты меня: я тебе пригожусь.

Иван-царевич крепко осерчал и рака в воду кидал.

— А будь-де тее не ладно! Всё жив буду, не умру!

И опять поехал путем-дорогой.

Ехал много ли мало ли, долго ли и коротко ли, доехал до Ка́рки-богатыря. Приезжает, его дома не застает, только одна его мать. Она его увидала и крепко узнала.

— Ох, Иван-царевич, давно тебя ждет Ка́рка-богатырь!

Иван-царевич и говорит:

— А скажи-ка, баушка, где он?

— Третий год за невестой ездит.

— В каку сторону?

— За Царем-Девицей. Третий год ездит и сужену себе не достанет; тебя крепко желает и на тебя больно серчает: А! только бы он подъявился — живого съем! — А поди-ка выдь во чисто́ поле во дику́ю степь, а возьми-ка подзорную трубу, а не едет ли Ка́рка-богатырь? Если с радостью едет, вперед его ясен сокол летит, а если печальный едет, над ним черный ворон вьется.

Поглядел Иван-царевич в подзорную трубу, увидал Ка́рку-богатыря, и над его главой черный ворон вьется. Вот и сказал Иван-царевич баушке:

— Несчастный едет.

— Ну, — говорит баушка, — куды же мне тебя деть? Он едет сердитый.

Отпирает кладоушочку и запирает замком.

— А вот, — говорит, — тут ляг, полежи. Я перва́ его водочкой угощу и про тебя расскажу.

Явился Ка́рка-богатырь, говорит мамыньке:

— А пожалуй-ка, мамынька, испить!

Наливала ему баушка чарочку бражки; он чарочку выпивал и пьян не бывал.

— А да́-ка, мамынька, еще!

А другую выпивал, на́ весел позывал. Спрашивает его мамынька:

— А де сужена, сынок, твоя?

— Измучил, мамынька, себя!

— А если бы Иван-царевич приехал?

— А вот было бы мне хорошо: достал бы я себе Царя-Девицу, не один, а с ним, и научил бы его, как достать ему Марью-Красу, Черну Косу!

Баушка и говорит:

— А чай бы его сейчас ту не тронул?

— Ох, ты мамынька моя! Кабы он сейчас был у меня, за руки бы его принимал и в саха́рные уста бы целовал!

Сударыня его матушка и говорит:

— А он здесь, сыночек, спит в кладоушечке.

Вот Карка обрадова́лся, сам в кладовую собирался; за руки его принимает, за дубовый стол сажает, чаем-водкой угощает. И сказал Карка-богатырь:

— Ох, ты брат Иван-царевич, а я только про тебя слышал, как ты родился и в зыбочке катаешься!

Иван-царевич и говорит:

— Я не в зыбочке катаюсь, а на доброем коне по дико́й степе помыкаюсь. Я не привык в царстве царствовать, я привык по дико́й степе́ летать и больше себе горя увидать.

— А что ты, Иван-царевич, на добром коне по дикой степе помыкаешься, чего ты себе розыскиваешь?

— А вот что, — говорит Иван-царевич, — за тридевять земель, в тридесятом царстве есть Марья-Краса, Черная Коса; мне хочется ее достать и за себя замуж взять.

Ка́рка-богатырь и говорит:

— Мудрено ее взять, а надо один раз умирать, тело и кости по дикой степе раскидать.

— Ох, брат любезный, Карка-богатырь, убытку не принять, так в торговыем деле и барыша не видать; а если нам, богатырям, по вольному свету не полытать, да хорошей суженой не поискать — это нам не честь, не хвала, чтобы мы по вольному свету не лытали, чтобы нужды себе не видали.

— Ну, — говорит Карка, — эту сказку, Иван-царевич, бросим, а еще но́ву начнем.

Тут начиналась сказка, начиналась побаска от сивки и от бурки, и от курицы виноходки, от зимняка поросенка наступчатого. Вот поросенок наступает, сказывальщика с дерьма сбивает; вот сказывальщик, он был Недорода, сел класть на дорогу, где свинья шла.

Ка́рка-богатырь и говорит:

— Ну да, брат, пошутил да и будет. А спроси-ка гуся не зябут ли ноги? Я третий год езжу за своей нареченной невестой. Айда-ка помо́ги, да послушай, что я расскажу: у моей-то невесте сорок кузнецов, как ударят сорок раз — и родятся тотчас сорок военных солдат, вооружены и на бой готовы. Да еще, брат, у моей-то невесте сорок деушек; они сидят в комнате; у кажней деушки сорок булавочек, а ох-то, как булавочкой-то ткнет, и солдат-то на бой готов. Я буду солдат-то бить, а ты будешь кузнецов-то рубить; я буду невесту любить, а ты деушек бить.

Иван-царевич и говорит:

— Умру, брат, с тобой! — Сели да и поехали.

Приехали в Новодевиченское царство к Царю-Девице.

— Ты, брат Иван-царевич, близко не ходи, а по комнатам ходи, деушек руби, да кузнецов-то губи и близко ко мне не подходи!

Вот да они и поехали, а вот скоро они и приехали. Начали силушку рубить, красных деушек душить и Царь-Девицу в плен брать.

Не пиво нам было варить, не вина нам тут было курить, а дорого Царицу-Девку взять. Кузнецов-то погубили, красных деушек порубили, Царь-то Девицу в плен взяли.

Ка́рка-богатырь ее взял и туго к сердцу прижал и отправились они с ней домой. Хватился Ка́рка-богатырь, что с ним Ивана-царевича нет.

— Ох, — говорит, — мамынька, я его знать убил!

А Иван-царевич и говорит:

— О да, брат, я здеся!

Они тут пили, гуляли, веселились.

— Ну-ка, Иван-царевич, дава́-ка выпьем по третьей. Я пью, гуляю, веселюсь и тятьки с мамкой не боюсь!

— Ох да, Ка́рка-богатырь, головушка болит, больно мочи нет. И чаю не воскушат и водки не принимат.

— Положи ты меня на воздух, на самый легкий!

Думает себе Иван-царевич:

— Что мне Ка́рка-богатырь рад или не рад? Дай я себе нарочно захвораю.

И сделался болен, не может ног таскать. Ка́рка-богатырь ходит за ним, как за малым детищем; вынес его во зеленый сад, положил на тесо́вую кровать, где бы можно его было ветром обдувать.

Лежит Иван-царевич в саду на кровати; прилетает к нему его большого брата первая жена, сидит в саду, подняла ногу:

— Ох да, не попробавши товар да бросил меня!

Иван-царевич прицелился из ружья, хлоп раз и попал ей в правый глаз. Она и улетела.

— Ну, Карка-богатырь, — говорит Иван-царевич, — благодарю тебя: приспокоил ты меня хворого.

Немножечко время продолжало, Иван-царевич и говорит:

— Ох, брат, давай-ка, выпьем зелена́ вина!

Ка́рка-богатырь больно обрадова́лся, сам за вином сбегал, водкой, чаем угощает и словами улещает.

— Ох, ты брат ты мой любезный, как с устатку чуешь в себе здоровье?

— А вот же, слава богу, старого по старому, а вновь ничего. Долго я здесь с тобой, Ка́рка-богатырь, прогулял, путь свою дороженьку потерял. Что я задумал нужно делать и куды нужно надо ехать.

Карка-богатырь и говорит:

— Куды знаешь, туды и едешь.

— А куды, брат, я вздумал, туды и поеду.

— Если я тебя, брат Иван-царевич, не научу как ее взять, как держать — жив не будешь.

Вот Иван-царевич слезами заливался, полотенцем утирался и говорит:

— А да и будет и прощай!

Сел на добра́ коня и поехал. Ударил своего доброго коня, бил

его по крутым бедрам, пробивал его кожу до́ мяса, бил мясо до́ кости, кости проломал до́ мозгу — его добрый конь горы долы перепрыгивал, темные леса между ног пускал. Ехать ему было три года, он доехал в три часа.

Приезжает в то место, где ему нужно, идет по широкой улице и спрашивает православных людей:

— А где живет Марья-Краса, Черная Коса?

Попадается ему навстречь баушка просвирня, которая имеет проживанье с Марьей-Красой, Черной Косой, и готовит для нее кушанья.

— Ох, баушка просвирня, а будь-ка ты сми́рна! Где бы мне повида́ть Марью-Красу, Черну Косу?

— А на что тебе, Ванюшка, ее?

— А хочется мне ее увидать, в саха́рные уста поцеловать, и за себя замуж взять.

— Поди-ка, Ванюшка, да купи разных цветов, разных духов, а я пойду да ее в гости позову. А ты, добрый молодец, ляг на диван, спать-то не спи, а послушай что будет.

Вот Иван-царевич лег; баушка просвирня пошла к Марье-Красе, к Черной Косе, и говорит:

— О, да здравствуй же Марьица-Краса, Черная твоя Коса! А пожалуй-ка ко мне в гости!

Марья-Краса обрадова́лась и в гости к ней собиралась. Восходит к ней в комнату: воскрашена ее комната заграничными цветами и разными духами. Говорит Марья-Краса:

— Где ты, баушка, взяла заграничные цветы и разные духи?

— Что по морю-то плывет все-то не поймаешь, а что люди-то говорят, все не переслушаешь. Дава-ка, Марьица, мы с тобой сядем, да чего-нибудь придумам.

— А что у тебя в чулане? Кто у тебя, бабушка, лежит на диване?

— А вот погляди!

Марья-Краса подошла к дивану и спрашивает:

— А это что за мужик? А как бы я его поцеловала!

Баушка не унимала и поцеловать заставляла. Она его поцеловала. Ну же Иван-то царевич был не глуп, он пымал ее вдруг. Он ее пымал, во саха́рные уста целовал, туго к сердцу прижимал. Они тут полежали, ну и немножко из прочего чего-нибудь сделали. Взял да будет, не скажу. Иван-царевич и говорит:

— Благодарю, баушка, что ты меня свела и Марьюшку ко мне привела.

А Марья-Краса, Черная Коса и говорит:

— Я буду во век твоя, мужняя жена и неразлушная. Садись-ка, Ванюшка, на доброго коня и бери меня с собой. Я, Ванюшка, не расстануся с тобой!

Сели да и поехали на Ванюшкином на доброем коне.

Как у Марьюшки-Красы было двенадцать братов; приезжали к ней в гости, дома Марьюшки-Красы нету. Спросили у баушки:

— А де же наша родная сестра, Марья-Краса?

Баушка и говорит:

— Был злодей Иван-царевич, он и квас-от пил, а у Марьюшки квасницу не покрыл, и уехали они в путь-дорогу.

Вот же родные братья привели пегоньку кобыленку о двенадцати пежинах, сели кажний брат на пежину, сели да и поехали.

— Догоним его, злодея, растерзаем, а ее отнимем!

Сколько мало ли время продолжалось, они его догнали и сестру отняли; его изрубили на мелки части, раскидали по дикой степé. Кровь во сырý землю, мясо воронья́ клюют.

У любимого его брата, Василья-царевича, у его молодой жены выката́лся из очей вольный свет: увидала в крове вострый нож и сказала мужу:

— Посмотри-ка на вострый нож: твово родного братца в живе нет.

Василий-царевич и говорит жене:

— Ох да я ведь ничего не знаю! Ох да знать погиб!

Во дворе же был царским превеличающий великий каракýльский дуб; в этом дубу сохранялася живая вода и мертвая вода. Она сохранялася, никому не открывалася. Вот же Василья-царевича законная жена подходит к каракýльскому дубу, слезно плачет и просит:

— О батюшка, старый каракýльский дуб, отпусти мне, ради бога, мертвой и живой воды!

Дуб не открывается, и из дуба вода не отпущается. Она ходила, ходила и сама себя крепко истомила: не может ног таскать и на плечах буйну голову держать.

У ней были две сестры родныих, благочестливые деушки, и спрашивают ее:

— Что ты, сестрица, худа? Что ты, сестрица, тужишь, что ты, сестрица, плачешь?

Отвечает она им:

— Как мне не плакать? Пищи я не принимаю, темные ночи не сыпаю, хожу я на тятенькино широко подворье, к каракýльскому дубу; все ночи простаивала, у каракýльского дуба упрашивала: «Ох ты, батюшка, каракульский дуб, отпусти ради бога мне мертвой и живой воды!»

— А на что тебе, сестрица, живой и мертвой воды?

— Ох, сестрицы, не знате вы мово горя, что помер мой братец родимый, Василью-царевичу брат и мне такой же!

— Пойдем-ка, сестрица, и мы с тобой, да помолимся богу, да попросим каракульского дуба, не отпустит ли он нам.

Собрались все три сестрицы родныих, полуночные поклоны дубу клали, из глаз своих слезы роняли и дубу говорили:

— Ох ты, батюшка, каракульский старый дуб, отпусти ты ради бога живой и мертвой воды!

Вдруг каракульский дуб открывается, и вода из него выпускается. Налила жена Василья-царевича два пузырька и говорит:

— О ты мой милый муж да Василий-царевич! Оседлай-ка своево доброго коня, да поедем-ка куды я велю, да найдем-ка мы своево братца Ивана-царевича во дикой степе!

Сели да и поехали и на то место приехали, где Ивана-царевича мясо разбросано. Вот они мясо собирали, по суставчикам расклали, мертвой-то водицей помазали, а живой-то водицей спрыскáли. Иван-царевич встал, встряхнулся, на все четыре стороны оглянулся и говорит:

— О, да как я долго спал!

Отвечает ему невестка:

— Кабы не мы, так и вовеки бы ты спал!

— Спасибо-те, сестрица, пожалела ты меня, ну прощай и напредки не оставляй!

Сел да и уехал.

Мы это бросим и другó начнем. А вот он отколь приехал, туды опять и уехал. Ударил Ванюша своево доброго коня своей шелковой плетью; конь его добрый осерчал и шибко его помчал. Приезжает Иван-царевич в ту сторону, где жила Марья-Краса, Черная Коса. Нашел баушку просвирню, она ему и говорит:

— Поезжай-ка, Иван-царевич, куды я пошлю: через тридевять земель во десятое царство. Научу я тебя, как Марьюшку взять, как ее достать. Должен ты долго сам пострадать. Поезжай к ее баушке, а у той ли у баушки двенадцать дочерей. Они-то деушки да деушки, а будут сейчас кобылушки да кобылушки. Приедешь к баушке во двор, скажи ей: «А родима баушка! Нет ли продажной лошадушки?» Скажет тебе баушка: «Есть у меня двенадцать кобылушек, они не продажные, а заветные. А вот я тебе прикажу три дня их пасти, за работушку что ни лучшую взять лошадушку, а если не спасешь и домой не пригонишь, то мяса твово наемся и крови твоей напьюся!»

Василий-царевич[1] и думает себе:

— А да-ка попытаю! Две смерти мне не будет, а одной-то я не миную и знаю за кого пропадаю.

Взял у баушки подрядился, да на утро хлоп-хлоп и погнал лошадушек пасти, пригнал их в зеленые луга. Испекла ему баушка со спящим зельем лепешечку. Он взял, закусил да крепко и уснул. Лошадушки по лугам разбежались, по кустам размырялись. Он крепко спал, вплоть до вечера пролежал.

Проведала то на дубу пчелиная матка и говорит своим дитяткам:

— Полетайте, дитятки мои, во зеленые луга. Ванюшка крепко спит, не проснется. Его разбужайте, коней его собирайте!

И некоторая одна была сильная пчела, прилетает к Ванюшке и жалит его за белое лице.

Ванюшка проснулся, горькими слезами заливался: ни одной лошадушки перед ним нет и не знает же он, где их взять и некого ему домой гнать. Вот пчела и говорит:

[1] Несомненная обмолвка сказителя. Следует, конечно, Иван-царевич.

— О, бери-ка, Ванюшка, кнут, да вот постой-ка тут! Пригоним мы тебе!

Как собрались все пчелки летать по зеленым лугам; они стали летать, стали брюнчать, стали кобылушек собирать, да Ванюшке на́ руки отдавать.

— А вот да ну, Ванюшка, гони-ка!

Ванюшка взял да их кнутиком к баушке и погнал.

— На-ка вот тебе, баушка, исполнил твое приказание!

— Ну ладно, Ваня, жди, что будет на утро.

На утро баушка встает, приказ Ванюшке отдает:

— На-ка вот, Ванюшка, гони да сохранно пригони! На-ка вот тебе лепешечку за работу!

Он лепешечку взял, в пазушку поклал, выгнал кобылушек во зеленые луга, и так-то ходят кобылушки смирно, травку пощипывают, ключевую водицу прихлебывают, а походят да полежат. Ванюшка поесть захотел, взял да вынул из-за пазухи кусок; крепко закусил и шибко спать запустил. Думает, немного — до́ вечера проспал.

Вот кобылушки и стали по кустам мырять, по кустам да по кустам, по мышиным норам. А вот тут-то была мышиная матка, дорогу перебегала, больно была гладка. Распорядилась старая мышь Ванюшку разбудить и кобылушек собрать. Побежала старая мышь.

— Ох ты, Ванюшка, Ваня! Ночь-то на дворе, а мы плачем об тебе! Надо тебе встать и кобылушек домой гнать!

Встал Ванюшка, встряхнулся, горючьми слезами залился и сказал:

— Ох мать ты моя мать, старая мышь! Надо бы тебе добродетель мою знать и кобылушек пригнать!

Старая мышь всех молодых мышей за ними послала; всех кобылушек собрала и погнал их Ванюшка домой.

— На-ка тебе, баушка, я два дни пропас.

— Ох, Ванюшка, еще завтра день погоняй-ка! Завтра дальше, а хлеба-то бери больше.

Встал Ванюшка по утру собрался́ и погнал. Захотел поесть, откусил лепешечку и заснул; проспал до вечера. Лошадушки по кустам размырялись, а рак увидал, всех их к Ванюшке согнал и его разбудил. Погнал Ванюшка кобылушек домой:

— Будет, баушка, я тебе не слуга, а за работу денежки, а не денежки так деушки!

— Выбирай, Ванюшка, любую кобылушку! (А это не кобылушки, а красны деушки).

Вот лег Ванюшка спать и приходит из двенадцати больша́я сестра и дает ему знать:

— Что ты, Ванюшка, думаешь?

— Сам не знаю что думаю.

— А возьми ты меня за себя́ замуж: я тебя добру научу.

Ванюшка ей слово сказал и руку ей дал:

— Будешь ты моя жена неразлушная!

— Смотри же, Ванюшка, будь ты не плох, да не дурён: на двенадцать — одиннадцать дур, а самая малая умница. Нас всех к колоде расставят и насыплют всем овса; мы будем все жирные и гладкие, а наша малая сестра бежать-то больно быстра, она будет в колоде лежать. Ты возьми да и скажи баушке: «А вот, мол, ладно мне тощáя-то!» Вот ты из колоды ее подыми, да мочальцем обратай, да за пояску привяжи; скажи баушке: будет и прощай!

Ванюшка так и сделал.

Сел на коня и уехал к баушке просвирне, приехал и спрашивает:

— А что, баушка просвирня, как повидать Марью-Красу, Черную Косу? Не поминат ли она обо мне?

Та и говорит:

— Мы так думали, что тебя и живого нет, а если про тебя из нас двоих кто помянет, с того голову долой. А ну да ляг, Ванюшка, полежи, а я к ней схожу.

Приходит баушка просвирня к Марье-Красе.

— А здравствуй, Марьюшка!

— Здравствуй, баушка!

— Давай-ка, Марьюшка, поиграм в карточки!

Взяли да и поиграли. Баушке-то досталась кралечка, а Марьюшке-то королек. И говорит баушка:

— Э, да какой королек-то хороший, Марьюшка!

— Быдто Иван-царевич, баушка!

— Ох, Марьюшка, так-то так, да не ладно. Да-ка мне тупой топор, срублю твою голову! Ведь у нас с тобой уговор был: кто первый про Ивана-царевича помянет, с того голову долой.

— Ну да, баушка, будет да и ладно. Здесь нет никого, а кабы он был здесь, не рассталась бы я с нём.

— А Ванюшка-то, Марьюшка, на диване лежит!

Марьюшка побежала, Ванюшку увидала, во сахáрные уста целовала.

— Ну, Ванюшка, ты помрешь и я с тобой!

— Я бы был, Марьюшка, жив, будешь и ты жива!

Сели на кобылушек да и поехали.

Приежжают ее родные братья, спрашивают у баушки:

— А де наша сестра?

Баушка и говорит:

— Иван-царевич увез.

— Мы его терзали, да видно мало!

Сели двенадцать братов на двенадцать пежин, сели да полетели, как млад ясён соκóл. Стали Ванюшку догонять, Ванюшка стал кобылушку под голяшку хлыстать. Вот кобылушка взвилась, как белый лебедь. Пегая кобыла — выше, а под Васильем кобылушка еще выше.

Приехали к батюшке, а батюшка был старёхонек. Иван-царевич и говорит:

— Здравствуй, батюшка!

Тот обрадовался, Ванюшке на белую грудь бросался, с Ванюшкой целовался.

— Ох да ладно, Ванюшка, что приехал на свою сторонушку!

Тут и сказке конец, сказал ее молодец и нам молодцам по стаканчику пивца, за окончанье сказки по рюмочке винца.

2. Спящая девица

Жили-были два брата. У одного было два сына, а у другого сын да дочь. Первый победнее был и занимался хлебопашеством, а второй — побогаче, торговал. Нынче купил рублей на десяток, а на тот год побольше. Расторговался шибко. Сам собирается на ярманку в Нижний, а дочку дома оставил. Брат брату и наказывает:

— Ну, братец, похаживай к нам, посматривай.

Вот стал он похаживать, стал посматривать и стал девушку одолевать. Она ему не поддалась и прямо из дому по шее выгнала. Дядя сейчас к брату письмо написал, что его дочь живет здесь непостоянно, занялась худыми делами, разные банкеты. Отец письмо прочитал и говорит сыну:

— Сынок, деньги выходят все, поезжай домой к сестре, деньги у ней возьми, а ее зарежь; лёкую, печонку и сердце ко мне представь!

Сын думат: за что зарезать? Поехал. Приезжает домой: сестра рада, встречает его, горько плачет.

— Оставили, — говорит, — здесь меня на большое пострамление.

Брат спрашивает:

— Кто тебя здесь острамил?

— Жить нельзя: один дядя донял!

Он и говорит:

— Сестра, батюшка приказал тебя зарезать!

— За что?

— Дядя письмо прислал, что ты живешь здесь непостоянно.

Она горько заплакала, во слезах слово промолвила:

— Эх, брат, — говорит, — родимый, расспросите всех добрых людей, как я жила.

Брат и говорит:

— Ну, сестрица моя, подай мне деньги!

Она ему отдала.

— Ну, сестрица, испеки сорок печей калачей, да поедем: я тебя в темный лес отвезу. Живи век там; батюшка приказал зарезать тебя; я не буду.

Напекла она калачей, и отвез ее брат в темный лес, в превеличающий овраг. Устроила она там себе хижинку и теперь там живет. А брат к отцу уехал. Была у них маленька собачонка; он собачонку зарезал, вынул сердце и печонку и повез к отцу. Привез, тот и спрашивает:

— Что, зарезал?

— Зарезал.

— Давай сердце и печонку!

Он ему подал. Тот бултых их в Волгу.

Стал купец торговать, а девушка в овраге горюет; и пища у нее вся вышла. Пошла по зеленому лесу гулять и нашла середи лесу огромный дом, весь тесом загорожен. Взошла к воротам, отворила их, походила, походила по двору: нет никого. Взошла в особую комнáточку, села и затворилась.

Вот приехали разбойники с разбою, ходят и видят, что кто-то был. Искали, искали — не найдут. Стали они говорить:

— Если добрый молодец, выходи — братцем будешь; если старая старушка — будешь матушкой; если красная девица — будешь нам сестрица!

Она услыхала и выходит к ним. Они сидят за столом, чай кушают и водочку пьют. Они ей весьма обрадовались; было их двенадцать разбойников, тринадцатый атаман. Они друг дружку все пригнали к божбе, чтобы всем ее слушаться.

— Если она помрет, то мы должны друг друга убить.

Стали жить вместе и допустили ее до всего. Она про них стряпала, и разрядили они ее в разную одежду, как все равно барыню, и любо на нее посмотреть.

Пошел из того села, из которого она, охотник и заплутался; попал в этот дом. Пристигла его темна ночь. Разбойники были на разбое. Он ночевать остался; девица его напоила, накормила и от темной ночи прúзрила. На утро встали, позавтракали, и домой его проводила. Приходит он домой, спрашивают домашние:

— Где ты был? — Он рассказал.

— Живет,— говорит,— в таком-то лесу девица; там я и был.

Дядя услыхал, стал охотника расспрашивать, где бы ее найти. Он ему рассказал. Дядя брадý и волоса обрил и пошел туды. Нашел он старуху колдунью, попросил: нельзя ли племянницу как уморить. Она дала ему мертвую рубашку.

— На понесай к ней да ей и отдай! Она тебя не узнает. Вот, мол, это тебе матушка нá смерть рубашку прислала.

Он взял и пошел. Приходит в зеленый лес, нашел этот дом, ночевать просится. В ефто время разбойников дома не случилось. Она спрашиват:

— Чей ты? Откуда?

— Я,— говорит,— из того села, откóле ты сама была. На вот тебе, матушка рубашку нá смерть прислала.

Она рубашку принимала, его в лицо не узнала; напоила, накор-

мила, со двора проводила. Как ушел, она и вздумала рубашку померять. Надела, легла да и умерла. Разбойники вернулись домой. До этого приезжали, и она к ним выбегала и ворота отворяла, а теперь встретить некому: она мёртва. Взъехали разбойники на двор, да ахнули.

— Ах, братцы, у нас дома нездорово. Мотри, нашей сестрицы вжи́ве нет.

Взошли в свою горницу: она лежит мёртва. Они сошлись, поплакали. А она не умерла, только обмерла.

Стали они думать, куда ее девать, где ее закопать. Стали гроб делать. Слили ей гроб серебряный, крышечку золотом убили, поставили превеличающих четыре столба и сделали там кроватку; положили девицу в гроб и поставили его на кроватку, будто скоронили. Сошлись в горницу.

— Давайте, братцы, — говорят, — руки умывать, да свою сестрицу поминать, и будем сами помирать.

Зарядили все ружья и убили все сами себя. Вся их жисть кончилась.

Царский сын поехал на охоту и подъехал к этому дивному дому. Дом не очень дивный, а устроена больно дивно беседка. Тем дивна, что высока и раскрашёна хорошо. Смотрит и дивится он: что такое это? Наверх — лесенка. Он влез и видит: золотая гробница; в гробнице — красная девица. Он крышечку открыл, она лежит, как живая, и румя́ница играет в лице. Такая лежит красавица, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Он вынул ее из гроба, привязал на седло и поехал с ней домой.

Приехал ночным бытом, тихонько. Устроена у него была особая спальна, он ее на кроватку, во спальну и положил; спит с ней с мертвой ка́жну ночь и день на нее любуется. Так стал о ней тосковать, плакать, из лица стал пропадать, что отец с матерью стали примечать за ним, что он не весел.

— Что ты, сыночек, не весел больно?

Он не сказыват. Стали за ним примечать, куды днем ходит. Все — в спальну. Спрашивают отец с матерью:

— Что это ты все в спальну ходишь? Кто там у тебя?

— Нет никого. — И спальну запирать стал. Отец с матерью и говорят:

— Отопри нам!

Отпер он им. Посмотрели: лежит мертвая девица. Они индо обеспамятели.

— Где ты ее взял?

— В такеем месте, — говорит, — в лесу нашел.

И стали они его глупого журить:

— Что ты делашь? Что ты мертвого человека жалешь? Надо его предать к земле.

Сделали ей гроб и стали ее обмывать и другу одежу надевать. Как стару одежу скинули, так она стала жива. Они ее нарядили,

снова ее окрестили и с ним обвенчали. Стали они жить да быть, худо проживать, а добро наживать. Долго ли мало ли пожили, ей захотелось на родину побывать; стала она его к родным звать. Ему ехать нельзя; она стала проситься. Он отпустил, посадил ее на прохо́д (пароход) и дал ей провожатого. Ехали, ехали, провожатый стал ее притеснять к худому делу, чтобы сделать с ней си́ни минякй, а то давай сделам шу́л да гине́. Она не соглашалась. Пристали они на пристань; она и говорит:

— Я больно до ве́тру хочу!

Ушла да ушла. Ушла в лес — хвать ее нет! Провожатый ну искать; говорит хозяину прохо́да:

— Стой! Царица пропала!

Хозяин спрашивает:

— Куды же она делась?

— Вот тут-то, говорит: ушла до ветру.

Народу на прохо́де было несколько; пошли по лесу искать. А она нашла превеличающее дуплё и залезла в него. Много раз они мимо проходили, а не нашли. Тем и дело кончилось. Кому она на́ руки была отдана, тот обратно отправился. Приезжает к царю и сказывает, что пропала царица. Стал царь его выспрашивать:

— Как это ты не видал?

— Сказала, что до ветру пойдет и топерь там.

Как народ из лесу убрался, идет второй прохо́д. Она подала царский зна́мен; прохо́д остановился, отстегнули легку лодку и прямо на берег. Посадили ее в легкую лодку и — на прохо́д. Она и говорит:

— Хозяин, доставь меня до такого-то места (где она рождёна).

Тот ее доставил. Она прибыла туды, нарядилась в мужскую одежду, остригла волоса́ по мужскому; а отец ее шибко торгует. У ее отца идет бал, что и чорт не спознал. Все пьют, гуляют, и он к ним пришел.

Они сидят, как мы с тобой, водочку попивают, дрема их одолевает. Восходит молодец:

— Мир вам, гостям, на беседе!

— Просим милости, добрый молодец!

— Что вы сидите, водку пьете, а ничего не говорите? Должно быть, вы спать хотите? Поднесите водочки стакан, я шуточки пошучу!

Они спрашивают:

— А ты чей такой?

— А вот я из Помря́ськина сказывальщик.

— Ах, брат, расскажи-ка нам, да хорошеньку!

— Ну, братцы, я вам скажу сказку. Слушать да не смеяться, а кто знает — не переговаривать. Кто будет переговаривать, тому буду по плюхе давать!

Они подписку дали, что не будут, он и стал им сказку рассказывать:

— Жили два брата; у одного было два сына, а у другого сын да

дочь. Один брат шибко хорошо торговал, собрался раз на ярманку, а дочь дома оставил и наказывает брату: «Ну, братец, похаживай к нам да посматривай». Дядя стал похаживать и зачал девицу одолевать...

— Врешь, говорит, дурак! — закричал дядя (а он тут был). Молодец подошел к нему да в ухо! Дядя промолчал, только затылок почесал. Стал молодец опять сказку сказывать:

— А брат, что на ярманке был, этого дела не знал, прислал своего сына, чтобы у девушки деньги отобрать, а ее зарезать и сердце с печенью представить к отцу. Брат сестру пожалел, зарезал собаку и послал в Нижний, а сестру в лес отвез.

Отец и говорит на это:

— Неправда, молодец!

Молодец засучил кулак да и говорит:

— Ну, батюшка, и тебе бы надо дать плюху, подле у́ху, да закон не велит! Я — дочь твоя!

С отцом она тут спозналась и дочкой ему называлась.

Стали разговаривать, что́ было и как; дядю из горницы выгнали в шею. Молодец и говорит:

— Спасибо тебе, братец, не заставил ты меня умирать, а заставил по вольному свету погулять. Я по вольному свету гуляла, добра себе много принимала. Поедемте, тятенька, со мной!

— А куды? Ты мо́же серчаешь на меня?

— Я, тятенька, ведь, вышла замуж за царского сына.

И рассказала ему все. Они сели на прохо́д, да всей семьей и туды.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Прошло три года. Приплыли они на свое место, к царю во дворец. Муж ее сейчас узнал.

— Где была, голубушка?

— Я, милый друг, горя много приняла и злодея видала и волоса свои подстригала, ночевала в темном лесу, в дупле.

Стал ее муж выспрашивать, отчего в дупле ночевала.

— А меня твой посланник донял. Я на худы дела не согласилась, в темный лес ушла, в дупле ночевала, потом к отцу поехала своих повидать. Вот — мой батюшка, а это родной брат!

И стали все жить вместе да богатеть. Я там был, мед-пиво пил, по усам-то текло, да в рот не попало.

3. Учитель и ученик

Жили были старик со старухой и жили они близь города, на Волге, и у них был один сын. Они были в престарелых летах и думают себе как бы к чему сына приучить, чтобы он им был кормилец. За Волгой, в городе такой был мастеровой человек, у[illegible]

разным язы́кам и разным издельям, и по всячески может он оборотиться. Обучал он молодых людей — ребят, брал их от отцов матерей на три года. Если три года он поучится, и потом если отец или мать приедет, узнает через три года — может назад взять, а не может узнать — в по́льзю остается учителя. Старик со старухой думали, да и вздумали отдать сына под ученье. Старуха говорит:

— Три года не тридцать лет, чтобы его не узнать.

А вот посадил в лодочку старик свого́ сына, да и отвез в город, отдал под ученье и с тем договором, чтобы его всему обучить, бесплатно на три года и назад его через три года взять, коли узнает.

Отвез. Прошло трехлетие, пришло время ехать за сыном. Старуха старику наказывает:

— А вот же, старик, завтра три года минет; надо будет за сынком ехать.

Ему было бы за́втре ехать, а он на нынешню ночь, во глухую полуночь является к ним (сын-то).

Пришел, богу помолился, батюшке с матушкой поклонился, да и говорит:

— Батюшка, приезжай завтра за мной! Не узнаешь ты меня. Нас у него двенадцать молодцев, как ясных соколов; мы все под один голос, под один волос и под одну черну бровь. А вот слушай, что́ я буду говорить. Как он на нас, двенадцать молодцев, наденет одёжу, на всех ра́вну, и поставит рядом — тебе меня не узнать; да вот слушай же, батюшка: он меня поставит с правого боку, крайного — ты прямо цоп да цоп, скажи ему: Это сын мой! А вот ты тут сплошашь да прозевашь; он меня у тебя отнимет, ссунет меня да и скажет: А, робята, перебегись! Второй раз расставит нас, поставит меня с левого боку второго. А вот бери и крепче держи. Если он у тебя отнимет, то навеки пропаду.

И с тем полетел добрый молодец, куды ему следует.

А вот был учитель-то хорош, а он получше его. Как вот на утро день бела заря, а старушенька всее темну ночь не спала. Поутру рано вставала, келейку топила, старику завтрак варила, старика разбудила.

— А что спишь, старик, на пече? День, белая зоря на дворе! Вот у меня и завтрак про тебя на столе. Встань-ка, богу помолись, на все четыре стороны углянись, да вот и с богом за сынком. А вот рот-то не разевай, а разине бы в рот не взъехали.

Старик богу помолился, да сел позавтракал, сел в лодочку, залился́, а на Волге горючьми слезьми залился́. Приехал старик в город, пошел в гору, в самую по́лднюю пору. Пришел на учебное широко подворье, смотрит, поглядывает. Тут хозяин выбегает, а вот дедушку за белые руки принимает, да вот, как меня, на сундук его сажает.

— Знать, дедушка, за сынком приехал?

— Да, батюшка, покажи-ка мне его!

Сейчас учитель вывел двенадцать молодцев, расставил их всех в ширинку, надел на них одежду всю как на одном, да и говорит старику:

— А вот, дедушка седой, есть ли сто рублей с тобой? Выбирай, который твой!

Где ему узнать? По сыновниным словам только стал разбирать. Подошел к правому фланку, да и цоп цоп крайнего! Учитель и говорит.:

— Ах да, говорит, ты плут! Сделал!

Выхватил у него из рук и закричал своим громким голосом:

— Сбегитесь, робята, в круг!

Ребята толпились, кругом собирались, да еще врозь разбегались. Во второй раз учитель сказал:

— Становитесь как были, все подряд! Ну-ка, дедушка, выбирай!

Старик походил и кругом на всех посмотрел — как все сыновья его! Вот зашел слева да и цоп его!

— Вот мой сын!

Его сохватал и туго к сердцу прижал.

Учитель старика обижает, сына у него отнимает. Ученик и говорит:

— А брось да и будет!

Взял старик сынка за ручку да и — на Волгу. Сели в легкую лодочку, сели да за Волгу и поехали. Вот старик весьма был больно рад, в лодочку сына сажал, в сахарны уста целовал. Середи Волги доехали, и летят серые гуси с святой Руси, летят да и гагах! гагах! А старик на гусей глядит, с сыном слова говорит:

— А вот, сын мой милый, скажи-ка мне, а что гуси ти летят, чего же они промеж себя говорят?

Отвечает сын:

— Да ведь я, батюшка, не знаю.

— Для чего же ты, друг, учился, три года во ученьи пребывал? Как же ты не знаешь, что гуси говорят?

— Батюшка, тебе их речь не покажется.

— А что они говорят? Нас только здесь с тобой двое.

Сын и говорит:

— Они вот что говорят: когда мы приедем с тобой домой и будем в горенке во новой, а матушка будет мне на руки поливать, а ты будешь передо мной с полотенцем стоять.

Старику эта речь не понравилась и говорит:

— Рази ты, сынок, барин мой, а ништо я — слуга твой?

Тихохочко подобрался, да с божьей помощью бултых его в Волгу — и говорит:

— Вот я и буду с полотенцем для тебя стоять! Да я лучше по миру буду сбирать.

И утопил сына, а сам поехал дальше. А вот эта старая старуха, большое ее брюхо, тёмну ночку не спала, дорога гостя ждала, сына милого свого. Тот же час и старик Тарас является как раз,

горьким сиротой. Старуха старика увидала, заплакала; старик-от зарюмил, избу затопили, двери растворили и у них жерновы замололи.

— А вот, — сказала старуха, — что, старый, ты сына знать своró не узнал и наказ его не исполнял?

Вот старик из лица померзел, на это промолчал. Сказала старуха:

— А что ты, старый болван, промолчал, про мого́ сынка ничего мне не сказал? Знать ты его не узнал?

Старик вздохнул тяжело, со слезами ответил:

— Ох, старуха, узнал.

— Куды ты его девал?

— В Волгу ссовал.

— На́што ты это, старик?

— Погоди маненько — я тебе расскажу. (Тут следует повторение рассказа.)

— Ну уж нечего делать, старик; по миру будем ходить.

И топерь по́ миру ходят.

А тот добрый молодец оборотился рыбкой да ершом и отправился на ту сторону, де он был, пребывал. Подплыл к бережку, выкинулся на бережок и стал молоденький паренек. Вдоль бережку гулять пошел. Как при Волге да на бережке, квечеру́ поздно келейку нашел, ночевать зашел в нее, а тут живет старик со старушкой.

Он взошел, богу помолился, хозяевам поклонился и говорит:

— Здорово живете, дедушка с баушкой!

Ну, вот старики сказали:

— Добро жаловать, уда́лый молодец!

— Пустите меня ночевать.

— Добро жаловать! Мы добрым людям рады!

Вот посидели, друг на дружку поглядели, легли спать, и сказал добрый молодец:

— А вот, дедушка с баушкой, мне у́трем завтра нужно будет рано вставать, за фате́ру вам отдавать — отдать-то и ничего, а вот в плетневых ваших сенях и утром рано на зоре будет конь стоять. Можете вести на базар да за денежки продать.

Старик со старухой не спят ночь. Как зоренька занялась, а старушка на двор собралась. Поглядела — в сенях стоит си́венький конек, не промолвит стоит. Старуха увидала, скоро в келейку побежала, старика разбудила.

— Ах, старый ты муж, седая твоя борода! Погляди-ка что у нас на дворе! Сивенькой конек. Бери-ка, да веди, продай его!

Старичек взял доброго коня и повел на базар.

А этот же плутец, учитель-молодец, он это все знает, что мальчик исправляет. Он его ждал дожидался и скоро за коня хватался, и говорит:

— Куды, дедушка, лошадку ведешь?

— На базар продавать.

— Продай-ка мне.

— Купи, батюшка.
— А сколько возьмешь?
— Сотенку рублей, друг.
Он сотенку вынимал, а тот ему лошадку отдавал.
Вот этот же учитель жеребчика берет и к себе на двор ведет, привязывает ко столбу его ко верейному, ко колечушку серебряному, да и закричал громким голосом:
— А вот, ребята молодцы, подойдите-ка сюды!
Робятушки из училища выходили, подошли к хозяину и говорят:
— Что прикажешь, хозяин, работать?
— А вот стоят вязовые дрова; берите по свисту́ (по плахе), да идите ко мне сюды. Да ну-ка жеребчика по бокам! До тех пор его бейте, только до́ смерти не убейте!
Для того его учитель бил, чтобы он молодчиком был. Не жеребчика учитель купил, а своего мастера. Ну ребятам было его бить жалко: они ничего не знали, жеребцом его сочитали, не думали что человек.
Они больно его били и так он кольцами вился́, от столба оторвался, ясным соколом возвился. Добрый молодец — ясным соколом, а хозяин за ним — ястребом. Хочет ястреб сокола поймать, а сокóл может по соколиному летать. Середь матушки Волги оборотился ершом да в Волгу, и погуливает по ней. Учитель — за ним щукой, плавает за ним в погонь, хочет его догнать, хочет поймать. Вот щука ершу и говорит:
— Ёрш, ерш, ерш, поцелуй щуку в рыльце!
Отвечает ерш щуке:
— Да ты щука же востра! Поймай-ка ерша да с хвоста!
Ну он ее по матушке Волге поводил да не едчи оголодил. Сколь не мучилась, ерша не поймала, и отправилась чуть жива́ щука домой и чуть дошла до горенки до новой.
Ерш был прохожая рыба, был он везде: и в городе, и в Казани, да еще был в Кандалé на базаре. Его продают в хвале, а едят в чести. Вот этот ерш и уплыл в иные стороны, далече, в незнамое царство, подплывает к царским мостам, и тут же царская дочь ходит по зорям умывается. Подплыл ерш к мосткам, развернул свой гребешок и сам вышел на бережок — лег на мостки, оборотился золотым перстеньком. Приходит царская дочь да пожалуй что во глухую полуночь, смотрит и глядит: очень в глазах сьяет. Это не угонек сьяет, а перстенек сверкает. Перстенек деушка брала и домой побрела; и смотрит, куды бы его девать, и думает себе: кабы не потерять! Лучше на пальчик надеть. Ходит день, гуляет, а на перстенек частёхонько взирает. Он день — на руке перстеньком, а ночь — на постели молодцем. И вот же так через сколько время учитель узнал, что в такой-то земле, в таким-то царстве царская дочь нашла перстень. Приезжает ко царю и докладывает. (Ну, он был славу́щий еретик, что все его иностранцы знали, за колдуна почитали). Сказал учитель:

— Ваше царское величество, я до вашей милости. В такое-то время из такого-то бёг я места на прохóде, обронил я у вас на мостках перстень. Перстенек ваша дочка нашла; прошу я вас: отдайте мне его.

Призывает царь свою дочь, спрашивает ее:

— Дочь моя, дочь моя разумна, ты нашла перстенек, хозяин выискался. Отдай его!

Очень было ей отдать жалко. Не перстенек жалко — с молодцем расстаться жалко. Прекрáснеющая девица ногами затопала, руками захлопала, да и сказала:

— Этого не было да и не будет! Не отдам!

Учитель сказал:

— Перстень не отдашь — вольный свет потеряшь!

Время день продолжали, пришла темная ночь. Вот они лежат — добрый молодец и девица, лежат на постельке, да разговаривают.

— Красная девица, тебе перстнем не владать, а ты можешь колдуну отдать. Ну, мотри, помни, не забудь: будешь скидовать его, не давай в руки. Ударь об каменный пол, я рассыплюсь на все мелки части — малеющая крупинка подкатится к твоему стулу— топни ногой и зажми эту крупинку.

Вот по утру рано призвали ее к отцу, стали отымать у нее перстень. Она в руки им не давала, на пол бросила, на мелкие куски разбила. Учитель же оборотился ястребом да и ну клевать да клевать, золотого перстня крошечки сбирать. Все крупинки собрал и сказал:

— А, попался мне!

И думает, что съел его. А он помудреней его: он под ногой лежит, да вон из горенки не бежит. Учитель распростился, да ушел. Она ножку подняла и крошечку взяла. Опять стал день — перстеньком, а ночь — добрым молодцем.

После того приходит дочь к батюшке царю и говорит:

— Я замуж хочу!

Царь и говорит:

— Дочь моя умна, дочь моя разумна, где же ты себе суженого приобрела?

— На мостках нашла!

Протягает белую руку и показывает судьбу свою.

— А вот этот перстенек, батюшка, день-то я его на руке ношу, а ночь с молодцем на постели лежу.

Вот веселым пирком да и за свадьбу. Запрягли пару лошадей, повезли их к венцу, не сказали отцу. Обвенчали, препоручили доброму молодцу царскую власть. Он стал царем исправлять, по губерниям газеты раздавать. Посылает первый газет, где отец с матерью живет: старые неимущие старики шли бы к царю: в такóм месте новый царь безродных стариков обувает и одевает, поит и кормит. Вот его же отец с матерью эти газеты принимали и для себя их читали. Старик и говорит старухе:

— Пойдем, старуха, туды, покаместь в ногах сила есть!

Собрали́сь да и пошли. Пришли к новому царю. Приходят во дворец, встают на самый конец. Царю доложили:

— Явились странники.

Они думают: он их не узнает, а он их за отца с матерью почитает. Приказал их позвать и где сам живет, место дать. Вот старик со старухой ночку ночевали, поутру рано вставали, умылись, богу помолились и новому царю поклонились. Вот мать-то стала новому царю на руки воды поливать, а дедушка с полотенцем стал стоять. Не утерпел новый царь и говорит:

— А вот, батюшка и матушка, правда моя случилóсь: вот матушка мне стала на руки поливать, а ты стал, батюшка, с полотенцем стоять!

Старик больно обрадовался, на шею ему бросался и сказал:

— Да разве это ты, сынок?

Он улыбнулся и при свидании с отцем с матерью рассмехнулся.

— А ты, батюшка, думал, что я утонул? Я ведь не пропал — на хорошее место напал.

Стали жить да быть; худое-то проживать, а добра-то наживать. Я там был и пр.

4. Ванюшка и Аннушка

Жил был старик со старухой. У старика старуха померла и ноги в стéну уперла. Ее хотят коронить, а она встает из гробу, лезет на колокольню звонить. На это на нее не взирали, тот же час в землю зарывали. Осталось у старика двое малых юношев: сынок Ванюшка и дочка Аннушка. Вот на послед этот старик женился и прижил со второй женой троих сыновьев и трёх дочерей. Мачиха не любила неродных детей. Свои дéушки что напрядут зимним времем — то весной выткут. Деушки свои — весной ткать, а неродной она дочери не дает весной ткать — посылает в поле стадо пасти. И Ванюшка и Аннушка пасут в поле стадо, плачут, рыдают, свою мамыньку поминают. А вот же неродная ее мать называет ее б....

— Ты, б...., можешь в поле ткать!

Она возьмет пяльку в поле, повесит на сучек и заплачет горько. У ней был в стаде бык и заманила она его:

— Быняюшка, чернеюшка! Прибеги и притеки и в коробочку клади!

А быняйка бежит, точёт и прядет, и в коробочку кладет. Как вечер, Аннушка стадо гонит домой и вытканное цветное платье несет тоже домой. Эта же неродная ее мать спрашивает ее:

— Где ты очень хорошо ткала, и скоро много наткала?

— В темныем лесу, под березкой.

Вот мачиха стала над ней подозревать, сказала неродная мать своим родныим дочерям:

— Вот вы, курвы, вот вы, б...., видите, как ваша неродная сестра без стану точёт, а вы на́ стане да не умеете!

И бьет их да колотит. Они стали за сестрой на второй день подсматривать, как она ткет. Мачиха стала ее со стадом провожать; дает пряжи клубок да еще ниток моток.

— А вот на, из этой пряжи чтобы было вытканo, а ниточками сощи́то!

Она эти вещи брала, да только плакала сама. Погнала скотинку в поле, пустила в лес, в широко раздолье; повесила пряжу на сучек и размотала ниток моток, села под кусток — сама голосом завыла, полились слезы из глаз. И сказала:

— А бынеюшка, чернеюшка! Прибеги и притеки, и сотки мне, и спряди!

Бынеюшка бежит, лишь земля под ним дрожит; сам точёт и прядет, под кусток в кучку кладет, а неродная ее мать смотрит издаля́:

— А, вон она как прядет! Это вон кто у ней...

Пошла домой, а дочка Аннушка сама стадо гонит, а тка́но-пря́дено за собой тащит.

— На, — говорит, — матушка! Что вы мне приказали, я все сделала.

Ну, мачиха принимала и в свой сундук запирала и сказала старику:

— Заколи, старик, черного этого быка, чтобы не было́ у нас его.

Старик говорит:

— Да ведь этот бык, старуха, не наш: я его отдал Аннушке и сынку Ванюшке.

Сказала старуха:

— Жить на свете не могу! Сейчас заколи!

Старик взял ножик и заколол быка чернеюшку. С быка шкуру сиял, а мясо в кадушку поклал. Стоит дочка Аннушка, говорит своему батюшке:

— Родимый мой батюшка, отдай мне после чернеюшки хоть кишечки его!

— Возьми!

Вот Аннушка кишечки собрала, вышла на улицу, у своей горенки, под передним уголком их зарыла и напослед того выростала из этих из бычиных кишек преогромная яблоня, и несколько стало родиться на ней яблоков. И так как ее отец жил в хорошем достатке: двор его был при большой дороге и несколько заезжало к нему всяких людей, кто пожелает яблочко сорвать, никто с яблони не может достать. Кто подойдет к яблоньке, того она сучками захлыщет. Только и подходила к ней кра́сна девушка Аннушка. Аннушка как к ней подойдет, яблонька на́ землю падет, она яблоко сорвет.

В некоторое время ехал барин в молодых летах, заехал на эту фатерку отдохнуть и лошадей покормить, и захотелось ему яблочка закусить, как этой Аннушки в доме не случилóсь. Вот этот же барин посылает старика:

— Поди, дедушка, достань мне яблока закусить.

Пошел старик в сад гулять, хотел яблочко сорвать. Нет, никак невозможно. И у него было три дочери (от второй жены); посылат первую дочь. Нет, она не достала; посылат вторую — эту вовсе захлыстала; послали третью — и эта не достала. Приходит дочка Аннушка. Сказал отец:

— Дочка Аннушка! Вот барину захотелось яблочка — поди достань!

Аннушка пошла и к яблонке подошла. Яблонка наклонилась, стоит не шелóхнется. Она яблочков нарвала, домой побрела. Вот барин издаля́ на нее смотрит и дивуется этому делу. И так как барин был неженимых лет, и стал говорить:

— Дяденька и тетенька! Это вам дочь родная или нет?

— Мне не родная, — ответила мачиха, — старику — родная.

— Отдайте ее замуж за меня!

Вот мачиха очень ее не любила и тот же час замуж проводила. Ну, барину не пиво варить, не вино курить — тотчас да и за свадьбу — и тут же обвенчались. Вот попы их обвенчали, гулять начинали. Пили, гуляли неделю без просыпу у Аннушкинова отца и прогулявши время, собирается барин домой, выходит из горенки из новóй. Старуха и думает:

— Вот я ее провожу — и сама в сад гулять пойду.

Как барин запрёг парочку лошадей, сели да и поехали, и братца Ванюшку с собой взяли. Как только съехали со двора, тот же час и яблонка на запятки к ним пристала и на дворе у них ее не стало. Приезжает барин домой и сад развел огромнейший, и погуливает с Аннушкой в саду, а у него в соседях Ягая баба жила. Вот были у ней две дочери отличных хороших и этих же барин прежде хотел одну за себя взять. Эти девушки барыню новую (его жену) не излюбили, кажний день к ней ходили и хочется, чтобы как-нибудь этого Ванюшку сгубить и Аннушку извести, а Ягой бабе — свою дочь за барина отдать. Они истопили баню. Эта же Ягая баба наклала козлиного сала, да и поставила в бане, в горшечек: как барин с барыней пошли, в баньке помылись, и барыня перстенек в баньке забыла. Пришла из баньки:

— Братец Ванюшка, сходи-ка в баньку: там колечко я забыла. Да не лижи козлиного сала! — сказала Аннушка.

Ванюшка пошел в баню, да и думает стоит:

— А что же сестрица мне не велела лизать козлиного сала? Дай лизну!

Лизнул и стал козелок. Надел колечко на рожок, бежит домой попрыгивать, по козлиному покрикивать:

— Бя-я, сестрица Аннушка! На́ тебе колечко!

Аннушка выбегала, горько заплакала:

— Ах, глупый, не велела я тебе лизать козлиного сала, ты не послушал!

И стала козелка кормить. Приходят Ягой бабы красны деушки к барыне, к Аннушке, да и говорят:

— Пойдем, Аннушка, на речку купаться!

Пошли на речку купаться — только скинули рубашечки, Ягая баба Аннушку поймала и посадила ее в воду, привязала к ней камень; и сидит на дне живая, с камнем. Барин ждать пождать — Аннушки нет. И топерь в воде.

День за́ день, неделя за неделей, и сидит она в воде живая; горюч ее камень ко дну тянет, а лютые змеи сердце сосут. Вот барин думал, думал и жениться задумал, и женился на Ягой бабе дочери. Эта молодая барыня и говорит:

— Заколи, барин, козла: хочу козлиного мяса.

— На што колоть, глупая? Пущай живет.

— Нет, заколи!

Ну, барин вздумал козла заколоть. Как сел на стульчик, стал точить ножичек, козелок подходит к барину, да и говорит:

— Барин, барин! Пусти меня на речку сходить, свежей водицы испить, кишечки промыть!

Барин пустил. Приходит козелок к речке, на бережек, припал да завопил:

Сестрица Ан-нушка-а!
А выдь а вы́-гля-ни-и!
Меня козла колоть хотят,
Точа́т ножи булатныи,
Кипят котлы немецкие!

Отвечает Аннушка:

А, братец мой, Ванюшка!
Я рада бы выглянула:
Горюч камень ко дну тянет,
Люты́ змеи сердца́ сосут.

Выглянула к нему по шейку. Козелок побежал домой. Барин пожалел и в этот день его не заколол. На другой же день повторяет барыня:

— Заколи этого козла!

Стал барин нож точить. Козел к нему подходит и говорит:

— Барин, барин, пусти меня на речку — и т. д.

Побежал козелок на речку, а барин взял веревочку да и говорит:

— Куда козелок это ходит?

Припал козелок к бережку, завопил:

— Сестрица Аннушка! и т. д. Выглянула к нему Аннушка по́ пояс. Барин веревкой захватил и с камнем поворотил. Взял Аннушку и привел в свой высо́к терём; а вторую свою жену с тещей на воро́ты посадил, из поганого ружья расстрелял и мясо их собакам раскидал, а с Аннушкой и топерь живут.

5. Подменёная невеста

Имели дружбу купец с барином, постоянно друг у дружки в гостях бывали, и это не то что сказка, а правда, быль это. У купца один разъединый сын был, а у барина одна дочь. Вот и стал купец сватать у него дочь, и посватались они. Несколько денег взял приданого купец, одежды, разной разности всякой, и у этой невести была горничная девушка. Они с невестой под один голос, под один волос, под одну черную бровь. Вот приходит время за невестой ехать. На нынешний бы вечер, сказать по крестьянски, что приедет жених с запоем и совсем к венцу, а эта же невеста и тоё же ночь, недождавши запóю, родила ребенка. Отец с матерью невестины стали эту девушку просить горничну, чтобы ее в эту же одежду нарядить и представить жениху к венцу, чтобы обвенчаться не нáсколько время, покаместь эта дочь-барышня не выздоровеет, а потом ее чтобы сменить. Просили ее и обещались, если обвенчáтся, то наградить и отца ее и мать. Девушка согласилась, убоясь господ. (В то время господа были вольны). Как господа ее напугали: если не согласишься обвенчаться, продадим в иную страну, далеко; девушка согласилась — и тот же час является жених со сродниками и стали начинать дело, стали вести запой и нарядили ее, сделали барышней. Жених сидит за столом, ничего не чует, а прежняя его невеста в бане ночует. Кончивши беседу, приехали с поездом, взяли эту девушку, посадили и увезли. Привезли в купеческий дом, тут их обвенчали и куды следоват помчали. Обвенчавши, значит, положили их на показанно место, на ложу. Кончивши это дело, барин со сродниками приехал попировать, и эту старую невесту с собой привезли. И стало их две. Подмененая чуть что — все на двор от него уходит. Она, чтобы как из двери одна уйти, а ее муж-то за ней. Она все от него ходит, уйти хочет все. Купеческий сын, он человек не глупый, дело видит не ладно. Она билась, билась — никак ей смениться нельзя. Он дело сметил, стал ей говорить:

— Что ты, милая моя супруга, от меня отбегаешь? Или любить меня не хочешь? У нас свого достатку много, больше батюшки твóго: пить-есть есть чего и обуть, одеть.

Эта же его молодáя супруга видит дело плохо: он ее от себя не отпускает, смениться ей никак невозможно. Там сродники шишко гуляют, винца выпивают, ничего между себя не знают; и так думают отец с матерью, что они давно сменились. Не стерпя своего сердца, подменёная его невеста признала себя:

— Я не твоя прежняя невеста!

Муж и говорит:

— Что такое, молодая моя супруга? Не понимаю я чтó ты говоришь со мной.

Стала она ему открываться всей правдой.

— Я, — говорит, — милый друг, подменёная тебе!

Он, как человек умный:

— Что такое?! Как ты подменилась? — говорит.

— Твоя прежняя невеста, вам нужно делать запой и ехать к венцу, а она родила. Они меня попросили, как я йха горнична: обвенчайся на время, потом нарядим тебя в таковую же одежу и сменим как наша дочь выздоровеет. Вот никак топерь невозможно сменить: вы меня не отпускаете.

Купеческий сын спрашивает ее:

— А де она? (А она толпится в йхой толпе, наряженная в одинаково платье).

— А вон де она! Гляди! Пожалуйста отпустите меня, а ее примите.

Купеческий сын был роду разумного: на ее эти слова не соглашался. Говорит ему княгиня его:

— Я, — говорит, — крестьянская дочь, из бедного роду: у меня братцы-го пасут стадо, а батюшка с матушкой ходят по́ миру.

Вот купеческий сын все слова от нее отобрал, взял за праву руку и повел где они беседовают. Барин с барыней думали, что они обменялись, с законным браком их проздравляли, в саха́рны уста их целовали. Купеческий сын их слова: «с законным браком» не принимал и в уста их не целовал — все по шее да по шее из горницы выгонял. Его родные не хорошо увидали, его унимали.

— Что ты, милый сын наш, делаешь? Знать ты не сдурился ли?

Стал рассказывать он отцу с матерью:

— Эх, батюшка, матушка, гости нам не родные, а гости чужие; а мои гости в деревне, за Волгой: шурья ти пасут стадо, а тесть с тещей ходят с сумочками. Вот надо за ними послать, да с ними погулять.

Они от него эти слова не поня́ли.

— Это что ты нам, сынок, загадал, и родных всех со двора согнал?

Купец им рассказал все:

— Это, батюшка и матушка, невеста мне подменёна, а моя невеста прежняя поро́дила.

— Как ты знаешь? — сказал отец.

— Вот моя супруга все мне рассказала.

Отец на барина больно осерчал и в три шеи со двора его провожал, и снова свадьбу заводил. Купеческий же сын с молодой своей женой запрягали две тройки лошадей и поехали на родину, к ее же к отцу с матерью.

Приезжают к ее отцу матери; у ее же у матери — решетчаты ворота и непокрытая изба. О́ни решетчаты ворота отворяли, на широкий двор взъезжали. Все сродники на двор выбегали; отец с матерью дочь свою признали, бросились ее целовать и миловать, и туго к сердцу прижимать. А купеческий сын стоит от них далече. Они его не узнали и за родню не почитали. Спрашивают у дочери, та и говорит:

— За вами еду гулять на свадьбу! Я вышла замуж.

Все им рассказала: как ее обменяли и замуж проводили. Отец с матерью перекрестились и благодарили бога, что поискал господь бедную дочь нашу счастьем. Говорит же купеческий сын:

— Богоданный мой батюшка и богоданная моя матушка! Нас вы благословите, а меня за родного примите. Я — зять ваш.

Ну, они его благословили, родным назвали; по бедности малость погуляли. Купеческий сын и говорит:

— Батюшка и матушка, поедемте к нам в гости и возьмите что́ вам нужно.

Отец говорит:

— Мне не́ в чем: я совсем раздемши.

Мать говорит:

— Я — бо́са.

Он на это не взирал и нагих всех с собой забирал. Набрал родных на все на́ три тройки полны́х. И поехали в свой город. Привез домой и всех перва́ родных своих как должно быть нарядил, обул и одел. Тогда пир заводил. Ну, и тут они на радостях пили, гуляли, друг дружку не знали. И все барское именье, кото́ро было прида́но, все осталось обменёной молодушке. Они погуляли и родных домой проводили. Проводили, а сами стали жить да быть, добро наживать, а худо проживать. Отца с матерью деньга́ми наградили и домой за Волгу проводили.

6. Марко Богатый

Жил был Марко Богатый, имел у себя именья несколько. Сыновьев у него не было, одна была дочь, и столько было казны, что счету не знал. Казной хотел он от свово́ двора на двадцать пять верст на вершок усыпать. Вот у него заводы разные были. Лег он раз уснуть и видится ему во сновидении, что «жди, Марко Богатый, вот в таком-то часу придет к тебе в гости сам господь и Миколай угодник». Он наутро встал и думает сидит, и рассказывает своей жене и дочери. Устлал на двадцать пять верст от свово двора разными суконами дорогу, где богу пройти.

Вот подходят двое нищих, старички. Лапти у них в грязе, одежёнка худенька и шлёп, шлёп по красному сукну в ворота, где Марко Богатый сидит в стуле, дожидается бога. Подходят, кланяются Марку Богатому:

— Мир твому сиденью, Марко Богатый! Пусти нас ночевать!

Марко на них осерчал, повсячески их обругал.

— Эх, — говорит, — несет вас лукавый с грязными-то ногами, в лаптищах-то. Я, — говорит, — жду бога, а вы тут грязните. Ступайте в задни ворота, в задней избе ночуйте!

Пошли они в задню избу и легли. Пришла глухая полуно́чь; лежат они на печке и с ними одна скотница, женщина. Вдруг к окошку является, говорит гласом человеческим. Молитву сотворили, они аминь отдали.

— Здесь, — говорит, — господи почивал?

— Здесь, — говорят, — на́ што тебе?

— А вот, господи, в таком-то селеньи родила женщина мальчика. Каким его счастьем, господи, наделишь?

— Марки Богатого, — говорит, — именьем. Вырастет и будет влада́ть.

Нищие ушли середь ночи. Женщина на утро встает и Марке Богатому докладыват:

— Марко Богатый, не жди бога: бог нынче ночевал в задней избе.

— Как это так?

— А два-то старичка приходили; один-то сам господь, а другой Миколай угодник.

— Где они?

— Ушли не знай куды.

— Почему ты знаешь, что́ бог?

— В глухую, — говорит, — полуночь является под окошко, человеческим гласом молитву сотворил; они аминь ему отдали. «Господи, — спрашивает, — здесь почивал?» — «Здесь. На́ што тебе?» — «А вот, господи, в таком-то селеньи родила женщина мальчика, каким его счастьем, господи, наделишь?» — «Марки Богатого, — говорит, — именьем; вырастет и будет им владать».

Марко Богатый тот же час запрёг пару лошадей и туды прямо, в то селенье. Приехал, доискался этой женщины. Жили они бедно́, и у них робятишек много; он и стал говорить:

— Хозяин с хозяйкой, продайте вот этого мальчика!

Они не продают. Он стал уговаривать:

— Что же вам не продать? Вы знаете у меня именья сколько; своих детей нету. Я стану кормить и поить его вместо детища, а у вас еще много останется. Я и вас чем угодно наделю.

Они согласились и прода́ли; прода́ли и Марке отда́ли. Дело было зимой; Марко Богатый положил его в свою повозку и поехал. Доехал до́ лесу и говорит:

— Кучер, отнеси мальчика этого в лес, брось его в снег. Вот ему и Марки Богатого именье!

Кучер отнес и бросил его в снег. Тоё же минуту дохнул теплый воздух, круг его снег растаял, и он лежит, ничего не думает: тепло ему. А Марко домой уехал.

Этой же дорогой два товарища купца едут, Марке Богатому долг денег везут и товару вновь забрать и слышат, — в лесу младенец плачет. Они остановились и слушают. Побежали туды.

— Знать кака-нибудь девка бросила!

Прибежали — вкруг его трава выросла, и цветки цветут, а снегу по коленки. Удивляются этому делу.

— Это, — говорят, — младенец святой.

Захватили его и — в повозку к себе. Едут дорогой, да и разговорились между себя. Их два товарища: один больно именитый богатый, а другой-то бедный. У богатого тоже детей нет, а у бедного дети есть. Богатый и просит бедного:

— Отдай мне его!

Тот не отдает, не поступляет.

— А пущай он будет у нас вместный!

И говорят между себя:

— Его надобно покрепче одеть и не вносить к Марке Богатому; а если внесем в дом к нему, у него сыновей нету, он у нас его отымет.

Приехали к Марке Богатому, остановились ночевать.

Он их встретил, сготовил для них самовар; стали чай пить. Из-за чаю по переменкам и тот, и другой они выбегали: боялись, как бы он у них в повозке, в зимнее время, не замерз. Марко Богатый стал их выспрашивать:

— А что, друзья, вы часто на двор ходите? Али у вас в повозке клажа какая дорогая есть? Вы чать меня знаете, не первый раз приехали: у нас на дворе всегда караульщики. Будь у вас в повозке и несколько денег — никто не возьмет. Скажите, что у вас там лежит.

Им сказать не хочется. Он их до́нял. Ну, они думали, думали и сказали:

— В таком-то месте мы нашли мальчика; снег по колени лежит, а круг его трава растет и цветы цветут. Мы его взяли, он в повозке лежит.

Марко Богатый догадался, расспросил их:

— Где вы его взяли?

— Там-то, — говорят.

Марко Богатый и думает себе:

— Ах, самый это он!

— Ну, господа купцы, отдайте мне его! У меня детей нету, мне мальчика нужно.

Они не отдают. Он им говорить стал:

— Если не отдадите, я у вас деньги отберу, а товару вам не накладу; а отдадите — я на вас долг весь прощу и товару по возу накладу.

Они взяли, да и отдали. Он его взял и стал кормить. Кормил, а лихо на него думал. Вырастил его большого и все думает, как бы его извести. Мальчик на все был ловкий и старательный; старается, везде досматривает, в роде прикащика. Призывает Марко Богатый свого́ назва́ного сына.

— Сын мой назва́ный, знать ты у меня хозяин будешь. Ступай, я тебя пошлю за тридевять земель, в десятое царство. Там есть Идо́лище; ступай и спроси его, сколько у меня казны: я не могу сосчитать. (Ну, а туды уж кто ни пойдет, оттоль назад не придет: он кажняго там съест.)

Собрался он и пошел пешком. Шел много ли, мало ли, долго́ ли, коротко ли, дошел до́ моря, и на́ море перевощик перевозит людей без денег. Подходит он к нему:

— Господин перевощик, перевези на ту сторону!

— А куды ты идешь?

— В такое-то место, к Идо́лищу.

— Ах, брат любезный, я таких-то людей давно ищу! Помяни-ка ему обо мне. Я, — говорит, — перевожу через море тридцать лет, без денег, у меня на руках и мяса нет, одни кости; по костям кровь ключом бежит. Спроси-ка, кто меня сменит?

— Ладно, спрошу.

Переехал и пошел. Идет путем, большой дорогой — стоит столб: насыпана золотая казна от земли и до неба. Подошел и посмотрел на него; казна и говорит человеческим гласом:

— А куды тебя, добрый молодец, бог несет?

— В такое-то место, к Идо́лищу; узнать хочет Марко Богатый, сколько у него денег.

— Помяни-ка Идо́лищу обо мне, кому я достанусь?

— Ладно, — говорит.

Шел, шел, дошел до дому, до Идо́лища. Идо́лища дома не случило́сь: улетел по вольному свету летать, живко́м людей глотать. Жил он с одной с матерью. Ну, взошел он в горницу, богу помолился и баушке поклонился. Баушка увидала его.

— А что это прежде у нас русского духа слыхо́м не слыхано и видо́м не ви́дано, а нынче русский дух в устах яви́тся, в глазах мечется? А что, добрый молодец, от дела ли лыташь, али дело пыта́шь?

— Я от дела, баушка, не лытаю, а себе больше дела пытаю.

— Куды ты идешь?

— К Идо́лищу.

— Что тебе он нужен?

— Да спросить его прислал меня Марко Богатый, сколько у него казны.

Мать Идо́лища отвечает:

— Ох, друг, он тебя съест! Тебя Марко Богатый для этого и прислал. Разве я спрошу, тебя жалея, а то он тебя съест!

Он упал на коленки и в ноги поклонился ей.

— Родима баушка, не заставь злой смертью помереть! Я прислан сюды по неволе!

— Ну, друг, я, — говорит, — не заставлю тебя горе мыкать: я сама спрошу.

— Да еще, баушка, потрудись спроси: переезжал я через такое-то море; перевощик перевозит тридцать лет... Кто его сменит?

— Я его спрошу.

— Да еще, баушка, спроси: шел я путем-дорогой — стоит столб казны, от земли и до неба. Кому она достанется?

— Не знаю только, добрый молодец, куды мне тебя деть, чтоб он тебя не нашел.

Завалила его под перину. Является Идóлище и нюхает везде. Прилетел голодный, не сглотил никого, и спрашиват:

— Мамынька, кто-нибудь у тебя есть: русским духом пахнет.

— Ты по вольному свету летал и там русского духу наимался! Чай ты испить хочешь, сыночек?

— Пожалуй-ка, — говорит, — мамынька!

Она подала ему пьяных каплей, и так ему показалось! Стал он хмельный и говорит:

— Мамынька, да нет ли еще?

Она еще стаканчик ему подала и порядочно его взя́ло.

Стала мать спрашивать:

— А что, сыночек, я тебя спрошу...

— Что, мамынька?

— Через тако́-то море перевозит перевощик тридцать лет, кто его сменит?

— А на что́ тебе, мамынька?

— Да так, хочется узнать.

— Его сменит Марко Богатый.

— Да еще, сыночек, скажи мне: у Марки Богатого сколько казны?

— Да что тебе, мамынька, нужно?

— Да узнать хочется.

— Я и то не могу ее считать. Он может казной от свого́ жительства на все на четыре стороны, на двадцать-пять верст золотом усыпать.

— Да еще вот, сыночек, скажи: на такой-то путине есть казны столб от земли и до неба. Эта казна кому достанется?

Он улыбнулся.

— Ну, матушка, эта казна достанется... У Марки Богатого есть, — говорит, — приёмыш; она ему достанется.

Взял да и опять полетел куды знат. Она перину отвалила, мальчика разбудила.

— Что, слышал что́ Идóлище сказывал?

— Слышал, баушка.

— Ну, ступай домой!

И пошел он домой. Доходит до столба; столб и спрашивает:

— Спросил ли, мальчик, обо мне?

— Спрашивал.

— Кому я достанусь?

— Приемышу Марки Богатого.

Вдруг столб ррр! и рассыпался в кучу.

— Вот, — говорит, — я казна твоя теперь!

Он казну не брал, только руками ее помешал, и теперь она лежит в кучке, до время. Пошел дальше; подходит к морю. Перевощик является к нему:

— Что, добрый молодец, спрашивал Идóлище: кто меня сменит?
— Спрашивал.
— Кто же?
— Марко Богатый.
Приходит к Марке Богатому. Марко Богатый индо обеспáмятел, что идет он жив; спрашивает:
— Что, сходил?
— Сходил, тятенька.
— Что, нашел Идóлище? Спросил сколько казны у меня?
— Спросил.
— Много ли?
— Да на все на четыре стóроны, на двадцать-пять верст можете усыпать на вершок.
— Ну, это верно.
Переночевали одну ночь и поехали в иную землю за товаром. Накупили что следует. Он нагрузил товар по Волге и приемыша с товаром проводил. Написал письмо, запечатал и говорит:
— На, хозяйке моей и дочке письмо (поклон-тó ись!)
Он завернул в платочек, положил в пазуху и поехал по Волге. Причалились они к берегу и стали обед варить. С рабочими людями он вышел вдоль Волги, по бережку поразгуляться. Пасет старичек стадо и кричит его:
— Подь-ка, молодец, ко мне!
Он подошел.
— Ну-ка, вынь что у тебя в пáзухи-ти!
— Да, тятенька на родину письмо написал.
— Да-ка мне я почитаю!
— Да как можно? А запечатат-то кто?
— Я опять запечатаю.
Он вынул из пазухи и дал. Старик взял его и на мелки части изорвал и другое ему написал; завернул в платочек и отдал.
— Ступай с богом!
Приплыл он в свое жительство, товар из расшúвы выгрузил и поклал на место. Вынимает письмо из пазухи.
— Извольте, мамынька, вот вам тятенька письмо прислал.
Распечáтовала и стала читать. В письме написано Марки Богатого рукой, чтобы не дожидаючи меня, этого приемыша с дочерью обвенчать. Мать призвала дочь и говорит:
— Вот отец письмо прислал!
Она грамоте знала, прочитала.
— Ну, — говорит, — если тятенька приказал, так нужно это дело сделать.
Сейчас не пиво варить, не вино курить: пиво наварёно, вино накурёно — за свадьбу. Повезли в церковь и обвенчали; положили их на ложу. Марко Богатый как раз тут.
— Жена, где приемыш?
— Да мы их сейчас на подклетях положили!

— Что такое это? — говорит.
— Я обвенчала на дочери его.
Он, не стерпя своего сердца, прямо ей в глаза плюнул.
— Что ты, дура, делаешь?
Она вынула письмо, подала ему. Он поглядел: рука-то его. А в прежнем-то письме, которое старик йзорвал, написал, чтобы проводить приемыша на сальный завод ночным бытом и налить котлы горячего сала и котлы все раскрыть, а его ночью послать за рабочими посмотреть. Он на сальном заводе не бывал, как пойдет, так, думает, и утонет: не знает где пройти. А это дело все пастух (Миколай угодник) сделал.
С ложа их подняли и начали гулять. Зять тестю и говорит:
— Ну, батюшка. — говорит, — у тебя казны много, а мне бог дал еще более!
Марко Богатый захапистый был.
— А где же, — говорит, — она?
Запрягли три пары, да и поехали. Доезжают до ефтого моря, где перевощик перевозит. Перевощик их посадил и за казной перевез. Они казну насыпали и поехали назад; подъезжают к перевощику, перевощик их дожидается. Перевез их на свою сто́рону, зять казну выгрузил, а Марко Богатый остался, перевощика сменил — и топерь перевозит там. И смерть его тут постигла, а имение все досталось его зятю и стал он им владать, жить да быть, да добро наживать, а худо-то проживать.

7. Миколай угодник и охотники

Жили два шабра́ охотника и ходили они за охотой. Идут дремучим лесом, глухою тропочкой; повстречался им старичек, святитель отец Никола. Они его не узнали и за человека сочитали. И говорит он им:
— Не ходите этой тропочкой, охотнички!
— А что, дедушка?
— Тут, други, через эту тропочку лежит превеликая змея и нельзя ни пройти, ни проехать.
— Спасибо тебе, дедушка, что нас от смерти отвел.
Дедушка и ушел. Постояли охотники и подумали, и говорят:
— А что нам, какая ве́ща змея! С нами орудия много. Дерьмато не убить, змею?
И пошли. Дошли и видят: превеличающий бугор казны на тропочке, и рассмехнулись друг с дружкой:
— Вон он что́, старый дурак, нам сказал! Кабы мы не пошли, он бы казну-то взял, а топерь ее нам не прожить.
Сидят и думают, что́ делать. Один и говорит:

— Ступай-ка домой за лошадью: мы ее на себе-то не донесем.

Один караулить остался, а другой за лошадью пошел. Который караулить остался и говорит тому, который домой-то пошел:

— Ты зайди, брат, к хозяйке к моей, хлебца кусочек привези!

Товарищ пошел домой, приходит к своей жене и говорит:

— Тут-то, жена, что нам бог-то дал!

— Чего дал?

— Превеличающую кучу казны: нам не прожить, да и детям-то будет и внýчатам! Ну-ка затопи-ка избу, замеси пресную лепешку на едý и на зелье! Я ему скажу, что его жена ему прислала.

Завернула жена лепешечку на едý и на зелье, и спекла сейчас. Он запрег лошадь и поехал. А товарищ ружье зарядил и думает:

— Вот как он приедет, я его хлоп — все деньги-ти моé, а дома скажу, что не видал его.

Подъезжает к нему товарищ, он прицелился да и хлоп его, и убил. Сам подбежал к телеге, — прямо в сумку; лепешечки поел и сам умер.

И казна тут осталась: съела змея обéх.

8. Бык, баран, гусь, петух и волк

Жил был старик со старухой, и у них был бык, был баран, гусь и петух. Пришла холодная зима, так крепко заморозило: всем им под сараем лежать холодно. Вот бык пошел к барану.

— Баран, баран, айда избу рубить!

— Да, пойду я избу рубить? Я лучше у хозяина под сараем пролежу.

Пошел бык к гусю.

— Гусь, пойдем избу рубить!

— Нет, не пойду; я лучше у хозяина на одной ноге под сараем простою.

Пошел бык к петуху.

— Петух, петух! Айда избу рубить!

— Нет, я лучше у хозяина на нашéсте просижу.

Звал, звал бык — никто нейдет, и пошел, и срубил избу один, на волчьей тропе, и печку склал. Затопил, полёживат перед печкой, погревáется. На утро еще сильнее мороз. Барана мороз так пробрал, побежал он в лес, к быку, подбежал к избе.

— Бя! Бя! Бык! Бык! Пусти меня в избу!

— Я тебя звал, ты хотел у хозяина на соломе пролежать.

— Осерчаю, — говорит баран, — все углы распыряю!

Бык подумал, подумал:

— Без углов изба будет холодна... Ну, иди!

Баран вбежал, перед печкой на лавочку лег. Малость погодя, гусь летит.

— Гага́к! Гага́к! Бык, пусти меня в избу!

— Я тебя звал, ты хотел у хозяина на одной ноге стоять — там и стой!

— Мох весь из стен вытереблю!

— Ну, иди и ты.

Гусь прямо на су́дну лавочку в чулан; посиживает. Летит петух.

— Кукурику, бык! Пусти меня в избу!

— Я тебя звал — ты хотел у хозяина на нашестах просидеть... Там и сиди!

— Если не пустишь — с настойки землю всю срою!

— Ну, ступай!

Петух влетел, прямо на брус; сидит на брусу́.

Идут волки, остановились и испугались. Что́ на ихней тропе за изба? Кто в ней живет — не знай. Стали кони́ться кому в нее итти, досталось самому стареющему волку. Волк взошел, встал у порожку. Вот бык как вскочил, скосился, да рогами-то его к стене-то и припер; а баран разбежится, да бац, да бац, его по бокам-то; а гусь-то его все щипком да за зад, весь зад ему в кровь изорвал; а петух бе́гат по брусу да и кричит:

— А вот как да куда́к, да подайте сюда! Здесь у меня ножи́щи, здесь у меня и ужи́щи, здесь я его зарежу, зде́сь я его подвешу!

Вот волк кое-как вырвался и — айда бежать к своим товарищам. К ним подбежал, еще дальше убежал. Они кричат:

— Брат, брат! Постой, постой!

А он бежит, кровью д.....: с испугу его больно пронесло. Остановился волк и стал им рассказывать, что́ с ним было:

— Вошел я в избенку, встал я у порожку, вскочил мужичище, в черным чепани́ще да меня ухватом-то к стене-ти и припер, а поме́не того мужичишка, в сереньком чепанишке, да все меня обухом-то, да по бокам-то! А еще помене того в беленьком камзо́лишке, все меня щипцами да за....-то, а еще помене того, в красненьком халатишке, бегает по брусу да и кричит: «А вот как да кудак, да подайте сюда! Здесь у меня ножи́щи, здесь у меня и ужи́щи, здесь я его зарежу, здесь я его подвешу!» Кабы они меня ему по́дали — он зарезал бы меня там и повесил!

Бросили волки эту со́кму и не стали тут ходить; а те жить в избе остались.

9. Блоха и муха

Жила в деревне блоха, в мае месяце; отправляется блоха в июне месяце в город; встречается блохе муха и говорит:

— Что, барыня блоха, где ты свою жисть провела?
— О, злодейка муха, в несчастной стороне, в деревне.
— Что тебе, барышня, не показалось жить в деревне?
— Время прошло, злодейка.
— Какое же, барышня, время?
— Красна весна прошла. Весной утешение имела, а тепер больна сделалась.
— Отчего больна, скажи?
— Когда была красная весна, я щекотила всех сряду, а тепер пришло теплое лето; в теплом лете мужички усталые; один лег да и задавил меня.
Муха и говорит:
— А что ты в городе найдешь? Я сейчас из городу.
— О, муха, ты дура! Я пойду к барину, я лягу на мягкую постель тут буду кормиться; а как я была в деревне—мужичек-от день-о пожал, а меня, блошеньку, на доске прижал.
Муха и говорит:
— На што он тебя прижал?
— Он, мой батенька, больно устал, а я пойду к барину на мягку постелю. Ну теперь, муха, ты про свое обстоятельство скажи, дл чего в деревню идешь?
— Я в городу-то, барышня, замерла, не емши.
— Нашто поганая? Тебя видно жить-то не пускают?
— Помилуйте, у вас в деревне остается в доме и старый и малый вот у старушки маленьки робятишки, а тут-то мне и хорошо накладет она кашки с молочком, — вот, барышня, я тут половин щица!
— Правда твоя, — говорит блоха, — ступай с богом!

10. Барин и мужик

Жил был мужик; имел у себя много овец. Зимним времене большущая овца объягнилась, и взял он ее с двора в избу, с ягне ночком. Приходит вечер; едет барин, попросился к нему ночевать Подошел под окошко и спрашивает:
— Мужичек, пусти ночевать!
— А не будете ночью озоровать?
— Помилуй! Нам бы только где темну ночку проспать.
— Заезжай, барин!
Взъехал барин с кучером на двор. Кучер убирает лошадей, барин в дом пошел. На барине был огромный волчий тулуп. Взоше в хату, богу помолился, хозяевам поклонился:
— Здорово живете, хозяин с хозяюшкой!
— Добро жаловать, господин!

Сел барин на лавочку. Овца волчий тулуп увидала и глядит на барина; сама глядит, а ногой-то топ, и раз, да и два, да и до трех. Барин говорит:

— А что, мужичек, овца ногой топает?

— Она думает: ты волк; слышит волчий дух. Она у меня волков ловит; вот нынешнюю зиму с десяток пымала.

— Ах, дорого бы я за нее дал! Не продажна ли она? Для дороги мне она хороша.

— Продажна, да дорога́.

— Эх, мужичек, да не дороже денег; у барина хватит.

— Пожалуй, уважить можно.

— А сколько она сто́ит?

— Пять сот рублей.

— Помилуй, много! Возьми три сотенки.

Ну, мужик согласился, продал. Барин ночь переночевал, на зорьке встал и в путь собрался; хозяину три сотенки отдал и овечку взял, посадил в санки и поехал. Едет. Идут встречу три волка.

Вот овца увидала волков, так и прыгает на санях, сама через накле́ску сика́ет. Барин говорит кучеру:

— Надо пускать: вишь она как раззадорилась!.. Сейчас пыма́т. (А она боится).

Кучер и говорит:

— Постой немножечко, сударь, она раззадорится.

Сверста́лись волки с ними ровно. Барин выпустил овцу; овца испугалась волков, в лес полетела, коротким хвостом завертела. Как волки за ней залили́сь, только снег раздува́тся, а кучер за ней собира́тся. Покуда лошадушку выпрягал, в погонь за овцой скакал, волки овцу пымали и шкуру с нее содрали, сами в лес убежали.

Кучер подскакал — овца на боку лежит, а ее шкура содрана лежит. Подъезжает к барину. Барин его спрашивает:

— Не видал ли чего?

— Ах, сударь, хороша овца! Вся изорвалась, а волкам не поддалась!

Мужичек три сотенки получил, сидит теперь, барину сказочки рассказывает, а три сотенки в кармане лежат.

11. Про нужду

Вот как бедный мужичек, в худенькой своей одежёнке, в дрянненькой обувчёнке и работает в мороз, и резко рубит — не нагреется; лицо его от морозу разгорается. И въезжает в селенье барин, и не больше как двое, с кучером, и остановились.

— Бог помочь тебе, мужичек!

— А спасибо же, сударь!

— В какую стужу ты рубишь!

— Эх, сударь, нужда рубит.

Барин этому делу изумлился, спрашивает кучера:

— А что, кучер, какая эта Нужда? Знаешь ли ты ее?

— Я только сейчас, сударь, слышу.

Спрашивает барин мужичка:

— Какая же это, мужичек, Нужда? Охота бы мне ее поглядеть, где она у тебя.

Мужичек и говорит:

— На что тебе, сударь?

— Да охота мне ее поглядеть.

И в то же время в чистом поле, на бугри́не, в зимнем време,[9]как стояла со́ снегом былина.

— А, — сказал мужик, — а вон, сударь, на бугре Нужда стоит. Вон она как от ветру шатается, и никто не догадается.

Барин и говорит:

— Нет ли времечка тебе ее нам указать?

— Пожалуй, можно, сударь.

Сели на тройку лошадей и поехали в чисто поле Нужду глядеть.

Выехали они на бугри́ну и проехали эту были́ну, а другая-то дальше стоит. И указывает мужик рукой:

— А вон, сударь, она в стороне — нам ехать нельзя: снег глубок.

— Покарауль-ка, — сказал барин, — наших тройку лошадей: я схожу погляжу.

Барин слез да и пошел, а кучер-то говорит:

— Да, сударь, возьмите и меня: и мне охота поглядеть.

— Пойдем, кучер!

И полезли по́ снегу два дурака. Эту были́ну пройдут, другую найдут, а еще Нужду не видят.

Вот мужичек-то был не промах, выстегнул ихну тройку лошадей, сел да и полетел. Только они его и видели. И не знают, куды уехал. Вот полазяли по́ снегу два дурака, тут их постигла нужда. Оборотились этим следом, на дорожку вышли, к повозочке подошли, а лошадушек след простыл.

Думали, думали барин с кучером... Что делать? Лошадей-то нет и повозку-то бросить жалко. Говорит барин кучеру:

— Впрягайся-ка, кучер, в корень, а я хотя на пристёжку.

Кучер говорит:

— Нет, вы, барин, посправне, немножко посильне; вы — в корень, я — в пристёжку.

Ну, нечего делать, запрегся барин в корень. Вот и везут да везут; повезут да привстанут.

Этот же мужичек припрятал ихих лошадей, надел одёжку другу и пошел повстречу. И говорит мужик:

— Что это вы, барин, повозку на себе везете?

Барин сердито говорит:

— Уди. Это Нужда везет.

— Какая же это Нужда?
— Ступай вон там в поле, на бугре!
А сам везет, да везет.
До села доехал, лошадей нанял. Приехал домой на троечке, на чужих. Нужду увидал: тройку лошадей потерял.

12. Поп и дьякон

Жил был поп да дьякон. Приход бедный был: не́ во что ни обуться, ни одеться и в голова́ положить нечего. Вот и придумали они, где бы на сапожнишки добиться. Дьякон говорит:
— Дава-ка, поп, я буду воровать, а ты будешь ворожить.
Поп и говорит:
— Чего будешь воровать?
— Лошадей. В лес буду их прятать; ты будешь деньги брать, про лошадей рассказывать.
Вот дьякон пошел ношны́м бытом, троечку спёр и в овраг их отпёр.
— Ну, поп, я троечку спёр и в овраг отвел. Пришлю к тебе мужиков, ты будешь гадать, по черной книге читать, по сотне рублей денег брать. Чур, деньги пополам!
Вот дьякон увидал мужиков, у которых лошадь украл, и рассказал им все.
— Идите к попу: он вам про лошадей погада́т.
Мужики обрадовались, скорёхонько к попу собирались.
— Ох, ты, батюшка, отец духовный, ты видишь свет; не знашь ли, где лошадей наших след?
— Ничего, друзья, не знаю, разве в черну книгу погадаю — все узнаю. Придите на утро́.
Пришли они на утро́, сказал поп:
— Ну, мужички, ваши лошади в лесу; дорогу только я вам не скажу: дайте сотенку рублей!
— Сотенку дадим, только путь-дорогу расскажи, до коней нас доведи!
Мужики сотенку вынимали, алшному попу в руки давали. Сотенку поп взял, про лошадей им рассказал.
— Идите в поле; лошади в рове стоят, аржану соломушку едят.
Мужики в поле пошли и лошадушек нашли. Завтра праздник воскресенье, к обеденке дон-дон. Вот пришли добрые люди к обеденке, стали богу молиться, Христу Спасу поклониться. Обеденка отошла; дьякон лист бумаги берет, нову проповедь читат.
— А послушайте, миряне, что я вам буду читать! У нас приход-от бе-е-дный, корми-и-ться нам не́-че-м; дьякон собирал-ся лошадей во-ро-вать, а попу-то велел во-ро-жить. Слышите ли,

миряне? Не все ли вы с дырами? И спёр дьякон трой-ку ло-ша-де-ей, отвел в о-враг, по-пу-то ска-за-а-л; он в черной книге у-зна-а-л, а с мужиков сотню рублей взя-л и про лошадей рас-сказал...

А поп-то и говорит

— Сказал, ду-р-а-ак, ду-р-а-ак дьякон, не во все лю-ди бя-кай. знай ты да я! И обедня, братие, вся-я!

КОММЕНТАРИИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

К Волге. Посмертное стихотворение. Впервые опубликовано в сборнике «Помочь», 1892 г. (Помечено датой 1 февраля 1883 г.)

В Жегулях. Посмертное стихотворение. Впервые опубликовано в сборнике «Помочь», 1892 г. (Помечено датой 22 января 1883 г.)

Атаман и есаул. Впервые опубликовано в журн. «Волжский вестник», 1883 г., № 5.

В этом стихотворении Садовников использовал популярный в Поволжье сюжет о Разине и разбойнике Уракове. Непосредственным источником послужил текст предания об Ураковом бугре, опубликованный в Саратовских губернских ведомостях, 1859 г., № 3. (Этот текст перепечатан в сборнике А. Н. Минха «Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губ.», 1890 г., и оттуда А. Н. Лозановой в сборнике «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», Академия, 1935 г.)

О распространенности и живучести этого предания в Поволжье говорят позднейшие записи: Б. В. Зайковского (см. его статью «Бугор Стеньки Разина», Саратов, 1907 г.) и Е. Шаповалова (1936 г.). Последняя легенда особенно интересна, так как записана в районе собирательской работы Садовникова — в Жигулях на Молодецком кургане (опубликовано в сборнике М. А. Емельянова «Степан Разин на Волге», Куйбышев, 1939 г.).

В передаче сюжета Садовников близок к своему источнику. В предании подчеркнуты мотивы классовой борьбы (Разин нападает только на богатых) и чародейства (Разина не берут пули). В своем стихотворении Садовников сдержанно, с большим художественным чутьем, пользуется традиционными приемами песенного народного эпоса: параллелизмами («Видать соколенка по напуску, видать подростка по замыслу»), повторениями целого эпизода, смысловых частей слова («полным полно»), одного и того же слова в двух следующих друг за другом стихах («Взял его Ураков в подручники, что в подручники — есаулики»); постоянными эпитетами («Волга-матушка», «удалых добрых молодцев», «посуда мимоезжая» и т. п.); композиционными приемами: контрастностью образов как основой для развертывания сюжета (жадный разбойник Ураков и широкий по натуре, защитник бедноты Разин) и диалогом, движущим развитие действия.

Стихотворение написано белым стихом, с типичным для народного стихосложения ударением на третьем от конца слоге.

Астраханский загул. Стенькина шуба. Суд. Первые два стихотворения впервые опубликованы в журн. «Слово», 1881 г. (февраль). Третье, посмертное, впервые опубликовано по черновым наброскам поэта в журн. «Наше время», 1893 г., № 10.

Все три стихотворения («Астраханский загул», «Стенькина шуба», «Суд»), представляющие собою одну поэтическую трилогию, объединены общим сюже-

том: астраханский загул Разина после его возвращения из персидского похода, вымогательства воеводы, эпизод с шубой и последовавшая за этим жестокая расправа.

В подобном контексте рассказ о шубе, подаренной Разиным воеводе, подробно разработан в народном предании, записанном П. И. Якушкиным (впервые опубликовано под заголовком «Путевые письма из Астраханской губ.» в «Отечественных записках», 1868 г., т. 180) и в хронографе о Разине (опубликовано в журн. «Москвитянин», 1841 г., т. IV, стр. 168). Рассказы о шубе и расправе с воеводой, в качестве отдельных эпизодов и в ином осмыслении, вошли в сказку, записанную Садовниковым (см. сказку 1 нашего сборника). Эпизод с шубой изложен — по хронографу — Н. И. Костомаровым в его монографии «Бунт Стеньки Разина».

В своей трактовке образа Разина (особая подчеркнутость социальных черт: Разин — предводитель голытьбы), в разработке исторических, бытовых и психологических деталей, Садовников почти буквально следует за Н. И. Костомаровым, построившим образ Разина на материалах народного творчества — песнях и преданиях.

Непосредственное воздействие народного предания, а быть может и хронографа, сказалось в мотивировке расправы с воеводой и в подробной разработке вымогательств воеводы (запись Якушкина).

По приемам стиля, по их ритмико-синтаксическому построению все три стихотворения слабо отступают от книжного канона. Они написаны четверостишиями с рифмовкой четных строк. Влияние народной поэзии сказалось главным образом в лексике, близкой народной речи, и в четких концовках стихотворений, как развязке назревшего конфликта. Особенно интересна ироническая концовка стихотворения «Суд»:

Вот так сокол-воевода!
Полетать охота есть,
Полетел, — да, вишь, на горе
Не умеет на́земь сесть! —

в которой использован мотив народного предания в записи самого поэта (см. сказку 1, стр. 66).

Из волжских песен. I. «Приплыл Стенька Разин...» Впервые опубликовано в журн. «Волжский вестник», 1883 г., № 27.

Источником для этого стихотворения послужил поэту текст записанной им в Симбирской губ легенды о разгроме Разина под Симбирском (см. 4). Причину неудачи Разина Садовников дает в интерпретации народной легенды.

Сюжет построен целиком на местном предании и облечен поэтом в песенную форму, близкую по своим приемам к народной. Любопытен прием парных и тройных рифм в наиболее напряженных по действию местах (больше к концу песни). Стихотворение написано трехстопным хореем сплошь на женском стихе.

По размеру и всему построению это стихотворение чрезвычайно близко к стихотворению Пушкина из его цикла песен о Стеньке Разине: «Ходил Стенька Разин — в Астрахань город...» (сюжет стихотворения — популярный эпизод с шубой). Не исключена возможность непосредственного влияния на Садовникова этого песенного опыта Пушкина.

II. **В остроге**. Впервые опубликовано в журн. «Волжский вестник», 1883 г., № 27.

В этом стихотворении Садовников использовал один из популярнейших мотивов народных преданий и песен — чародейство Разина и его чудесное бегство из острога.

Близка к сюжету стихотворения запись П. И. Якушкина (см. сб. Лозановой, № 43, стр. 111).

Тот же мотив — в сказке Садовникова (см. 1) и в песнях о «девке-астраханке» (см. Киреевский, Песни, стр. 141—143). Стихотворение написано четырехстопным хореем, четверостишиями. Любопытен прием объединения в строфе трех смежных

СТЕНЬКА РАЗИН.

Из-за острова на стрежень
На простор речной волны
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны

На переднем Стенька Разин
Обнявшись с своей княжной
Свадьбу новую справляет,
И разгульный, и хмельной

А она, потупя очи,
Ни жива и ни мертва,
Молча слушает хмельные
Атамановы слова

Позади их слышен ропот
„Нас на бабу променял,
Целу ночь с ней провозился
Сам на утро бабой стал"

Этот ропот и насмешки
Слышит грозный атаман
И могучею рукою
Персиянки обнял стан

Страшной бурею сверкнули
Атамановы глаза
Брови черные сошлися—
Надвигается гроза

„Эх ты, Волга, мать родная
„Волга, матушка река,
„Не видала, знать, подарка
„Ты от Стеньки, казака!

„Все отдам, не пожалею
„Буйну голову отдам",—
Раздается голос властный
По окрестным берегам

„И чтоб не было раздора
„Между вольными людьми
„Волга, Волга, мать родная
„На ж красавицу, прими"

Мощным взмахом подымает
Он красавицу-княжну
И не глядя прочь бросает
В набежавшую волну

Что ж вы, братцы, приуныли?
„Эй ты, Филька, чорт, пляши!
„Грянем песню удалую
„На помин ее души

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выбегают расписные
Стеньки Разина челны

Хромолитография с оригинала художника Б. М. Кустодиева.

Фото Гос. литературного музея.

рифм, причем первый стих в строфе остается нерифмованным. Такой прием мы встречаем в народной песне, но последовательное применение его на всем протяжении песни является уже моментом стилизации.

В Жегули! Посмертное стихотворение. Впервые опубликовано по черновикам Д. Н. Садовникова в журн. «Наше время», 1893 г., № 6.

«Из-за острова на стрежень». Впервые опубликовано в журн. «Волжский вестник», 1883 г., № 12, под заголовком «Из волжских песен».

Сюжет стихотворения — рассказ о персидской княжне, брошенной Разиным в Волгу, — отголосок предания, впервые рассказанного иностранцем Стрейсом. Никаких документальных данных об этом факте не сохранилось. В устной передаче мы встречаем его в записи П. И. Якушкина и как слабый отголосок — в сказке, записанной Садовниковым (см. 1).

В своем стихотворении Садовников следует Н. И. Костомарову, изложившему это предание в своей монографии «Бунт Стеньки Разина» по Стрейсу. Это сказывается на подробностях разработки сюжета: у Садовникова, как и у Костомарова, действие происходит на струге на середине реки, а не в казачьем круге, как записано Якушкиным.

Стихотворение Садовникова, написанное четырехстопным хореем, сделалось одной из популярнейших русских народных песен. В устной передаче оно бытует уже с начала 90-х годов, о чем имеется ряд свидетельств.

По словам бывшего рабочего-прядильщика фабрики «Красный перевал» (Ярославль) Л. И. Месевича, в 1895 г. в Ярославле солдаты разыгрывали «Стеньку Разина»: с песней «Из-за острова на стрежень» они выезжали на лодках и бросали «красавицу» в Волгу. Живую девушку заменяло чучело. (Запись наша. — Архив Государственного литературного музея.)

Влияние сюжета песни «Из-за острова на стрежень» сказалось на заключительном эпизоде одного из вариантов народной драмы «Черный ворон». Выходит атаман и говорит:

Подарим, подарим Волгу-матушку
Не золотой казной, а красной девицей,
Красной девицей, полюбовницей,
Атаманскою все разбойницей.

Разбойники бросают девушку в Волгу (на пол), все вскакивают с мест и поют:

Что ж вы, черти, приуныли,
А ты, Фролка, чорт, пляши,
Грянем, братцы, удалую
На помин ее души.
(Все пляшут.)

Народная драма «Черный ворон», по свидетельству А. Ф. Кандеева, бывшего прядильщика фабрики «Пролетарка» (г. Калинин), бытовала на текстильных фабриках Твери в 90-х годах. (Запись наша. — Архив Государственного литературного музея).

Начиная с 1913 г., песня «Из-за острова на стрежень» появляется в лубочных песенниках, что особенно содействует ее популяризации. Однако в песенники вошел не авторский текст стихотворения, а его народная переделка.

Стихотворение Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень» публикуется в песенниках и значительно раньше, но не как самостоятельное произведение, а в тексте стихотворения не выясненного нами автора «Жертва Волги» (см. песенники: «Молодой матрос», изд. Холмушиных, 1901 г., «Вниз по матушке по Волге», 1908 и 1910 гг., «Не гулял с кистенем», 1913 г. и др.).

Текст стихотворения «Из-за острова на стрежень», механически соединенный с стихотворением «Жертва Волги», еще дальше отступает от текста Садовникова, чем народная его переделка; он полон чисто механических искажений. Трудно допустить, чтобы такая бездарная переработка могла явиться источником для народной песни, тем более, что мы не встречали ни одного устного варианта этой

песни, который бы заключал в себе хоть одну строфу стихотворения «Жертва Волги». Вернее, что автор данного стихотворения сам воспользовался народной переделкой стихотворения Садовникова, исказив ее.

Тексты устной передачи (наиболее раниая из известных нам записей —1907 г.) на три строфы короче текста Садовникова. Слова: «Ничего не пожалею, буйну голову отдам...» обращены в народной переделке не к красавице-княжне, а к Волге, что совершенно меняет их смысл. Эпитет «пьяный атаман» заменен в народной переделке «грозный атаман». Все это указывает на творческий характер народной переделки.

В народный лубок песня проникла уже в советское время. В 1923 г. вышла первым изданием хромолитография с оригинала художника Б. М. Кустодиева. На ней изображены Разин с княжной на струге среди Волги. Под картинкой — текст стихотворения. В 1925 г. вышло ее второе издание. По сообщению знатока народного лубка С. А. Клепикова, просмотревшего громадные собрания Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина и Государственного литературного музея, более ранних лубочных изданий на этот сюжет не обнаружено.

Песня «Из-за острова на стрежень» до сих пор остается одной из любимейших песен молодежи.

Настасьина могила. Впервые опубликовано в журн. «Русская мысль», 1881 г., кн. X (с пометкой: «Волжское предание, посвящается В. М. Максимову»).

В этом стихотворении Садовников использовал в качестве сюжета народное предание, опубликованное им в очерке «Бугор Стеньки Разина» («Нива», 1875 г., № 11). К сожалению, поэт не указывает, откуда оно им заимствовано, и дает его не в точном тексте, а в пересказе.

Зазноба. Впервые опубликовано в журн. «Русская мысль», 1882 г., кн. III.

Сюжет в целом не имеет полной аналогии в устной традиции, но мотив любовных похождений Разина — один из популярнейших в народных преданиях. Так, например, в сказке, записанной Садовниковым (см. 1), рассказывается о ряде подобных приключений: «перва встреча» с Евфросиньей, похищение купеческой дочери Марии Федоровны, прекрасной королевы Елены из Персии и др.; в предании, записанном в 50-х годах Железновым (известным историком и этнографом уральского казачества), рассказывается о пленной девице и с большой силой изображается страстная натура Разина: «Ее, — говорит Разин, — никому ни за какие тысячи не уступлю, за нее, говорит, самого чорта в бараний рог согну! А другой кто и не суйся лучше: всякого иного в лапшу искрошу, в муку измелю».

В своем изображении бесшабашной, «неуемной» натуры, человека сильных страстей поэт верен народному образу Разина. Верно схваченный образ любимого героя, любовная тематика, песенный размер стихотворения (хорей) способствовали популярности его в народной среде. Подвергнувшись значительной переработке, «Зазноба» Садовникова вошла в песенный репертуар народных масс.

Трудно с точностью определить время, пути перехода и степень распространенности этой песни в народном быту, так как мы располагаем небольшим количеством случайных фольклорных записей и далеко недостаточно выяснена история проникновения стихотворения Садовникова в народный лубок и песенники. Первое издание лубочной картинки с текстом стихотворения Садовникова «Зазноба» вышло в 1901 г. Текст лубка по сравнению с авторским дан в значительном сокращении (8 строф вместо 20 у Садовникова). Сокращение идет за счет большей лаконичности: опущены строфы, изображающие любовную тревогу Алены; два посещения Разина сжаты в лубке в одно, опущены все подробности вторичной встречи. В сохраненных лубком строфах текстуальных изменений немного (замена четырех слов в двух последних строфах).

В лубочных песенниках стихотворение «Зазноба» шло обычно под заглавием «Астраханский купец» (см. песенники: Новый русский песенник «Ямщик», 1904 г., «Ухарь-купец и веревочка», 1905 г., «Ах, зачем эта ночь», 1909 г.). В песенниках воспроизведены те же строфы стихотворения, что и в лубке, но с большим количеством чисто механических искажений. Особенно часты случаи перемещений отдельных строк, искажающих смысл текста.

Любопытна граммофонная запись «Зазнобы» под названием «Любовь Стеньки Разина» в исполнении хора Ф. П. Павлова (начало 900-х годов). В ней сохранено 4 куплета стихотворения.

Устные народные варианты известны нам по записям в Ярославской, Саратовской, Калининской, Куйбышевской и Тульской областях. Все эти записи — позднейшего, пореволюционного времени. Большинство устных вариантов заключает в себе те же строфы авторского текста, что и лубочные издания, и, повидимому, может быть возведено к лубку, как непосредственному своему источнику. Однако есть народные варианты, содержащие в себе строфы, опущенные лубком и песенниками. См., например, приводимый нами текст, записанный в Ярославле от А. Е. Петровой, 73 лет, бывшей работницы фабрики «Красный Перекоп».

По словам певицы, она усвоила эту песню еще в деревне, откуда выехала в девятнадцатилетнем возрасте, т. е. примерно в конце 80-х, начале 90-х годов.

Мимо саду городского,
Мимо барскиех хором
Проторил злодей дорожку,
Стенька Разин атаман.

Стенька ходит, речь заводит,
Не скупится на слова,
У Елены сердце ноет,
Не плетутся кружева.

Кажный вечер ходил Стенька,
Переряженный купцом,
Он влюбился во Елену,
Чужемужнюю жену.

У Елены муж торговый
За бутылкой счет ведет,
А жена его Елена
Тонко кружево плетет.

Стенька ходит, речь заводит,
Не скупится на слова,
У Елены сердце ноет,
Не плетутся кружева.

«Если люб я тебе, не люб,
Говори мне напрямки,
Не удержут ретивое
Ни запоры, ни замки.

Скоро в Астрахань поеду,
Губернатора убью,
А тебе, моя милая,
Я подарков привезу».

«Что ты делашь, плут разбойник!
Муж услышит, закричит!»
«Не боюсь твово я мужа,
Пущай лучше замолчит!

А молчать твой муж не будет,
Голова долой слетит!»

Хромолитография (1901 г.)

Фото Гос. литературного музея.

(Архив Ярославской экспедиции 1938 г., Государственный литературный музей). По сравнению с лубком А. Е. Петрова сохранила одну лишнюю строфу авторского текста:

Что ты делашь, плут разбойник!
Муж услышит, закричит!..

Следовательно, ей был известен какой-то более полный текст стихотворения Садовникова, чем публиковавшиеся в лубке и песенниках. Изменения текста в народных вариантах более органичны, творчески смелы. Например, вместо строк Садовникова «Муж сидит в ряду гостином — да алтынам счет ведет», в варианте Петровой: «У Елены муж торговый за бутылкой счет ведет». Или вместо: «Ходит Стенька кажный вечер» (Садовников) в варианте Петровой: «Проторил злодей дорожку» и т. д.

Любопытно упоминание губернатора (особенность данного варианта), это отголосок народных песен о расправе Разина с астраханским воеводой.

Песня опускает все историзмы автора. Поэт в кратких, но типических чертах стремится передать изображаемую им эпоху; певец, наоборот, переносит те действия в окружающую его обстановку, более ему близкую и понятную: «городской посад» и «рубленые хоромы» заменены в песне «городским садом» и «барскими хоромами».

Своеобразную переработку стихотворения представляет текст, записанный фольклористкой С. С. Жислиной в 1938 г. в Ясной Поляне, Тульской области, от Т. Я. Макаровой, 70 лет (ее как певицу знал и ценил Л. Н. Толстой). Содержание песни переработано в духе популярных разбойничьих легенд: не любовная встреча, а похищение молодицы, муж остается с младенцем на руках.

Полонянка. Впервые опубликовано в журн. «Огонек», 1880 г., № 11. Тематика стихотворения, его сюжет — неудачная любовь разбойника, месть полоненной девицы — общее место народных разбойничьих преданий и лубочной разбойничьей литературы. Под влиянием этой последней сложилась романическая ситуация народной драмы под названием «Лодка», «Черный ворон», «Шайка разбойников».

Интерес народа к разбойничьей тематике объясняется не одной лишь литературной традицией, но и фактами реальной действительности. Еще в первой половине XIX в. разбойничество в России было явлением повсеместным и бытовым, случаи похищения девиц и молодых женщин были не редки, — об этом существует много народных рассказов реалистического типа (побывальщин).

Выбор этого сюжета Садовниковым указывает на большое чутье поэта, его уменье подмечать типовое в быту и творчестве народа.

Стихотворение написано обычными приемами книжной поэзии.

Усолка. Впервые опубликовано в журн. «Семья и школа», 1873 г., № 9.

«Усолка» — одно из самых ранних по времени появления в печати стихотворений Садовникова. Оно возникло в результате его основательного знакомства с исторической литературой о Жигулях и Самарской Луке и собственных путевых наблюдений. Большой бытовой материал дали поэту местные народные предания. В них рассказывается о тревожных временах постоянных набегов на Усолье ногайцев. Жители спасались в болотах, на островках. Один из таких островков носил, по преданию, название «Жилой поляны». С появлением врага поднимался мост, и жители скрывались на острове. Самарская Лука была постоянно на военном положении, с вершин курганов передавались вести с помощью зажженного дерева.

«Усольские предания о тех временах, — пишет Садовников, — сложились даже в одну довольно оригинальную повесть о старухе-богатырше, которая как бы олицетворяет собой коллективную храбрость населения соленого городка». Это предание и послужило источником для стихотворения Садовникова.

Место, на котором, по преданию, происходила битва, лежит недалеко от Усолья и до сих пор носит название «Сечи».

Богатырь девка. Впервые опубликовано в журн. «Живописное обозрение», 1883 г., приложение. Печатается по изданию Терновского.

Непосредственный источник стихотворения нами не выяснен. Садовников определяет его как нижегородское предание. Близко стоит к «богатырю-девке» Садовникова образ «девушки-чернавушки» в былине новгородского цикла «Василий Буслаевич».

Генезис былинного образа «девушки-чернавушки» в научной литературе не выяснен, возможно, что источник его тот же, что и нижегородского сказания о девушке с коромыслом в руке, отогнавшей от родного города татарскую рать. Любопытно, что в Новгородской летописи под 1418 г. рассказывается об участии в народной распре женщины. «Бяше же и се дивно .. жена некая, отвергши женьскую немощи, вземши мужскую крепость, выскочив же посреди сонмища, даст ему (боярину Даниле. — В. К.) раны, укоряющи его, яко неистова, глаголющи, яко обидима есми имь».[1]

Стрела. Публикуется по изданию Терновского.

Источником для этого стихотворения послужило татарское предание о временах покорения Сибири Ермаком. Хан Кучум узнал, что к нему в гости идут русские люди и несут с собой такие стрелы, от которых гром слышен и спастись ничем нельзя. Кучум посылает татарина в казачий стан и велит что-нибудь принести в доказательство, что казаки спят.

Это предание, изложенное Садовниковым в его книге «Наши землепроходцы» (Рассказы о заселении Сибири, 1581—1712, изд. 1874 г.), легло в основу его стихотворения «Стрела». Тема стихотворения — отвага и мужество молодого татарина, презрение к ханскому деспотизму — характерно для Садовникова с его симпатией к сильным, независимым характерам.

Попутный ветер (народная сказка). Впервые опубликовано в журн. «Вестник Европы», 1876 г., кн. 2, и снабжено следующим примечанием поэта: «Темой послужил сильно измененный вариант древней сказки: «О драчливой жене и смирном мужике» (см. Афанасьев, Народные русские сказки, первое изд.). Полное отсутствие всякой мифической обстановки указывает на позднее происхождение этого варианта, слышанного нами в Ставропольском уезде, Самарской губернии, село Озерки».

В этом произведении Садовниковым использовано два источника: слышанная им сказка (к сожалению, оставшаяся неопубликованной), более древний вариант которой по указанию поэта представлен сборником Афанасьева (№ 108), и рассказ о царе Соломоне из рукописной повести начала XVIII в. (опубликовано Н. С. Тихонравовым в «Летописях русской литературы и древностей», 1862 г., т. IV, стр. 147). В варианте Афанасьева (см. также у Ончукова под № 111) рассказывается, как старик, у которого ветер раздул муку, по настоянию жадной старухи идет судиться с ветром и получает «чудесную коробочку» (у Ончукова «чудесный боченок»), доставляющую старикам все, что нужно; коробочка похищена барином, старик получает от ветра второй подарок — бочку, избивающую похитителей; с помощью ее старик возвращает себе первый подарок.

Поэт воспользовался лишь общей темой народной сказки — суд с ветром; разработка же данного сюжета подсказана ему другим источником — апокрифическим рассказом о царе Соломоне: баба жалуется Соломону на ветер, развеявший ее муку.

Афанасьев, печатая свою сказку, делает ссылку на текст Тихонравова, так что он не мог остаться неизвестным Садовникову.

Садовников, следуя сюжету апокрифа, историзирует его: он переносит место действия в Москву XVI в.: старуха со своей жалобой на ветер предстает суду царя Ивана Грозного. Садовников вводит в свое произведение новое лицо — солдата («служивый», «видно, что дока»), как известно, излюбленный персонаж народной сказки. Солдат советует старухе, минуя подьячих и дьяков, итти прямо

---

[1] Б. Соколов, Былины, 1918 г., стр. 217.

на суд к царю. Эта идея, выраженная в произведении Садовникова устами солдата, имеет основание в народной тенденции к идеализации образа Ивана Грозного. Народ видел в Грозном царя, ведущего ожесточенную борьбу против бояр, а следовательно защитника народных интересов. Таков образ Грозного в исторических песнях, так же он дан и в исторических сказках и легендах.[1]

Садовниковым записана любопытная легенда, демократизирующая образ Грозного и как бы объясняющая и оправдывающая его жестокое обращение с боярами.

«Прежде ка́к на Руси царей выбирали: умрет царь — сейчас весь народ на реку идет и свечи в руках держит. Опустят эти свечи в воду, потом вынут, у кого загорится, тот и царь.

У одного барина был крепостной человек Иван. Подходит время выбирать, барин и говорит ему:

— Иван! Пойдем на реку, когда я царем стану, так тебе вольную дам, куда хочешь, туда и иди!

А Иван ему на это:

— Коли я, барин, в цари угожу, так тебе беспременно голову срублю!

Пошли через реку, опустили свечи, у Ивана свеча и загорись... Стал Иван царем, вспомнил свое обещание, барину голову срубил. Вот с той поры за это его Грозным и прозвали». (Записано в г. Симбирске со слов П. С. Полуэктова, опубликовано в журн. «Русская старина», 1876 г., февраль, стр. 470.)

В отличие от апокрифического рассказа Садовников выносит окончательный суд над ветром не устами царя, а ребенка (царева сына), заменившего собою апокрифического мудреца.

«Попутный ветер» — одно из ранних произведений Д. Н. Садовникова. По своей форме эта литературная сказка далека от приемов народной поэтики, она написана по всем правилам литературного искусства: с изменяющимся ритмом, выдержанной строфикой, звонкой перекрестной рифмой.

Кума. Посмертное произведение. Впервые опубликовано в журн. «Исторический вестник», 1892 г., № 1 (стр. 45—63), с предисловием Ап. Коринфского (помечено датой 9/X 1882 г.).

Непосредственный источник произведения неизвестен. Центральный образ поэмы — «кумы, красавицы-вдовы», содержательницы постоялого двора «на перевозе за Око́ю», — несомненно навеян народным творчеством. Близкий образ мы имеем в записанном Д. Н. Садовниковым замечательном симбирском предании о Марине-русалке (см. 29). Близка к поэме и общая ситуация предания — всепоглощающая любовная страсть, влекущая героев к гибели.

На сюжете «Кумы» популярным в свое время драматургом И. В. Шпажинским написана трагедия «Чародейка», по которой им же составлено либретто для оперы Чайковского «Чародейка».

Волжские эскизы. Посмертные стихотворения, впервые опубликованные в сборнике «Помочь», 1892 г.

Молодецкий курган. Посмертное стихотворение. Впервые опубликовано в журн «Наше время», 1892 г., № 24.

Макарья старый монастырь. Посмертное стихотворение. Впервые опубликовано в журн. «Наше время», 1892 г., № 2.

Мелькают пятна от рыбалок... Посмертное стихотворение. Впервые опубликовано в журн. «Наше время», 1892 г., № 2. Печатается по изданию 1906 г.

Струится зыбкая дорожка по реке... Посмертное стихотворение. Впервые опубликовано в журн. «Наше время», 1892 г., № 2.

---

[1] Ю. М. Соколов, Русский фольклор, Учпедгиз, 1938 г., стр. 263—267; А. Н. Веселовский, Сказки об Иване Грозном, журн. «Древняя и новая Россия», 1876 г., № 4.

Все блекнет, все голо вокруг... Печатается по изданию 1906 г.

Родная река. Печатается по изданию 1906 г.

Жегулевские клады. Печатается по изданию 1906 г.

ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ ПОВОЛЖЬЯ

1—8. Предания и легенды о Разине представляют, по утверждению Садовникова, наиболее старый слой в разбойничьем фольклоре Самарской Луки. В этнографических очерках Садовникова разбросано много любопытных сведений о живом бытовании и популярности легенд о Разине. «Много бугров с его именем,— пишет Садовников, — разбросаны по реке, много разных городков носит прозванье Стенькиных. Какая-нибудь большая пещера, что в Жегулях не редкость, непременно Стенькина».[1] Одну из таких пещер, недалеко от Бахиловой поляны (место, где, по преданию, стоял Разин после своего симбирского поражения), Садовников подробно описывает. [2]

Много преданий существует также про «Стенькины ходы», один из них, прорытый подо всю Луку, задуман якобы Разиным с целью одновременного появления в двух совершенно противоположных пунктах. По народным преданиям, знаменитый атаман подолгу живал в Жигулях.

Записи Садовникова о Разине носят характер местных преданий, с ярким отображением торговой жизни на Волге, бурлачества и бытового уклада вольной разбойничьей жизни. Во всех этих рассказах отсутствует реальное историческое содержание — походы Разина, казачья среда с ее взаимоотношениями, участие в его отрядах бедноты и т. д.

Взятие Разиным ряда приволжских городов хотя и находит свой отголосок в народных преданиях, но социальная сущность движения затушевана. Над образом Разина — защитника бедноты и мстителя — превалирует Разин — атаман разбойничьей ватаги, чародей-кудесник. Народ изображает Разина бесстрашным и смелым, рисует его удаль, его дерзкое молодечество. Фантастический элемент только подчеркивает силу и величие атамана.

1. Напечатано в сборнике Д. Н. Садовникова «Сказки и предания Самарского края», 1884 г., под № 110-а, без указания места и лица, от которого запись произведена.

Прекрасный разбор этой сказки сделан А. Н. Лозановой в ее комментариях к сборнику «Песни и сказания о Разине и Пугачеве» (стр. 372—373). Мы базируемся на произведенных ею выводах. В целом произведение дано в плане фантастических рассказов о разбойниках: воспитание и жизнь Разина в шайке разбойников, многочисленные убийства, ограбления купеческих домов, магазинов, обычай «первой встречи» и др. По стилистическим приемам: ритмике повествования, вступительной сказочной формуле, а также отдельным эпизодам (мальчик Разин идет по запрещенной дороге, его победа над чудовищем Волкодиром, в брюхе которого он находит волшебный камень, и т. д.)—произведение близко к волшебной сказке и может быть определено этим жанром. Отголоски исторических событий вошли в сказку в виде отдельных эпизодов, приключений героя: расправа с губернатором и архиереем, отдельные штрихи похода в Персию, плавание по Каспийскому морю и Волге. Эпизод с шубой (см. наше примечание к трилогии Садовникова), подаренной Разиным астраханскому воеводе, дан в новом осмыслении: шубу крадет и прячет есаул Абсалямка; Разин раскрывает обман есаула и отнимает шубу.

В сказку вошли основные мотивы чародейства: плавание на кошме, епанче, чудесное избавление от оков, лодка, начертанная на земле мелом, и т. д. и ряд песенных сюжетов: «о сынке», «о девке-астраханке», предающей Разина в руки

---

[1] «Жегули и Усолье на Волге», журн. «Беседа», 1872 г., № 11.

[2] «Из летней поездки по Волге», журн. «Век», 1883 г., кн. 1.

властей, а также отголосок легенды о Разине — великом грешнике. (Его тень бродит по свету и ждет, когда над ней скажут: «Вечная память».)

Чрезвычайно интересны отголоски пугачевщины: сын Разина Афанасий сообщает, что он взял Ленбург (Пугачев под Оренбургом) и Пермь.

2. Напечатано за подписью Садовникова в журн. «Русская старина» (апрель 1876 г.) с примечанием: «Это предание чуть ли не единственное, сохранившееся у местных жителей, — про осаду Симбирска Разиным. В нем есть доля исторической правды».

3. Записано Садовниковым в с. Новиковке, б. Самарской губернии, Ставропольского уезда; напечатано в его сборнике под № 110-б (стр. 346).

4. Напечатано там же (под № 110-в) без указания места и лица, от которого запись произведена.

В последних двух легендах (3—4) отразилось роковое для Разина событие — поражение его под Симбирском. Религиозная интерпретация этого события объясняется, повидимому, формированием подобных легенд в раскольничьей среде, где личность Разина пользовалась несомненной популярностью. Широкое участие раскольников в разинском движении общеизвестно; после разгрома движения раскол принимает небывалые размеры, в него уходят широкие слои отчаявшегося в своих надеждах крестьянства. Под влиянием покаянно-мистических настроений, свойственных религиозной психике, и оформились многие предания разинского цикла (см. также легенду 8, о Разине — кающемся грешнике).

Подобные представления несомненно поддерживались также воспоминаниями о церковном проклятии Разина и его сподвижников, последовавшем вскоре после симбирского поражения, и ежегодным анафематствованием Разина с церковного амвона.

5. Записано Садовниковым в Симбирске от П. С. Полуэктова и напечатано в его сборнике под № 110-г.

Предание оформлено в плане разбойничьих легенд, например, любопытно типичное для разбойничьего фольклора выражение «вода» (предупреждение об опасности) Интересную параллель мы встречаем в народной драме «Шайка разбойников»:

Есаул кричит:

Атаман, не пей, — беда!
Вода подмыла берега!

Выскакивает противник — разбойник Чуркин и сражается с атаманом. (Записано нами в 1938 г. на фабрике «Красный Перевал», г. Ярославль. — Архив Государственного литературного музея.)

6. Напечатано в сборнике Садовникова под № 110-д с пометкой: «Слышал от А. В. Чегодаева в Симбирске».

7. Записано Садовниковым в Симбирске, напечатано в его сборнике под № 110-ж.

8 Напечатано в статье Садовникова «Жегули и Усолье на Волге» (журн. «Беседа», 1872 г., № 11) с следующим примечанием: «Здесь у места рассказать о нем (Разине. — В. К.) одно интересное предание, имеющее прямую связь с Жегулевскими горами. Я услыхал его нечаянно в день отъезда. Оно было когда-то записано все в тетрадку, потом ходило по рукам, затерялось, и подробности улетучились из памяти рассказчика. Тем не менее основа уцелела».

Легенды о Разине — великом грешнике, кающемся в своих грехах, относятся к группе рассказов религиозно-мистического содержания, распространенных главным образом в раскольничьей среде.

Сообщая свое предание, Садовников замечает: «Взгляд на Разина, как на страшного грешника, вовсе не общий взгляд всего народа. Предание, сложенное, по всей вероятности, волжскими бурлаками старых времен, прошло через руки людей набожных, а так как главный процент их в расколе, то влиянием последнего и объясняется такой односторонний взгляд русского человека на Стеньку...»

Интересно упоминание о кладовой записи, приписываемой Разину. Подобные

письма встречаются часто и носят на себе яркие следы их многократного переписывания; на это указывает и Садовников в своем примечании.

Упоминаемый в предании «Петров крест» — корень травы; его, по народному поверью, отыскивают между заутреней и обедней под Ивана-Купалу, он имеет вид наперсного креста и приносит счастье. (См. об этом у А. Н. Минха: «Народные обычаи, обряды и суеверия крестьян Саратовской губернии», 1890 г.) Близкий к публикуемой нами легенде вариант записан в Среднем Поволжье и опубликован в статье Н. Я. Аристова «Предания о кладах» в «Записках Русского географического общества по отд. этнографии», т. I, 1867 г., стр. 732—733; перепечатан в сборнике А. Н. Лозановой под № 54.

9—11. Предания о Пугачеве по сравнению с разинским циклом более конкретны и историчны. Пугачев изображается в них грозным мстителем помещикам и дворянам, предания ярко отражают классовую ненависть обеих сторон. Особенно интересен рассказ о жестокой расправе помещика со своим дворовым Фомой, бывшим пугачевцем (см. 11).

9. Записано Садовниковым в с. Старое Урайкино, Ставропольского уезда, Самарской губернии. Напечатано в его сборнике под № 115.

10. Опубликовано с пометкой: «Сообщил Дм. Садовников» в журн. «Русская старина», 1876 г., кн. 4.

11. Опубликовано с пометкой: «Сообщил Дм. Садовников» в журн. «Русская старина», 1876 г., кн. 9.

12—17. Предания о разбойниках отражают факты из жизни Поволжья. Еще в первой половине XIX в., почти вплоть до освобождения крестьян, разбои на Волге были явлением повсеместным и бытовым; в них нашел свое выражение социальный протест угнетенных народных масс.

В записях Садовникова имеются две группы преданий о главарях разбойничьих шаек. По одной из них (см. 13 и 14) — это люди героической складки, защитники бедноты, грозные мстители угнетателям. Народ с большим сочувствием рисует их бесшабашность, разгульную широкую жизнь. Этот типовой образ «благородного разбойника» чрезвычайно распространен в русском фольклоре (См., например, сборники: «Легенды и были», Сказания алтайских мастеровых, Новосибирск, 1938 г., «Сказки, песни, частушки», под ред. Е. М. Блиновой, Челябинск, 1937 г.; Н. Л. Бродский, «К воле», 1911 г.; предания Московской области о разбойнике Чуркине; ярославские предания о разбойнике Карелине и ряд др.— Архив Государственного литературного музея).

Другая группа преданий запечатлела тип разбойника в прямом смысле слова. Образ этот лишен героического ореола, в действиях разбойника нет и намека на какую-нибудь социальную идею, они ставятся в один ряд с обыкновенными преступлениями (см. 15).

12—13. Записано Садовниковым в Симбирске, напечатано в его сборнике под № 111-е и 111-з.

14. Напечатано в сборнике Садовникова под № 111-ж с пометкой: «Сообщил М. И. Извозчиков». (М. И. Извозчиков — симбирский мещанин, записавший свои рассказы частью от матери, частью от других лиц.).

Типичен сюжет предания: ограбление разбойниками судна при отсутствии всякого сопротивления со стороны бурлаков. Подобные предания чрезвычайно устойчивы в Поволжье. См. аналогичные рассказы, записанные в Жигулях уже в наше время местным краеведом М. А. Емельяновым (сборник «Волжский фольклор», Москва, 1937 г., № 22—24 и сборник М. А. Емельянова «Степан Разин на Волге», Куйбышев, 1939 г., № 18 и 20).

Бурлаки — этот неимущий, обремененный непосильным кабальным трудом люд — зачастую оказывались и прямыми соучастниками разбойничьих шаек. По сообщению Садовникова, в памяти стариков, ранее бурлачивших на Волге, сохранилось об этом не мало рассказов: «Драли немилосердно какого-нибудь водолива или приказчика за прошлые провинности при общем хохоте довольных бурлаков. Последние в случае дурной расплаты хозяина получали часто вдвое

против следуемого от разбойников» (Д. Н. Садовников, «Жегули и Усолье на Волге»).

15. Записано Садовниковым в Симбирске от П. С. Полуэктова, напечатано в сборнике Садовникова под № 111-з, стр. 355.

16. Записано Садовниковым в с. Новиковка, Ставропольского уезда, Самарской губернии, напечатано в его сборнике под № 111-б.

17. Записано Садовниковым в Симбирске, напечатано в его сборнике под № 111-ж. По замечанию Садовникова, это предание относится уже к времени упадка разбоев на Волге; содержанием его послужил рассказ о поимке разбойника земской полицией. Характерным является то, что сочувствие рассказчика далеко уже не на стороне разбойников.

18. Записано Садовниковым в Симбирске, напечатано в его сборнике под № 121. Предание чрезвычайно любопытно. В образе сильного богатыря Никитушки Ломова опоэтизирован волжский бурлак («вольный низовой бурлак»). Предание сложено несомненно в бурлацкой среде. Это не единичный факт. На творческую роль бурлацкой среды, как носительницы фольклора (сказок), указывают многие исследователи (Ончуков, Зеленин, Азадовский). Записи Садовникова и его наблюдения дают в этом отношении ценнейший материал. Записанные им предания о подвигах волжской вольницы, легенды о кладах и урочищах, фольклор о Разине носят явные следы прохождения их через бурлацкую среду.

Садовников сообщает интереснейший рассказ об одном старике-бурлаке, которому перешло чуть ли не за сто лет. «Он до смерти любил петь свои песни, тоскуя по временам о работе и вспоминая о Волге, «про славны горы Жегулевские», он дома захлестывал лямку за что придется, перекидывал ее через плечо и пел свои песни одну за другой, пока не истощался весь запас» (Д. Н. Садовников, «Жегули и Усолье на Волге»).

19—22. **Побывальщины о постоялых дворах** имеют свой устойчивый комплекс сюжетов и образов. Общей ситуацией в этих рассказах являются: постоялый двор, как разбойничье место, постояльцы в опасности, избавление от смерти либо путем хитрости (перемена места), либо путем богатырской силы (один расправляется со многими), либо путем «чудесного» вмешательства. Персонажи: хозяева-разбойники, барыня или барин, хитрый или наделенный большой физической силой работник. Рассказы эти в большинстве случаев коротенькие, с вполне законченным сюжетом, язык их лаконичен. Для них типична концовка-сентенция («не бойся, все в сохранности будет: своих гостей мы не трогаем и другим в обиду не даем») или общий вывод из создавшейся ситуации («он и покаялся в грехе. «Проучили», — говорит». — См. 20).

19—20. Записаны Садовниковым от Абрама Новопольцева в с. Новиковке; напечатаны в сборнике Садовникова под № 108-б и 108-в.

21. Записано Садовниковым в Симбирске; напечатано в его сборнике под №108-д.

22. Записано Садовниковым в Симбирске от П. С. Полуэктова; напечатано в сборнике Садовникова под № 108-е.

23—25. Легенды о кладах составляют неотъемлемую часть разбойничьего фольклора, бытование их повсеместно. Симбирская губерния, по утверждению Садовникова, особенно богата кладами. Клады обставлены в народной фантазии тяжелыми заклятиями; происхождение их приписывают чуть ли не всем разбойникам, не знавшим, куда девать свои деньги. Много кладов связано с преданиями и о Степане Разине (см. сборник А. Н. Лозановой, № 53—57).

23. Записано Садовниковым в Симбирске от Г. Н. Потанина, напечатано в сборнике Садовникова под № 112-а.

24. Напечатано в сборнике Д. Н. Садовникова под № 112-ж, без указания места и лица, от которого запись произведена.

25. Сообщил М. И. Извозчиков, напечатано в сборнике Садовникова под № 112-н.

26. Записано в Симбирске, напечатано в сборнике Садовникова под № 68-а.

27. Записано Садовниковым в с. Новиковка от Абрама Новопольцева, напечатано в сборнике Садовникова под № 68-г.

28. Напечатано в сборнике Садовникова под № 113, с пометкой: «Сообщено Исаем Дементьевичем Ивановым, с. Новиковка, Самарской губернии, Ставропольского уезда».

Рассказ чрезвычайно любопытен. Это уже не краткая по своей форме «былинка», а развернутый бытовой рассказ о «страшных барских временах». Сквозь форму мифологических представлений ярко проступают реальные социально-бытовые черты: с помощью водяных духов «моргулюток» мельник расстраивает все козни барского приказчика и долго куражится над барином. Реально-бытовые черты, помимо фантастических, принимает в рассказе и «нечистая сила», она пугает мельника образами жандармов, начальства.

Интересно поверье о «спрыг-траве», оно имеет широкое бытование. По сообщению А. Н. Минха: «Спрыг-трава нужна для воров и разбойников; вор подносит палец к замку и он сам отворяется, «спрыгивает». Стенька Разин и Пугач имели ее под каждым ногтем» («Народные обычаи, обряды, суеверия крестьян Саратовской губернии», 1890 г.). Подобное поверье, связанное с местным «разбойником» Карелиным, записано в 1938 г. в Ярославле (Архив Государственного литературного музея).

29. Напечатано в сборнике Садовникова под № 124, с пометкой: «Записано со слов симбирской мещанки Екатерины Григорьевны Извозчиковой и сообщено М. И. Извозчиковым».

30—31. Местные предания; записаны Садовниковым в Симбирске, напечатаны в его сборнике под № 122 и 123.

Спор о первенстве рек — мотив чрезвычайно популярный в фольклоре Близкий к записи Садовникова вариант представляет белорусское предание о Днепре и Соже; аналогичные легенды существуют о Днепре и Десне, о Доне и Шате и др. (см. А. Н. Афанасьев, «Поэтические воззрения славян на природу», т. II, стр. 225—229).

АБРАМ НОВОПОЛЬЦЕВ. Избранные сказки

Абрам Новопольцев — крестьянин, уроженец села Яксашное-Помряськино, б. Ставропольского уезда (ныне Малокандалинского района, Куйбышевской области), — вот те скудные сведения, которые сохранились о знаменитом сказочнике. По дополнительным данным, полученным фольклорной экспедицией 1935 г. в районах Куйбышевской области (тогда края), выяснилось, что «Абрам Новопольцев, по отцу Кузьмич, был пастухом, жил бедно, имел четырех сыновей. Любил выпить, побалагурить и «сказки сказывать». Его до сих пор помнят в деревне: «Я у него в подпасках был, — вспоминает о нем Алексей Логинов (муж внучки Новопольцева), — бывало мы стадо пасем, а дед Абрам в кабаке «бочки караулит» (пьяный сидит) и сказки рассказывает. Здорово он умел сказывать небылицы всякие. Его баре возили к себе в усадьбу, когда пиры устраивали, он и смешил их там».[1] Судя по этим же воспоминаниям, правда недостаточно точным, Новопольцев умер приблизительно в 1885 г., 65 лет от роду.

Встреча с Абрамом Новопольцевым и произведенные от него записи — большая удача, научная заслуга Садовникова. К сожалению, собиратель умер, не успев закончить свой труд, не предпослав собранию текстов в изданном сборнике введения, в котором он предполагал дать сведения о самих сказочниках. Нам представляется однако, что встреча с Новопольцевым запечатлена Садовниковым в его литературном произведении «Языческие сны русского народа». Очерки эти были опубликованы Садовниковым в 1883 г., т. е. как раз во время его работы над сборником. Садовников рассказывает, как в одну из своих поездок в деревню

[1] Эти сведения опубликованы в статье В. М. Сидельникова «Устное творчество Куйбышевского края», в сборнике «Волжский фольклор», 1937 г.

он случайно недалеко от усадьбы повстречался с пастухом Сидором, о котором давно уже слышал, как о замечательном сказочнике. Пастух предлагает ему выслушать свою любимую сказку «про Марью-Красу, Черную Косу» (как известно, одна из лучших сказок Абрама Новопольцева). «По зимам меня ребята слушают, всю ночь не спят. Долгие сказки умею сказывать», — сообщает он Садовникову. Мы не собираемся, конечно, проводить полной аналогии между Абрамом Новопольцевым и пастухом Сидором. Садовников в своих очерках поставил перед собою специальную задачу — выявить народное мировоззрение; созданный им образ сказочника — не индивидуальная характеристика определенного лица, а художественно-обобщенный тип. В уста своего сказочника Садовников вкладывает поверья о водяных и леших, слышанные им от разных лиц (в частности и от Абрама Новопольцева).

Такой специфический подбор рассказов, вложенный в уста одного рассказчика, придает сугубо мистический облик его носителю. Новопольцев, несомненно, гораздо более трезв, реалистичен. Легендарные мотивы имеют место в его творчестве, но не являются в нем преобладающими. Однако характерным является то, что как раз произведения этого типа — легендарные сказки — по своим стилистическим приемам несколько выпадают из его творчества. На них не распространяется балагурная, потешная рифма, столь свойственная художественному стилю Новопольцева.

Блестящая характеристика личности и творчества Абрама Новопольцева дана М. К. Азадовским.[1] «Это, — пишет Азадовский, — знакомый тип сказителей-балагуров, неизменных участников «веселых бесед», любимых членов артелей, тип сказочника-увеселителя, как называют его некоторые исследователи. Его стиль вполне соответствует такому беглому построению. Сказительское мастерство Новопольцева обнаруживается не столько в психологической или социально-творческой переработке основных элементов сказки, сколько в ее внешней формальной стороне. Основная манера его — рифмовка, которая является одним из типичнейших приемов этого балагурного стиля».

Новопольцев, как это неоднократно высказывалось в литературе, является типичным представителем наследия скоморохов.

От Абрама Новопольцева записано 72 текста. Репертуар его исключительно разнообразен по своему содержанию: здесь и сказки о животных, и сказки волшебные, новеллистические, и сатирико-бытовые, и шутливый анекдот, и сказка-легенда. Во всем творчестве Новопольцева сказывается исключительное его мастерство; оно проявляется и в искусном построении сюжета, и в оригинальных контаминациях, и в мастерстве передачи; язык его образен, остер, изобилует поговорками. Это крупнейший мастер художественного слова.

Помещаемые нами тексты напечатаны в сборнике Садовникова «Сказки и предания Самарского края».

1. Иван царевич и Марья-Краса, Черная Коса. Одна из лучших волшебных сказок А. Новопольцева. Разбор ее сделан М. К. Азадовским, основные выводы которого мы и даем. В данном варианте мы имеем соединение трех различных сюжетов: двух братьев (по указателю Андреева 303),[2] освобождение царевны от змея (Анд. 300 А) и сюжет трудных задач, выполняемых с помощью зверей-помощников (Анд. 554). В таком сочетании сказка нигде более не встречается, по замечанию Азадовского данная редакция является изобретением самого сказочника; оригинальным является также образ Карки-богатыря, соединившего в одном лице тип богатыря-помощника и верного слуги. Характерна концовка сказки, являющаяся типичной скоморошьей формулой: «и нам молодцам по стаканчику пивца».

2. Спящая девица. В этой сказке мы имеем соединение двух сюжетов: об

---

[1] М. К. Азадовский, Русская сказка, изд. «Academia», 1932 г., т. I.

[2] Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов, 1929 г. (в дальнейшем именуем сокращенно — Анд.).

оклеветанной девушке (Анд. 883) и мертвой царевне (Анд. 709), сюжет, разработанный Пушкиным в его знаменитой сказке «О мертвой царевне и о семи богатырях». Такое соединение традиционно. В данной редакции сказка представлена в сборниках Афанасьева [1] и Соколовых.[2]

Оригинальность Новопольцева, по замечанию М. К. Азадовского, «выразилась в сцене разоблачения, где в образе переодетой девицы он набросал некоторые свои автопортретные черты. «А вот я из Помряськина сказывальщик»,—говорит переодетая девица.

3. Учитель и ученик. Вариант одной из популярнейших сказок (Анд. 325). Сюжет устойчив почти во всех вариантах. Индивидуальная разработка его сказочниками заключается в различии мотивировки отдельных положений. Так, например, различны мотивы отдачи сына в науку колдуну: бедность родителей, стремление к легкой наживе, «легкому хлебу», жадность злой мачехи и т. п. Еще более варьируются сказочниками обстановка и причина последней купли сына (колдуном): старик соблазняется бо́льшей суммой денег и, несмотря на запрет, продает коня с уздечкой; отдает уздечку (с конем-сыном) по постановлению суда, полиции, под давлением барышников; колдун силой отнимает уздечку и т. д.

В ряде вариантов на первый план выступает мотив обиды (старик сердится на сына за вещее предсказание птиц). У Новопольцева обида настолько овладевает стариком, что он тут же топит сына в Волге. Это заставляет сказочника отступить от традиционной сюжетной схемы: сын продан колдуну не отцом, а хозяевами; сын таким образом расплачивается с хозяином за ночлег (мотив с уздечкой отсутствует). Вариант Новопольцева особенно интересен ярко выраженным местным (волжским) колоритом; обычно в известных нам печатных вариантах внешняя обстановка дается нейтрально.

4. Ванюшка и Аннушка. Вариант известной сказки о братце и сестрице (Анд. 450). В сказке Новопольцева мы имеем соединение двух сюжетов. Сюжет «Одноглазки, Двухглазки и Трехглазки» (Анд. 511) искусно сочетается у Новопольцева с сюжетом сказки о «Братце и сестрице».

В таком сочетании сказка больше нигде не встречается. Она является продуктом творческой изобретательности самого Новопольцева. Обычное начало этой сказки: мачеха выгоняет детей из дома, они странствуют, братец лижет козлиное сало, превращается в козленочка и т. д.

Своеобразную контаминацию этого основного сюжета мы имеем в сказке Ончукова: [3] девушка отдана отцом водяному (Анд. 313); ее увозит козел; бегство с помощью бросанья чудесных предметов (Анд. 313-I); на девушке женится купец и т. д. В вятском сборнике Зеленина [4] и у Смирнова [5] сказка начинается с сюжета о «небесной избушке». Сказка Новопольцева «Ванюшка и Аннушка» является характерным образцом его сказительской манеры. По справедливому замечанию М. К. Азадовского, в ней ярко выступают особенности его балагурного стиля — введение потешной рифмы, отчего резко меняется общий тон и направленность сказки. Она в значительной мере теряет свой трогательно-сентиментальный характер (см., например, описание смерти старухи, изображение горькой участи сирот и т. д.).

5. Подмененая невеста. Новеллистически-бытовая сказка (Анд. 870); аналогичных вариантов в печатных сборниках не находим. В этой сказке нашли свое яркое отражение социальные тенденции Новопольцева: вся его симпатия на стороне бедной крестьянской девушки («шурья-ти пасут стадо, а тесть с тещей ходят с сумочками»), торжествующей над беспутной бариновой дочкой.

---

[1] А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, изд. 2, 3, 4-е, № 121-б.
[2] Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, 1915 г., № 26, 27.
[3] Н. Е. Ончуков, Северные сказки, 1908 г., № 128.
[4] Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Вятской губ., 1915 г., № 11.
[5] А. М. Смирнов, Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества, вып. I—II, 1917 г., № 43.

6. Марко богатый. Вариант одной из популярнейших новеллистически-легендарных сказок (Анд. 461), известной в двух редакциях: по одной из них Марко, желая погубить зятя, посылает его на завод, но попадает в котел сам; по другой — жадный Марко, желая получить богатство сам, отправляется «на тот свет» и становится вечным перевозчиком. Вариант Новопольцева относится ко второй группе. (См. близкий ему вариант у Афанасьева, № 173.)

Эта сказка особенно подчеркивает разнообразие художественного мастерства Новопольцева. Нравоучительный характер сказки, наличие в нем элементов христианской мифологии (в гости к Марко приходят «сам господь и Миколай угодник») определяют стиль его повествования.

7. Миколай угодник и охотники (Анд. 937). Аналогичный вариант, но в реалистически-бытовом тоне, записан братьями Соколовыми (№ 100). Новопольцев особенно подчеркивает в своей сказке ее глубокий нравоучительный смысл, раскрыв его выразительно в образе змеи: страсть к деньгам — змея — съедает обоих охотников.

8. Бык, баран, гусь, петух и волк. Вариант одной из популярнейших сказок о животных (Анд. 130). По мастерству передачи вариант Новопольцева лучший из имеющихся. Художественное мастерство сказочника особенно ярко сказалось в передаче примет животных.

9. Блоха и муха (Анд. 284). Сюжет оригинален; аналогичных текстов в имеющихся сборниках не находим. В юмористической форме противопоставляет сказочник деревенский быт городскому.

10. Барин и мужик (Анд. 1529-11). Сатирическая сказка. Аналогичный вариант представлен в сборнике Иваницкого «Материалы по этнографии Вологодской губ.», № 45. В этой сказке жертвой хитрого мужика является не барин, а поп.

11. Про нужду (Анд. 1528-I). «В имеющихся сборниках не находим соответственных сходных текстов, но несомненно они существуют. Имеется лубок: «Сказка о том, как нужда скачет, нужда плачет, нужда песенки поет» (изд. 1859 г.). Из частичных совпадений можно указать сюжет «шутки дома оставил: мошенник просит у барина лошадь съездить домой за шутками и не возвращается» (Анд. 1528).[1]

12. Поп и дьякон. Сатирическая сказка, относится к популярному циклу антипоповских сказок (Анд. 1831). Близкий вариант представлен сборником вятских сказок Зеленина (№ 59).

---

[1] М. К. Азадовский, Русская сказка, т. I, стр. 179.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Д. Н. САДОВНИКОВА

(литературные псевдонимы: Жанрист, Д. Волжанов, Дм. Симбирцев, Д. Н. Полянский, Ю. П. Полянский, Ю. Подгорич, Пеон 2-ой, Дим., [Rus]).

ВЫШЛИ ПРИ ЖИЗНИ

а) Отдельные издания

1. Наши землепроходцы, Рассказы о заселении Сибири, 1874 г. Несколько ранее опубликовано в журн. «Грамотей» (1883 г., кн. 1, 2, 3, 8, 11 и 12) под названием «Подвиги простых русских людей».
2. Загадки русского народа, СПб., 1875 г.
3. Норвежские сказки, 1875 г. (без имени переводчика).

б) В периодической печати

1. «Жегули и Усолье на Волге», журн. «Беседа», 1872 г., № 11 и 12.
2. «Этнографические материалы Поволжского края», газ. «Симбирские губернские ведомости», 1874 г., № 34, 36, 40, 46, 47 и 51 (Заговоры и песни).
3. «На Волге», I. «Жегулевские горы» (под псевдонимом Ю. П. Полянский), журн. «Нива», 1874 г., № 45.
4. [«Виды Волги: Царев бугор] (без подписи), журн. «Нива», 1875 г., № 49.
5. [«Соколова гора у Саратова»] (без подписи), журн. «Нива», 1875 г., № 5.
6. [«Бугор Стеньки Разина»] (без подписи), журн. «Нива», 1875 г., № 11.
7. «Народные рассказы» («Иван IV Грозный», «Разин в Симбирске» и «Расправа с пугачевцами»), журн. «Русская старина», 1876 г., № 2, 4 и 9.
8. «Нищие на Руси», журн. «Нива», 1876 г., № 23.
9. [«Разинский бунт»] (за подписью Rus), журн. «Нива», 1876 г., № 44 и 45.
10. «На Волге». I. «Пески» (без подписи), журн. «Кругозор», 1877 г., № 25.
11. «На полях книг» (литературные фельетоны под псевдонимом «Пеон 2-ой»), журн. «Стрекоза», 1879 г.
12. «Языческие сны русского народа», журн. «Детское чтение», 1882 г. (первое полугодие).
13. «Из летней поездки по Волге», журн. «Век», 1883 г., кн. 1.
14. «Отзывы современников о Пушкине», журн. «Исторический вестник», 1883 г., кн. 12.
15. «Открытые письма по русской поэзии» (под псевдонимом Д. Волжанов), журн. «Искусство», 1883 г., № 12, 15, 17, 19, 20, 22 и 24.

Оригинальные стихотворения, переводы из иностранных поэтов, рассказы рассеяны по следующим журналам:

«Иллюстрационная газета», 1868 г., № 47.
«Грамотей», 1872 г., кн. 5, 6, 10.
«Семья и школа», 1873 г., № 9.
«Вестник Европы», 1876 г., кн. 2, 1877 г.
«Свет», 1878 г.
«Огонек», 1879 г., 1880 г., № 4, 5, 11, 16 и 17, 1881 г., № 12—16, 35.

«Живописное обозрение», 1879 г., № 12, 1880 г., № 9, 11 (под псевдонимом Д. Н. Полянский), 1881 г.
«Еженедельное новое время», 1879 г., № 10 и 11.
«Будильник», 1879 г., 1880 г.
«Слово» 1880 г., 1881 г., кн. 2.
«Иллюстрационный мир», 1881 г.
«Осколки», 1881 г.
«Всемирная иллюстрация», 1881 г.
«Русская мысль», 1881 г., кн. X, 1882 г., кн. I и III, 1883 г., кн. I.
«Модный свет», 1881 г.
«Новый русский базар», 1881 г.
«Волжский вестник», 1883 г., № 5, 12 и 27.

ПОСМЕРТНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Сказки и предания Самарского края, СПб., 1884 г.
2. Письма Пушкина к Н. М. Языкову (публикация 6 писем с примечаниями Д. Н. Садовникова), журн. «Исторический вестник», 1884 г., кн. 5.
3. Языковский архив, вып. I, под ред. Е. В. Петухова, 1913 г., Н. М. Языков (начало статьи Д. Н. Садовникова).
4. Поэма «Кума», журн. «Исторический вестник», 1892 г., № 1.
5. Публикация черновых стихотворных набросков в журналах: «Всемирная иллюстрация», «Игрушечка», «Труд», «Наше время» (1892 г., № 2, 24; 1893 г., № 6, 10, 28), Литературный сборник «Помочь», СПб., 1892 г.

6—7. Отдельными изданиями вышли два сборника стихотворений Д. Н. Садовникова: «На старой Волге», Симбирск, 1906 г., и «Песни Волги», изд. Терновского, СПб., 1913 г. (с биографическим очерком Н. А. Державина).

8. «Встречи с И. С. Тургеневым», «Русское прошлое», исторический сборник 1923 г., кн. 1 и 3. (Опубликовано по рукописи дневника Д. Н. Садовникова).

О Д. Н. САДОВНИКОВЕ

Некрологи: в журн. «Свет», 1883 г., № 278, в журн. «Исторический вестник», 1884 г., № 2.

В. В. Чуйко, Современная русская поэзия в ее представителях, СПб., 1885 г.

Д. Д. Языков, Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, 1886 г., вып. III, IV, V.

Н. Агофонов, Заволжская вивлиофика. Каз. 1887. (Д. Н. Садовников, Некрологический очерк.)

Ап. Коринфский, Д. Н. Садовников и его поэзия, СПб., 1900 г.

П. Симони, Садовников Д. Н., Русский биографический словарь, СПб., 1904 г.

Н. А. Державин, «Певец Волги и воли», журн. «Исторический вестник», 1910 г., кн. VII.

Г. Залкинд, Певец Степана Разина (памяти Д. Н. Садовникова), сборник «Край Ильича», Казань, 1927 г., № 2.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От составителя. 3

В. Крупянская. Дмитрий Николаевич Садовников 5

Стихотворения

К Волге («Тебе несу стихи, река моя родная») 19
В Жегулях («...Курганы, кручи и вершины») 20
Атаман и есаул («Исполнилось Стеньке пятнадцать лет»). . . . . —
Астраханский загул («Государевым указом») 21
Стенькина шуба («От казацкого веселья») 23
Суд («Не для торгу едет Стенька»). 24
Из волжских песен: I. «Приплыл Стенька Разин» 26
II. В остроге («Уж как заперли Степана») . . —
В Жегули! («...Эй, ребята, вверх по утру»). 27
«Из-за острова на стрежень» 28
Настасьина могила («За Степановой за любой»). . . . . —
Зазноба («По посáду городскому») 30
Полонянка («Зеленые горы!.. Здесь каждый бугор») 31
Усолка («При Грозном на Волгу, к подошве холмов»). 34
Богатырь-девка («Это было в Нижнем городу») 40
Стрела («Кучум сдержать не в силах гнев») 41
Попутный ветер («Ясный день глядится в воды») 42
Кума («Всплывает месяц и горит») 44
Волжские эскизы 50
Молодецкий курган («Отвалили утром рано») 52
Макарья старый монастырь («Разлива мощного незыблемая ширь») 53
«Мелькают пятна от рыбалок». 54
«Струится зыбкая дорожка по реке» . . . . . —
«Все блекнет, все голо вокруг» . . . . . —
Родная река («Красива Волга мне родная») 55
Жегулевские клады («Души человека бесценнейший клад»). . . 56

Предания и легенды Поволжья

1—8. Про Стеньку Разина 57
9. Про Пугача. 77
10. Пугачев в Симбирске. 78
11. Расправа с пугачевцами. . . . . —
12. Шарюк. . . . . —
13. Серебряков. 80
14. Костычев. 81
15. (Аханщиков). 82
16. Быков 83
17. (О поимке разбойников). 84

18. Про Никитушку Ломова 85
19—22. Про постоялые дворы 86
23—25. Про клады. 88
26. Про Лешего и Водяного 92
27. Про Лешего . . . . . —
28. Мельник-знахарь 93
29. Марина-Русалка. 98
30. Пряничная гора 101
31. Волга и Кама 102

Абрам Новопольцев. Избранные сказки

1. Иван-царевич и Марья-Краса, Черная Коса. 103
2. Спящая девица. 116
3. Учитель и ученик. 120
4. Ванюшка и Аннушка. 126
5. Подменёная невеста. 131
6. Марко Богатый. 133
7. Миколай угодник и охотники. 139
8. Бык, баран, гусь, петух и волк 140
9. Блоха и муха. 141
10. Барин и мужик. 142
11. Про нужду. 143
12. Поп и дьякон. 145

Комментарии 147

Научные труды и литературные произведения Д. Н. Садовникова. . . . 165

О Д. Н. Садовникове. 166

Редактор изд-ва *В. Авилов*. Технический редактор *Д. Вышковский*.
Корректор *Е. Николаева*.

Типографские работы под общим наблюдением директора типографии *С. А. Садовникова*.

Сдано в набор 19 января 1940 г. Подписано к печати 8 июня 1940 г. Облгиз № 2932. Индекс Х—46. Уполн. облдита К—6737. Формат 56×88/16. Печ. л. 10½. Уч.-изд. л. 12. Тип. зн. в печ. л. 45872. Тираж 5000.

Цена книги 4 р. 20 к. Переплет 1 р. 80 к.

Типография им. Мяги треста «Полиграфкнига», ОГИЗ, Куйбышев, ул. Венцека, 60. Заказ № 218.